

Прог. 1970

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

73

5 жл

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИИИТ Археол

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

73

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор доктор историч. наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора канд. историч. наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (ответственный секретарь),
П. А. Раппопорт, Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

*Р. М. МУНЧАЕВ*ИТОГИ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

С 22 по 28 октября 1956 г. в г. Ереване ИИМК совместно с Институтом истории Академии наук Армянской ССР организовал конференцию по археологии, древней и средневековой истории Кавказа. Для подготовки и проведения конференции при ИИМК был создан Оргкомитет под председательством академика И. А. Орбели, в который вошли представители Академий наук Армении, Грузии и Азербайджана.

Основная задача конференции заключалась в объединении научных сил археологов-кавказоведов для решения важнейших проблем археологии и древней истории Кавказа, для разработки планов и мероприятий дальнейшего изучения Кавказа.

Было заслушано и обсуждено 56 докладов и сообщений, в том числе восемь — на пленарных заседаниях. Они посвящались общим и частным вопросам изучения памятников каменного и бронзового века, древней и средневековой истории отдельных районов и областей Кавказа.

Работа протекала в деловой и творческой обстановке. Отрядным фактом была значительная активность молодых археологов научно-исследовательских учреждений Кавказа и особенно Академий наук Азербайджана, Армении и Грузии, свидетельствующая о росте научных кадров в этих республиках.

Состоялись 4 пленарных заседания и 4 секционных по 3 секциям: 1) древнейшей истории (каменный и медно-бронзовый век), 2) древней истории (железный век) и 3) средневекового Кавказа.

Конференцию открыл директор ИИМК академик Б. А. Рыбаков, подчеркнувший значение подобных региональных совещаний в научно-историческом освещении таких крупных территорий, как Кавказ.

Во вступительном слове академик И. А. Орбели отметил знаменательный факт — открытие конференции совпало с 75-летием со времени Пятого археологического съезда, состоявшегося в Тбилиси в 1881 г., сыгравшего громадную роль в развитии кавказской археологии, и остановился на основных результатах, достигнутых в археологическом изучении Кавказа за весь этот период.

Обобщению результатов и освещению состояния кавказоведения в области археологии был посвящен доклад Е. И. Крупнова на пленарном заседании — «Основные проблемы кавказской археологии». Е. И. Крупнов отметил, что накопленные на Кавказе археологические источники дают возможность в основных чертах представить общую линию развития мест-

ного общества, начиная с эпохи нижнего палеолита и кончая эпохой позднего средневековья, и наметить пути разрешения многих конкретных проблем этнической истории различных народов Кавказа¹.

В связи с тем, что изложение хода работ конференции, тематика и наименование докладов и сообщений уже опубликованы в ряде заметок², мы остановимся лишь на наиболее важных, на наш взгляд, проблемах и частных темах (в их историко-хронологической последовательности), подвергнутых обсуждению на конференции. Это будет способствовать уяснению общих достижений кавказской археологии, состояния изучения отдельных культурно-исторических эпох, а также выявлению недостатков и пробелов, спорных вопросов, путей их разрешения и перспектив дальнейших археологических изысканий на Кавказе.

Один из наиболее важных вопросов кавказской археологии — это проблема палеолита. Известно, что открытие и изучение палеолитических памятников на территории Кавказа, особенно в Армении³ и Грузии, представляет собой выдающееся достижение советской археологии.

К сожалению, на Ереванской конференции не было сделано обобщающего доклада о состоянии и задачах дальнейшего изучения палеолита Кавказа, однако доклады и сообщения по данной теме на секции древнейшей истории в какой-то мере заполнили этот пробел. Так, Н. Э. Бердзенишвили посвятила свой доклад изучению памятников древнекаменного века Грузии за 1948—1956 гг. В эти годы в различных районах республики обследовано несколько палеолитических местонахождений. Особенно важное значение имеет исследованная автором в 1951—1952 гг. пещера Сагварджи в 25 км от г. Кутаиси. Вскрыто 5 культурных наслоений, причем 4 слоя относятся к верхнему палеолиту, а нижний — пятый — к позднему мустьерской эпохе. Обнаружены обильные фаунистические остатки, характеристике которых было посвящено специальное сообщение Л. К. Габуниа. Интересна находка костей шерстистого носорога, впервые встреченных в палеолитических памятниках Грузии.

В. П. Любин в докладе «Исследования палеолита в Юго-Осетии» подвел итоги своих успешных пятилетних работ (1951—1955 гг.). Достаточно сказать, что за эти годы на территории Юго-Осетии обнаружено 30 ашельских и мустьерских местонахождений, в том числе первая на Кавказе высокогорная палеолитическая стоянка Кударо (в долине р. Дзеджори — левого притока Риони).

Открытие ашельско-мустьерских материалов в пределах среднегорной и высокогорной полос южного склона Большого Кавказа, по мнению В. П. Любина, показывает, что Кавказский хребет, возвышавшийся на путях расселения древнейших людей, не был непреодолимой преградой.

Большое значение имеют работы по выявлению палеолита в Азербайджане, начатые в 1953 г. С. Н. Замятниным. В результате их в сел. Дашсалахлы открыто верхнепалеолитическое местонахождение; сообщение об его обследовании в 1956 г. сделал М. М. Гусейнов.

В. Г. Котович сообщил об открытых им палеолитическом местонахождении Чумус-Иниц севернее Дербента (1953 г.) и двух мезолитических стоянках в Гунибском районе горного Дагестана, близ селений Чох и Ругуджа (1954—1956 гг.). Таким образом, в настоящее время начал по-

¹ Е. И. Крупнов. О задачах археологического изучения древней истории Кавказа. «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 165—169; его же. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 3—13.

² Е. И. Крупнов. Археологическое изучение Кавказа (конференция в Ереване). Вестник АН СССР, 1957, № 1, стр. 114, 115; Р. М. Мунчаев. Кавказская археологическая конференция. СА, 1957, № 1, стр. 297—300.

³ М. Э. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950; С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван, 1954.

лучать разрешение и вопрос о палеолите Северо-Восточного Кавказа. К сожалению, в других областях еще не развернулись сколько-нибудь серьезные работы по изучению палеолита, что тормозит решение многих важных вопросов древнейшей истории Кавказа.

Перед специалистами в области палеолита стоят важные задачи по углублению и расширению начатых работ в Закавказье и Дагестане и развертыванию систематического обследования Северного Кавказа. Что касается неолита Кавказа, то он чрезвычайно слабо изучен, и в настоящее время специальных исследований почти не ведется. В докладах, в которых этот вопрос затрагивался (А. А. Иессен — «Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа», Л. Н. Соловьев — «История заселения Воронцовской пещеры в эпохи неолита и бронзы»), лишь указывалось на крайне малую изученность кавказского неолита. До сих пор нет возможности дать периодизацию и датировку памятников и выделить локальные группы неолитической культуры. Возникают значительные трудности при решении важнейших вопросов кавказской археологии — проблемы расселения древних племен и формирования местных вариантов их культуры и др., а также вопроса об истоках неолита Кавказа. В настоящее время проблема кавказского энеолита привлекает к себе большое внимание. Дело в том, что за последние два десятилетия в Закавказье, особенно в Южнокавказском Двуречье и примыкающих к нему районах Северо-Восточного Кавказа открыта высокая культура оседло-земледельческих племен, отличающаяся поразительной общностью на обширной территории распространения. Покойный Б. А. Куфтин⁴, осмысливший ее как культуру куро-аракского энеолита, установил по ряду признаков ее связь с малоазийским и восточно-средиземноморским культурным миром⁵.

Число выявленных и исследуемых памятников — преимущественно поселений, относящихся к этой культуре, — с каждым годом увеличивается. Так, например, Л. И. Глonti сделала сообщение о новом, чрезвычайно интересном энеолитическом памятнике Квацхелеби в окрестностях Урбниси, недалеко от г. Гори.

Вопрос о границе распространения памятников куро-аракского энеолита выясняется с достаточной четкостью: на юге она доходит вплоть до оз. Урмии⁶, на юго-западе — до района Эрзинджана⁷, на севере охватывает Юго-Осетию, на востоке — включает западные районы Азербайджана, а на северо-востоке — Дагестан и Чечено-Ингушетию. Как выяснено раскопками поселения у с. Луговое (Мужичи) в Чечено-Ингушской АССР, здесь эта культура соприкасается непосредственно с памятниками медного века Северного Кавказа.

Однако, ввиду слабой изученности здесь неолита вопрос о происхождении куро-аракской культуры не ясен. Правда, нельзя не отметить, что в результате раскопок нахичеванского Кюль-тепе (о чем было сделано сообщение О. А. Абибуллаевым) возможность решения этого вопроса уже намечается. Кюль-тепе — уникальный памятник кавказской археологии. Здесь выявлено 4 культурных слоя мощностью более 21 м. При этом слои толщиной 8,5 м, предшествовавшие характерной энеолитической культуре, содержали отдельные образцы древней расписной керамики.

⁴ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. Вестник Музея Грузии, XIII-В, Тбилиси, 1944.

⁵ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 119, 127; его же. Археологические работы в Цакинском районе 1947 г. Тбилиси, 1948, стр. 28, 29, 36, 44.

⁶ T. Burton-Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951.

⁷ Summary of Archeological Work in Turkey, 1953. «Anatolian Studies», vol. IV. London, 1954.

Не решен и вопрос о датировке куро-аракского энеолита, вызывающий сейчас, пожалуй, наибольшие споры и разногласия. Поэтому возникают противоречия и в датировке синхронных памятников Северного Кавказа, и в установлении хронологии последующих культур всего Кавказа.

Вообще проблема абсолютной и относительной хронологии древностей — наиболее важный вопрос кавказской археологии. Отсюда понятен тот громадный интерес, который вызвали на конференции работы, касающиеся проблемы хронологии, и прежде всего доклад Б. Б. Пиотровского «Закавказье и Древний Восток».

По мнению Б. Б. Пиотровского, в использовании древневосточного материала при датировке закавказских памятников следует различать, с одной стороны, датировку по наличию точно определимых древневосточных предметов, а с другой, — основанную на сходстве отдельных предметов или же всего комплекса. На основании последнего Б. Б. Пиотровский связывает закавказский энеолит с малоазийским, предшествующим хеттской культуре, и относит его к концу III тысячелетия — началу II тысячелетия до н. э.⁸ В начале II тысячелетия до н. э. устанавливаются связи с Древним Востоком, обусловившие проникновение в Закавказье и на Северный Кавказ древневосточных предметов и влияний. Яркими показателями этих связей служат металлические изделия. К первой половине II тысячелетия до н. э. Б. Б. Пиотровский относит некоторые позднеэнеолитические курганы, исследованные Б. А. Куфтиным в Сахчери, соответствующие комплексы из абхазских дольменов (вислообушные топоры, пластинчатые наконечники копий и ножи — все медные) и, вероятно, так называемые Большие кубанские курганы Северного Кавказа.

Серединой II тысячелетия до н. э. датируются памятники типа Триалетских и Кироваканского курганов.

Вследствие слабой изученности последующей эпохи в Закавказье — культуры раннего этапа эпохи поздней бронзы — еще нельзя четко проследить ее преемственность с триалетской.

Затруднения вызывают вопросы датировки памятников поздней бронзы Закавказья; для их датировки нет точной опоры. Б. Б. Пиотровский датирует позднебронзовую культуру Закавказья — по наличию в ее комплексах удил ассирийского типа и других предметов древневосточных культур — рубежом II тысячелетия и началом I тысячелетия до н. э.⁹

Вопросы хронологии памятников Северного Кавказа эпохи меди и бронзы получили освещение в названном выше докладе А. А. Иессена¹⁰. По мнению докладчика, энеолитическая культура Северного Кавказа целиком относится к III тысячелетию до н. э., не заходя ни во II тысячелетие, ни в IV тысячелетие до н. э. К раннему периоду медно-бронзового века относятся так называемые памятники майкопского этапа, датируемые в пределах второй половины III тысячелетия до н. э. (2300—2100 гг. до н. э. в абсолютных цифрах). Несомненно более поздним временем датируется группа памятников, известных по курганам станицы Новосвободной, тесно связанная с культурой дольменов Северо-Западного Кавказа.

⁸ Б. Б. Пиотровский считает неправомерным сопоставление закавказского энеолита, характеризуемого черной лощеной керамикой, с энеолитом Месопотамии и Ирана, основным элементом которого является расписная керамика. Таким образом, он отрывает по времени энеолит Малой Азии и Закавказья от энеолита Месопотамии, Ирана и Средней Азии.

⁹ В VIII в. до н. э. усилились связи культуры Закавказья с цивилизациями Древнего Востока. К этому времени относится проникновение на Кавказ ассирийских, средиземноморских и египетских предметов.

¹⁰ Бронза в буквальном смысле (классическая оловянистая) появилась на Северном Кавказе поздно, т. е. примерно в конце II тысячелетия до н. э. А. А. Иесен, на наш взгляд, справедливо называет период III—II тысячелетий до н. э. на Северном Кавказе медно-бронзовым веком, выделяя в нем ранний, средний и поздний этапы.

Средний период (северокавказская культура), по А. А. Иессену, длился здесь от XIX—XVIII вв. до XIII—XII вв. до н. э., а поздний охватывал отрезок времени с XII—XI вв. до VIII в. до н. э.¹¹

Достаточно сопоставить хронологические периодизации культур Закавказья и Северного Кавказа Б. Б. Пиотровского и А. А. Иессена, чтобы убедиться в имеющихся до сих пор противоречиях в датировках кавказских древностей. Это особенно касается начальных этапов развития культуры медно-бронзового века.

При сопоставлении датировок А. А. Иессена и Б. Б. Пиотровского некоторые недоумения вызывает общая картина исторического процесса — развитие культуры в Закавказье отстает от Северного Кавказа, так как памятники южнокавказского энеолита датированы более поздним временем, чем северокавказского.

Мы, как и многие выступавшие на конференции по докладам Б. Б. Пиотровского и А. А. Иессена (Ф. Н. Тавадзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Т. Н. Чубинишвили, А. А. Иессен, Е. И. Крупнов и др.), склонны считать датировку, предложенную Б. Б. Пиотровским, заниженной, а хронологию А. А. Иессена — более соответствующей действительности. Вообще, в последнее время подавляющее большинство исследователей отдает предпочтение более ранним датировкам древностей Кавказа, в частности энеолитических памятников, что основано на детальном изучении археологического материала. Так, например, А. И. Джавахишвили, анализируя образцы торевтики и художественный стиль ювелирных изделий из знаменитых Триалетских курганов эпохи средней бронзы, при сопоставлении их с переднеазиатскими (Урук) пришел к выводу о необходимости углубить дату памятников Триалети (начало II тысячелетия до н. э.)¹².

К более ранним датам памятников эпохи бронзы Грузии склоняется на основе изучения стратиграфии древнейших погребений Самтаврского могильника Т. Н. Чубинишвили¹³.

Накопление и детальное изучение материала неизбежно приводит исследователей к более ранней датировке памятников медно-бронзовой эпохи Кавказа, что в известной степени согласуется с довольно точно разработанной хронологией Древнего Востока. Правда, попытки «удривнения», с одной стороны, и стремление к согласованию с древневосточной хронологией, — с другой, не всегда обоснованы. Решение важных вопросов датировки кавказских памятников требует чрезвычайно тщательного и всестороннего подхода. Создание хронологической шкалы памятников — одна из первоочередных задач археологов-кавказоведов.

К нерешенным вопросам относится и «проблема крашеной керамики Закавказья» (типа кызыл-ванкской). К сожалению, сейчас специальных работ по изучению памятников этой интереснейшей группы не ведется. Небольшой материал типа крашеной керамики Кызыл-Ванка, собранный в последние годы в соответствующих слоях нахичеванского Кюль-тепе и

¹¹ Необходимо особенно указать на то, что в данное время на Северном Кавказе не ведется никаких работ по изучению памятников медно-бронзового века, за исключением раскопок, проводимых в Чечено-Ингушской АССР экспедицией ИИМК и в Дагестане экспедицией Дагестанского филиала Академии наук СССР. Археологическое исследование Северного Кавказа, как справедливо подчеркнули в своих докладах и выступлениях Е. И. Крупнов, А. А. Иессен, Т. М. Минаева, Н. В. Анфимов и др., заметно отстает от изучения Закавказья. Это создает существенные затруднения в решении многих важных проблем археологии Кавказа.

¹² Доклад А. И. Джавахишвили, посвященный анализу художественного стиля драгоценных предметов из Триалетских курганов, назывался «К вопросу о художественной обработке металла в эпоху средней бронзы на территории Грузии».

¹³ Доклад Т. Н. Чубинишвили — «К вопросу о стратиграфии и хронологии памятников эпохи бронзы в Закавказье».

дающий надежное основание для относительной хронологии аналогичных памятников, не получил должного освещения и характеристики в докладе О. А. Абибуллаева. В связи с необходимостью выяснить истоки и генезис «кызыл-ванкской культуры», установить ее взаимоотношения с культурами расписной керамики Передней и Малой Азии и решить другие, связанные с этим вопросы, нужно развернуть новые исследования, но в первую очередь надо полностью издать материалы Кызыл-Ванкского могильника из раскопок прежних лет.

Наиболее полно изучены на Кавказе памятники эпохи поздней бронзы (к сожалению, почти все они погребальные). На конференции с большим вниманием были заслушаны сообщения о вновь открытых памятниках этой эпохи, в частности, — доклад о 2 курганах (№ 1 и 2), раскопанных в группе из 5 насыпей в 1956 г. А. А. Мнацаканяном на осушенной территории Севанского озера у с. Лчашен. Среди материалов — такая важная находка, уточняющая датировку, как бронзовая модель боевой колесницы¹⁴. По мнению Б. Б. Пиотровского, она связана с хеттскими образцами и может быть датирована рубежом II—I тысячелетий до н. э.

Очень интересно поселение на окраине г. Казаха (Азербайджанская ССР), обследованное в 1956 г. И. Г. Наримановым и Д. А. Халиловым. Здесь вскрыт оригинальный комплекс, связанный с сооружением храмового типа. В культурном слое найдены характерные для позднебронзовой культуры Закавказья металлические и керамические изделия, а также глиняные штампы (пинтадеры), ягода винограда (это, кстати, первый случай обнаружения в столь древнем памятнике Кавказа ягод винограда), пчелиные соты в сосуде и др.

Как отметил в своем докладе А. А. Иессен, многочисленные памятники эпохи поздней бронзы Северного Кавказа отчетливо разделяются на 4 группы, характеризующие: 1) степную предкавказскую культуру, 2) прикубанскую на западе, 3) кобанскую в области центральной части Кавказского хребта, 4) каякентско-хорочоевскую — на востоке (Дагестан и Чечня). Такой же, в основном, схеме локализации культур позднебронзовой эпохи Северного Кавказа придерживается и Е. И. Крупнов¹⁵.

Иначе обстоит дело с выделением локальных культур эпохи поздней бронзы в Закавказье. Здесь нет договоренности в наименовании по существу родственных культур («ходжалы-кедабекская», «ганджа-карабахская», «човдар-калакентская», «восточногрузинская», «североармянская» и т. д.). Это подчеркнули в докладах Е. И. Крупнов и Б. Б. Пиотровский, указавшие, что все Центральное Закавказье и в значительной части Восточное Закавказье имели и в более ранний период, и в эпоху поздней бронзы однородную культуру, которую не следует разделять на отдельные, тем более давая им современные этнические названия.

В этой однородной культуре существовали локальные варианты, которые необходимо выделить, установив разницу в морфологии керамики, в характере ее орнаментации, в формах могильных сооружений и т. д. В этом заключается одна из очередных задач археологии Закавказья.

Сложной и дискуссионной является проблема освоения железа на Кавказе. Каждая новая попытка установить время зарождения и развития металлургии железа на Кавказе привлекает к себе пристальное внимание. Понятен и тот большой интерес, который вызвал доклад Р. М. Абрамишвили «К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии».

¹⁴ Колесница, запряженная 2 лошадьми, имеет облегченный кузов, выгнутое дышло. Колеса — с 8 спицами. В кузове стоят 2 воина в шлемах с гребнем. См. статью А. А. Мнацаканяна, опубликованную в СА, 1957, № 2, стр. 149, рис. 8.

¹⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, вып. VII, Нальчик, 1951 (см. карту); его же. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, рис. 21 (карта).

Развитие металлургии железа докладчик делит на 5 этапов: первый датируется XIII—XII вв. до н. э., второй — XI—X вв. до н. э., третий — IX в. и началом VIII в. до н. э., четвертый — VIII в.—первой половиной VII в. до н. э., пятый — второй половиной VII—VI в. до н. э. На первых 2 этапах из железа изготовлялось главным образом оружие; железные изделия встречаются спорадически и только в погребениях с богатым инвентарем. Изделия из железа первых 3 этапов повторяют формы местных бронзовых предметов. На последних 2 этапах вещи из железа становятся многообразнее по формам и лучше по качеству. Металлургия железа в Закавказье, в частности в Восточной Грузии, возникла на базе металлургии бронзы и развивалась при использовании местных руд.

Отдельные положения работы, проведенной Р. М. Абрамишвили, в частности выделение первых 2 этапов развития металлургии железа, нельзя признать достаточно обоснованными. На это указывали А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Р. М. Абрамишвили попытался разрешить сложную и общую задачу применительно только к ограниченной территории Восточной Грузии, не остановившись на вопросе о значении Древнего Востока в освоении железа в Закавказье. Нам представляется, что прав Б. Б. Пиотровский, считающий, что освоение железа в Закавказье произошло под влиянием хеттов и урартов, что первые железные изделия, появившиеся в Закавказье в конце II тысячелетия до н. э., — это результат культурных заимствований, который еще не мог привести к развитию собственной металлургии. Б. Б. Пиотровский не разделяет взглядов докладчика и о том, что на первых 2 этапах железные изделия повторяют форму местных бронзовых, ибо известные по находкам предметы настолько попорчены и потеряли форму, что даже о назначении многих из них можно только догадываться.

В результате широкого обсуждения доклада Р. М. Абрамишвили выяснилось, что большинство исследователей сходятся в одном важном пункте: железо стало широко осваиваться в Закавказье лишь с начала I тысячелетия до н. э. Но весь комплекс вопросов не может считаться решенным. По предложению Б. Б. Пиотровского было решено организовать совместными силами изучение этих вопросов на базе работ Кармир-блурской экспедиции¹⁶, а в дальнейшем перенести и в другие области Кавказа.

Большое значение имеют развернувшиеся в последние годы на Кавказе, особенно в Грузии и Азербайджане¹⁷, специальные работы по исследованию древней металлургии меди и бронзы.

На конференции были обсуждены доклад Ф. Н. Тавадзе, Т. Н. Сакварелидзе, Ц. Н. Абесадзе и Т. А. Двали, подводящий итоги изучению металлургии меди и бронзы в древней Грузии, и сообщение И. Р. Селимханова о составе медно-бронзовых сплавов и источниках их сырья в эпоху бронзы в Азербайджане. Дальнейшие систематические работы в этом направлении, несомненно, будут способствовать правильному решению многих спорных и еще не до конца ясных вопросов, в том числе и вопроса об олове Кавказа.

Общезвестны успехи нашей науки в области урартоведения и, в частности, работы, ведущиеся Б. Б. Пиотровским по исследованию урартских

¹⁶ В Кармир-блуре обнаружено большое количество разнообразных железных предметов.

¹⁷ В Грузии эта работа ведется в лаборатории металловедения Института горного дела и металлургии Академии наук ГССР (директор — Ф. Н. Тавадзе) и в химико-реставрационном кабинете Государственного музея Грузии имени С. Н. Джанашиа Академии наук ГССР (руководитель — Ц. Н. Абесадзе), а в Азербайджане — в специальной лаборатории при отделе материальной культуры Института истории Академии наук Азербайджанской ССР (руководитель — И. Р. Селимханов).

административных центров на территории Армении, особенно Тейшебаини (Кармир-блур). На конференции не был поставлен доклад о раскопках Кармир-блурской экспедиции¹⁸. Результаты работ экспедиции за последние годы были отражены на выставке, специально организованной Историческим музеем Армении для участников конференции.

Доклады и сообщения по Урартской проблематике были посвящены в основном раскопкам холма Арин-Берд близ г. Еревана¹⁹. Наряду с Тейшебаини это один из крупнейших урартских памятников на территории СССР.

Много докладов и сообщений было сделано по истории и археологии средневекового Кавказа²⁰.

Большой интерес вызвал доклад К. В. Тревер «К изучению кавказской Албании», в котором впервые в советской литературе сделана попытка создать научную концепцию истории алван на основании тщательного изучения и сопоставления письменных и археологических источников.

Несмотря на очень слабую археологическую изученность территории, автору удалось определить границы кавказской Албании (в нее входили значительная часть Азербайджана и южный горный Дагестан) и наметить основные этапы ее культурно-исторического развития.

На первом этапе — IV—II вв. до н. э. — по облику материальной культуры алванские племена мало отличались от переднеазиатских, малоазийских и закавказских. В это время уже появились зачатки государственности.

На втором этапе — I в. до н. э. — II в. н. э. — сложилась местная своеобразная культура алван, отличавшаяся от культуры Иберии и Армении. В условиях борьбы с Римом разноязычные племена объединились в единое алванское государство.

Третий этап — IV—VII вв. н. э. Раннефеодальное государство Албании в союзе с Арменией и Иверией вело непрестанную борьбу с Ираном, Византией, хозарами и — позднее — арабами. Материальная культура, продолжая местные художественные традиции, несла в себе ряд черт, свойственных иранской и византийской культурам. Но все же местные технические и художественные традиции доминировали и сохранились в материальной культуре X—XIV вв. (Байлакан, Ганджа и т. д.) и в быту народов горного Дагестана почти до сегодняшнего дня.

Доклад Е. П. Алексеевой был посвящен основным итогам и задачам изучения истории и культуры северокавказских алан. В нем сделана серьезная попытка решить вопросы происхождения, первоначального расселения и уровня развития культуры алан, создана общая периодизация их истории и культуры, требующая еще уточнения и детализации.

В проблеме происхождения алан-осов нерешенным остается вопрос о роли массагетских племен в общем этногенезе, о роли местных кобанских, скифских и сарматских племен в этногенезе северокавказских алан. Не создано еще — по материалам датированных могильных комплексов — периодизации аланских древностей, не определены локальные варианты материальной культуры. В области социально-экономической жизни не выявлены точное время выделения ремесел из домашнего производства и образования городов, время возникновения государства и особенности феодализма у алан-осетин, торговые связи с другими народами и государствами, характер духовной культуры. В области полевых работ необходимо исследование аланских поселений.

¹⁸ Заслушано лишь сообщение А. А. Мартиросяна о раскопках жилых кварталов города Тейшебаини 1955—1956 гг.

¹⁹ Отметим доклады К. Л. Оганесяна «Архитектура урартских сооружений холма Арин-Берд» и М. А. Исраеляна «Урартские надписи из Арин-Берда», а также сообщение И. М. Лосевой «Раскопки отряда ГМИИ имени Пушкина на Арин-Берде».

²⁰ Раздел о средневековой археологии составлен В. Б. Деопик.

Общим и частным вопросам изучения средневекового города посвящено наибольшее количество докладов и сообщений, давших представление о состоянии работ в научных центрах Закавказья и Северного Кавказа.

Следует отметить отставание исследовательской работы на Северном Кавказе по сравнению с Закавказьем. Так, многочисленные поселения Прикубанья и Черноморского побережья фактически не подвергаются раскопкам. Дагестанский филиал Академии наук СССР также уделяет недостаточное внимание исследованию средневековых поселений.

В несколько лучшем состоянии находится изучение аланских городищ. Т. М. Минаева в докладе о городище Адиох в Черкесии осветила работы последних лет на этом интересном многослойном памятнике. Удалось выяснить время прихода сюда алан (могильник IV—V вв.) и изменение социальной топографии поселения в V—XII вв., а также установить основное занятие населения (земледелие и скотоводство), уровень развития ремесел, характер и направление торговых связей. В дальнейшем возможно решение вопроса о степени выделения ремесла из домашнего производства, о превращении его в товарное производство и о предпосылках образования государства. На территории Закавказья работа также производилась весьма неравномерно. В Грузии исследование средневековых городов достигло определенных успехов еще в довоенное время.

Доклад Ш. А. Месхия и Г. А. Ломтатидзе «Средневековый город Грузии» (прочитанный на конференции Э. В. Анчабадзе) показал, что «история и облик, материальная культура городов средневековой Грузии, воссоздававшиеся долгое время лишь по письменным источникам, значительно пополняются и уточняются благодаря археологическим работам, ведущимся за последние два десятилетия». Раскопки раннефеодальных памятников IV—VIII вв. (Нокалакеви, Мцхета, Вашнари, Урбниси, Уджарма, Бичвинта) и средневековых городов X—XIV вв. (Дманиси, Гударехи, Тбилиси, Рустави) позволили поставить и разрешить вопросы, связанные с происхождением городов и особенностями материальной культуры и жизни населения: о преемственной связи культуры раннесредневековых городов с античностью (в архитектуре, ремесле), о социальных контрастах в средневековом городе X—XIII вв., ремесленных мастерских и уровне городского хозяйства и городской культуры. На конференции были высказаны предложения усилить работы по изучению средневековых городов, уже подвергавшихся раскопкам (Дманиси, Уджарма), и на памятниках Абхазии (например Анакопия), до сих пор не затронутых археологическими работами.

Укажем также, что материальная культура Грузии переходного времени от позднеантичного к раннесредневековому и раннесредневековой эпохи может быть изучена преимущественно по погребальным комплексам Мцхета-Армази и Самтавро, что ограничивает возможности исследования.

Особый интерес представляют раскопки сельских поселений на территории Грузии, производимые И. А. Гзелишвили. Разведками на небольшой территории обнаружено более 300 памятников, причем их сохранность позволяет даже без раскопок представить себе расположение усадеб и общий план поселения. Так, в поселении XI—XIII вв. Начивчавеби вскрыт ряд жилых комплексов, остатки 2 церквей, отдельно стоящие хозяйственные помещения. Усадьба крестьянина состояла из жилого помещения — дарбази и подсобных — кладовой, помещений для скота, хлебной печи (торне), винного погреба. Недалеко от дома находились ток, саманник и сооружение для хранения сельскохозяйственного инвентаря. Большое количество поливной керамики, привезенной из расположенного в нескольких километрах г. Самшвилде, позволяет судить о связи с городом.

Об очень важной работе, интересной не только для грузинской, но и для всей кавказской археологии, доложила на конференции Н. Н. Угрелидзе, детально изучившая изделия из стекла IV—XII вв. В результате исследования доказано местное производство стекла в Грузии, выделены различные типы стеклянных сосудов, характерные для определенных ремесленных центров (Мцхета, Рустави), и установлена возможность использовать некоторые из этих типов сосудов в качестве датирующего материала.

В. В. Джапаридзе в докладе по художественной керамике Грузии XI—XIII вв. показал, что в Грузии вырабатывалась поливная керамика самобытного облика, создавались свои формы, художественные мотивы и стиль оформления.

В Армении средневековые города стали изучаться раньше, чем в других районах Закавказья (раскопки Н. Я. Марра в Ани). В советское время проводятся систематические раскопки в Двине и Анберде. Б. Н. Аракелян в докладе «Средневековый город Армении» осветил основные проблемы, связанные с изучением города, — происхождение и формирование феодального города, развитие и дифференциация ремесла, подъем международной транзитной торговли и т. д. В разборе многих существенных явлений городской жизни археологический материал явился таким же полноценным источником, как и письменные.

С сообщением о результатах работ последних лет в Двине выступил К. Г. Кафадарян. Изучение ранних слоев Двина позволяет теперь уточнить дату основания города. Вскрыто большое количество сооружений, относящихся к разным периодам. Исследование их позволяет выяснить социальную топографию города. Среди собранного материала первостепенную важность имеет ранняя поливная керамика Двина и Звартноца, позволяющая выделить типы VII в.

С интересом был заслушан доклад А. П. Смирнова об армянской колонии в г. Болгары, возникшей в X в. и достигшей расцвета в XIII—XIV вв. Раскопки некрополя показали, что население было смешанным, но основу его составляли армяне. Некоторые из украшений, тканей и т. д. находят ближайшую аналогию в материале Двина; армянская архитектурная школа оказала влияние на сложение болгарского зодчества.

Исследованию средневекового города в Азербайджане, исторического Байлакана (Орен-Кала), посвящены доклады А. А. Иессена и Н. В. Минкевич-Мустафаевой. Работами последних лет выяснено время оснований города — он возник на рубеже V—VI вв. как сасанидская крепость и лишь впоследствии стал ремесленно-торговым центром. Изучение ремесленного квартала Байлакана дает возможность установить непрерывность гончарного производства с VIII в. по XIII в. (найжены горны VIII—IX вв. для изготовления бытовой посуды и сферо-конусов и горны XII—XIII вв. для выделки поливной посуды), выявлены остатки кузнечного производства XII—XIII вв. Наличие системы водоснабжения IX в. в ремесленном квартале свидетельствует о постоянном характере ремесленного производства, носившего уже товарный характер.

Несколько докладов на средневековой секции конференции было посвящено вопросам нумизматики и эпиграфики. Отметим, в частности, сообщение Е. А. Пахомова об изучении техники чеканки монет Закавказья XII—XIII вв.; в нем рассмотрены технологические приемы, которыми пользовались мастера, особенности различных монетных дворов, постепенная порча монет и переход в монетном чекане от серебра к меди. Д. Г. Капанадзе в докладе «О локализации монетных дворов средневековой Грузии» выделил для XI—XIV вв. около 10 пунктов чеканки. Так, безусловно существовали монетные дворы в Тбилиси, Дманиси, Ани, Карагаче (на монетах помечены эти названия); имена исторических лиц и даты, сопо-

ставленные с историческими данными, позволяют также говорить о чеканке монет в Кутанси, Зугдиди, Хеви или Мтиулети, Уплисхихе, Артануджи, Греми. Интересен доклад Х. А. Мушегяна. Автор в результате изучения монет определяет характер и направление торговых связей Двина в V—XIII вв. В V—VII вв. в Двине обращались сасанидские монеты, обслуживавшие потребности и внутренней, и внешней торговли. В VII в., наряду с ними, появились византийские монеты, что отразило наличие торговых связей с Византией накануне арабского нашествия. С VII в. Двин прочно включился в систему халифата (здесь функционировал монетный двор), торговал с различными его городами. С конца X в. усилилась связь с Византией, в XII в. — с Ильдегизидами, Грузией.

Таковы общие и частные вопросы археологии, древней и средневековой истории Кавказа, затронутые на Ереванской конференции.

Широкое обсуждение позволило всесторонне уяснить современное состояние изучения той или иной проблемы кавказской археологии, а также определить перспективы дальнейших изысканий.

Конференция приняла развернутую резолюцию²¹, в которой отмечены, наряду с успехами, и серьезные недочеты: недостаточная координация работ между археологами Армении, Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа; неравномерное археологическое изучение территории Кавказа (территориально и хронологически); слабая изученность районов Предкавказья, горного Дагестана, Северного и Южного Азербайджана, частично Восточного Причерноморья; заметное отставание и по темпам, и по уровню научного исторического изучения Северного Кавказа от Закавказья; отставание публикаций и обобщающих работ от ведущихся полевых исследований; неудовлетворительное состояние охраны памятников культуры и др.

Для дальнейшего успешного развития археологии Кавказа конференция отметила в резолюции необходимость осуществить следующие предложения: 1) обратить серьезное внимание на разработку теоретических вопросов, изучение проблем этногенеза, создание исторической периодизации древнейшей истории Кавказа, выяснение связей Кавказа с Древним Востоком, изучение проблемы эллинизма, уточнение причин, условий и времени возникновения и роста городов; 2) принять энергичные меры к ликвидации белых пятен и к расширению исследований археологических памятников всех периодов, обратив особое внимание на изучение памятников каменного века (в частности в Азербайджане и на Северном Кавказе), периода первых государственных образований, а также средневековых селищ и городов Закавказья; 3) усилить работу по составлению археологических карт; 4) добиваться применения комплексных методов в изучении разнообразных источников с привлечением геологов, палеоботаников, антропологов и др.; 5) обратить внимание на улучшение методики археологических раскопок; 6) всемерно содействовать организации специальных лабораторий (химических, физических и др.), добываясь результатов, основанных на применении методов точных наук; 7) просить Президиум Академии наук Азербайджанской ССР и руководство Дагестанского филиала Академии наук СССР организовать сбор материалов для углубленного изучения кавказской Албании.

Конференция наметила также ряд важных мероприятий для дальнейшего улучшения организации исследовательской работы по археологии Кавказа. В связи с исполняющимся в 1961 г. 80-летием V Археологического съезда, конференция приняла решение созвать в Тбилиси осенью 1961 г. Кавказский археологический съезд.

²¹ См. «Резолюция, принятая Кавказской Археологической конференцией, состоявшейся в г. Ереване в октябре 1956 г.», М., 1956 г.

В. М. МАССОН

О КУЛЬТЕ ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА У АНАУСКИХ ПЛЕМЕН

Глиняные женские статуэтки, характерные для материальной культуры древнеземледельческих племен на территории Южного Туркменистана, были впервые найдены еще в 1904 г. при раскопках южного холма Анау, в слоях, которые в настоящее время можно относить к поре средней бронзы (Намазга V)¹. С тех пор в результате интенсивных полевых исследований коллекция увеличилась во много раз и представлена сейчас несколькими сотнями экземпляров, охватывая отрезок времени почти в 3 тысячелетия². Эта богатая и разнообразная коллекция заслуживает специального обстоятельного исследования. В настоящей статье автор стремится лишь кратко остановиться на некоторых вопросах, связанных с истолкованием статуэток и, в частности, на вопросе об их назначении.

Несколько неожиданно материал для рассмотрения этого вопроса дала расписная керамика. В 1956 г. при работах XIV отряда ЮТАКЭ на Кара-депе у Артыка в слоях типа Намазга III найден фрагмент стенки глубокой чаши, являющейся одной из ведущих форм керамики этого времени. Как и весь комплекс Намазга III, фрагмент можно ориентировочно датировать первой половиной III тысячелетия до н. э. Роспись нанесена густой темно-коричневой, почти черной краской на желтоватом фоне. В центре изображена сидящая человеческая фигура с прямыми, подквадратными плечами и короткими отрезками рук, видимо, изображенных до локтя. Голова подтреугольной, как бы «птицевидной» формы дана в профиль, плечи — в фас, а ноги — опять в профиль. При этом ноги расположены непосредственно одна возле другой так, что в профиль видно их общее слившееся изображение (рис. 1). Такой прием художественного изображения широко распространен в искусстве Древнего Востока. Из территориально наиболее близких памятников укажем изображение людей на золотом кубке из Астрабадского клада, датирующегося временем около 2000 г. до н. э.³

¹ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, v. I. Washington, 1908, табл. 46, 9—14 и 16, 17. Статуэтка № 15, обнаруженная в более верхних слоях, чем остальные, возможно, попала туда случайно.

² Часть этих статуэток опубликована: Л. И. Ремпель. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953; Б. А. Литвинский. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4; Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956; В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1.

³ C. A. de Bode. On a Recently Opened Tumulus in the Neighbourhood of Asterabad. *Archeologia*, XXX, 1844, табл. XVI; M. Rostovtzeff. Sumerian Treasure of Astrabad. *Journal of Egyptian Archaeology*, VI, 1920, стр. 4—42; E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. London—New York, 1941, стр. 108.

По обе стороны от этой фигуры помещены два более крупных изображения людей, обращенных лицами к ней. К сожалению, они сохранились частично, и трудно судить, изображают ли обе эти фигуры мужчин, или женщин, или, — что, судя по разнице в рисунке ног, также весьма вероятно, — имелись в виду разнополюе персонажи.

Сравнение персонажей этой сцены с мелкой терракотовой скульптурой позволяет заключить, что небольшая фигурка, изображенная в центре, является воспроизведением женской статуэтки типа, широко распространенного в слоях Намазга III. В том же 1956 г. на Кара-депе найдено несколько глиняных статуэток: женская фигурка в характерной сидячей позе, со схематической «птицевидной» головой, прямыми плечами и руками, изображенными до локтя (рис. 2—1). Поэтому можно считать, что на фрагменте расписной чаши из Кара-депе воспроизведена культовая сцена поклонения скульптурному изображению женского божества. Показательна и разница в величине рисунков самих поклоняющихся фигур и объекта поклонения, приблизительно равного одной трети роста стоящих людей, в то время как известные терракотовые статуэтки — обычно весьма незначительной величины.

Однако в рассматриваемое время существовали и более крупные человеческие изображения. Об этом свидетельствует мраморный бюст — часть довольно крупной статуэтки (рис. 3), — найденный Б. А. Куфтиным на Намазга-депе в слоях Намазга III⁴. Если судить по пропорциям, то она, видимо, была высотой 30—35 см. Надо полагать, что крупная статуэтка (или даже статуя) подобного рода и изображена на черепке с Кара-депе. Возможно, с этим обстоятельством связана угловатость в рисунке ног: терракотовые статуэтки отличались плавной линией бедер, передача которой в мраморе, видимо, представляла для древних скульпторов непреодолимые трудности.

Таким образом, новый материал полностью подтверждает точку зрения о культовом характере терракотовых и каменных статуэток. К сожалению, в Южном Туркменистане пока отсутствует конкретный материал для полного раскрытия содержания этого культа, но можно, опираясь на исследования, проведенные, например, на материале Триполья⁵, считать, что женское божество, популярное у древнеземледельческих племен, было связано с культом плодородия, персонифицированным в образе женщины-прародительницы, женщины-матери⁶. Этот образ, возможно, генетически связан еще с периодом матриархата, но сохранился у энеолитических племен, занимавшихся земледелием, по-видимому, и в условиях развития патриархальных отношений⁷.

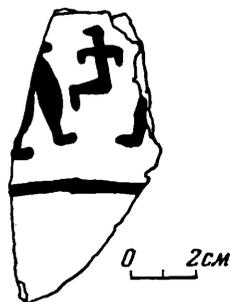

Рис. 1. Кара-депе. Черепок с изображением статуэтки и человеческих фигурок.

⁴ Б. А. Куфтин. Указ. соч., рис. 43.

⁵ С. Н. Бибиков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Восточной Европы. СА, XV, 1951, стр. 122—139. Не связаны ли с подобным содержанием и женские статуэтки, изредка встречающиеся в андроновской культуре и изданные М. П. Грязновым и Л. Р. Кызласовым?

⁶ См. статуэтку из Тюренг-тепе у Астрабада, изображающую стоящую женщину, поддерживающую руками груди («Survey of Persian Art», v. IV. London—New York, 1939, табл. 24, А).

⁷ См. Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». Изв. АН Туркм. ССР, 1954, № 1, стр. 28. На наш взгляд, можно говорить о развитии уже в пору Намазга I—Анау I патриархальных отношений, раннее сложение которых могло быть связано, в частности, со специфическим характером земледелия, основанного на искусственном орошении все более усложнявшихся форм.

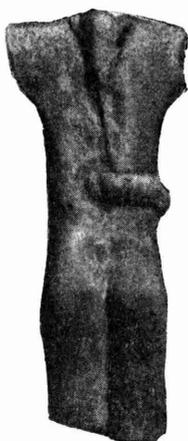
Как справедливо отмечал Г. Чайлд, мелкие глиняные статуэтки, очевидно, связаны с интимными культовыми отправлениями⁸ и, возможно, каждый житель поселения имел по крайней мере одну статуэтку, что объясняет их исключительное обилие. В трипольской культуре, например, как можно судить по модели из Попудни, женские идолы стояли прямо в жилых комнатах⁹. Для Южного Туркменистана можно предполагать

1

2а

2б

Рис. 2. Глиняные фигурки из Кара-депе и Янги-калинского могильника.

1 — из Кара-депе (период Намазга III); 2а, 2б — из Янги-калинского могильника (период Намазга VI).

также существование и особых святилищ, занимавших на поселениях центральное место. Так, на небольшом поселении Яссы-депе у Каажка, относящемся к IV тысячелетию до н. э. (комплекс типа Намазга I), Б. А. Куфтиным раскопано двойное помещение, вдоль стен которого шли деревянные столбы; а сами стены были покрыты полихромной росписью¹⁰. Надо думать, что это помещение имело особое, видимо, культовое назначение. Несомненно, что на крупных поселениях вроде Кара-депе или Намазга-депе существовали особые здания — святилища, и, вероятно, из такого святилища и происходит мраморный бюст, обнаруженный Б. А. Куфтиным. Следует ожидать, что систематические раскопки позволят открыть остатки подобных святилищ, особенно в слоях второй половины III тысячелетия — начала II тысячелетия до н. э. (комплексы типа Намазга IV и V), для которых характерно значительное развитие хозяйства (металлургия, введение гончарного круга, широкое распространение повозок).

Вероятность такого предположения косвенно подтверждают результаты раскопок одновременных памятников на соседних территориях, где обнаружены остатки более величественной архитектуры, чем жилые помещения, разделенные узкими стенами из сырцового кирпича. На поселении Мундигак в Южном Афганистане недавно

раскопаны остатки расположенных друг над другом крупных зданий, причем от одного из них сохранилась наружная стена длиной 35 м, украшенная полуколоннами¹¹. Здания датируются концом III тысячелетия — началом

⁸ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 189.

⁹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 95 и сл.

¹⁰ Б. А. Куфтин. Работы..., стр. 26.

¹¹ J. M. Casal. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak. 1951—1954. Arts asiatiques, t. I, fasc. 3. Paris, 1955, стр. 166 и сл.

II тысячелетия до н. э., и их специальное назначение не подлежит сомнению. Производивший раскопки Ж. Касаль отвергает предположение о религиозном назначении одного из зданий на основании отсутствия в нем терракотовых фигурок. Однако, как отмечалось выше, мелкие терракотовые фигурки были, вероятно, объектом домашних культов, а в святилищах, принадлежавших всей общине, находились идолы, редко находимые *in situ*. Поэтому предположение о том, что в Мундигаке раскопаны остатки крупного святилища, кажется нам наиболее вероятным¹². Здания располагались на высоком холме, образованном более древними слоями, и доминировали над остальным массивом поселения подобно шумерским храмам урукского периода.

Интересно вспомнить, что на Тюренг-тепе, где в XIX в. обнаружен Атрабадский клад, при шурфовке в 1931 г. центрального холма (высота — 34 м) встречена массивная кирпичная кладка толщиной несколько метров, — видимо, остатки платформы. Кверху от платформы вела лестница¹³. Не исключено, что этот центральный холм поселения также занимало какое-то монументальное здание. По мнению Г. Контено, Атрабадский клад составляет часть храмовых богатств¹⁴, что, правда, не более вероятно, чем предположение о его происхождении из богатой могилы.

Вернемся к женским терракотовым статуэткам. Как отмечалось выше, они встречаются на протяжении довольно значительного отрезка времени. Находка терракотовой головки быка на поздненеолитическом поселении Джейтун показывает, что традиция мелкой скульптуры восходит в Южном Туркменистане, по крайней мере, к V тысячелетию до н. э. Можно предполагать, что образ женского божества сложился уже у древнейших земледельцев, учитывая, что женские статуэтки встречаются на Ближнем Востоке, начиная с культур, подобных Джармо и Хассуне¹⁵. Древнейшие женские статуэтки, известные сейчас в Южном Туркменистане, обнаружены в слоях Намазга I и изображают стоящих женщин с подчеркнутой стеатопигией (рис. 4). Этот признак, так же как и насечки на бедрах одной из статуэток, сближает их с материалом раннего Триполья, хотя южнотуркменистанские образцы отличаются большей художественностью.

Особенно широко распространяются женские статуэтки в пору Намазга II. Для этого времени очень показательны обширные коллекции с поселений Геоксюр (к востоку от г. Теджена) и Илгынылы-депе (к северо-западу от сел. Чаача). Статуэтки принадлежат в основном к двум типам, изображая в обоих случаях сидящих женщин. У фигурок первого типа — прямые плечи, конические груди и опущенные вниз руки, доведен-

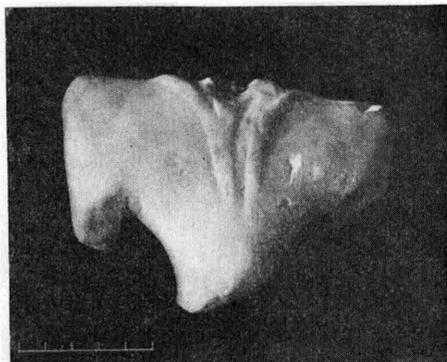

Рис. 3. Намазга-депе. Мраморная статуэтка (период Намазга III).

¹² Едва ли это были здания какого-либо иного общественного назначения. Археология Месопотамии ясно показывает, что когда у земледельческих общин появляется прибавочный продукт, первым объектом их усилий становится именно храм.

¹³ F. R. Wulsin. Excavations at Turang-tepe near Asterabad. Suppl. to Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology, 1932, № 2, March.

¹⁴ G. Contenu. Manuel d'archéologie orientale depuis les origines jusqu'à l'époque d'Alexandre, III. Paris, 1931, стр. 1560.

¹⁵ Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 173; R. Braidwood. Near East and the Foundations for Civilization. Oregon, 1952, стр. 25.

ные только до локтя. На крупных статуэтках — следы росписи: на шее изображалось ожерелье, на плечах — вертикальные полосы, а на бедрах — фантастическое животное с изломанным под углом туловищем, известное также по рисункам на керамике и имевшее, несомненно, магическое значение. Интересно, что на некоторых статуэтках на бедрах нарисованы простые зигзаги, появившиеся вследствие дальнейшей схематизации рисунка животного. Пока трудно судить, связаны или нет с подобными рисунками животных зигзаги на бедрах статуэток из слоев Намазга I.

Ко второму типу относятся женские статуэтки, лишенные головы, рук и груди, хотя ноги и талия передаются изящными, плавными линиями. Оба типа имеют промежуточные варианты. Как показали раскопки на

Кара-депе, эти же два типа сохраняются и в пору, для которой характерен комплекс Намазга III, причем прекрасным образцом первого типа служит статуэтка, описанная в начале статьи.

Со второй половины III тысячелетия до н. э. (комплекс Намазга IV) статуэтки схематизируются, теряют объемность, превращаются в условные плоскостные изображения, хотя, например, прическа передается с большой степенью детализации. Как и в предшествующее время, изображаются сидящие женщины с узкой талией и расставленными в сторону руками. Нос и глаза даны условными налечами. На грудь ниспадают две косы, обрамляющие лицо. Вероятно, третья коса, переданная насечками, спускалась на спину (рис. 5). Еще большей схематизации этот тип подвергся в начале II тысячелетия до н. э. (комплекс Намазга V), как это можно хорошо видеть по материалам из раскопок верхнего слоя Намазга-депе¹⁶. Издавший статуэтки Б. А. Литвинский предполагал, что в их числе могли быть изображения мужчин. Мужские

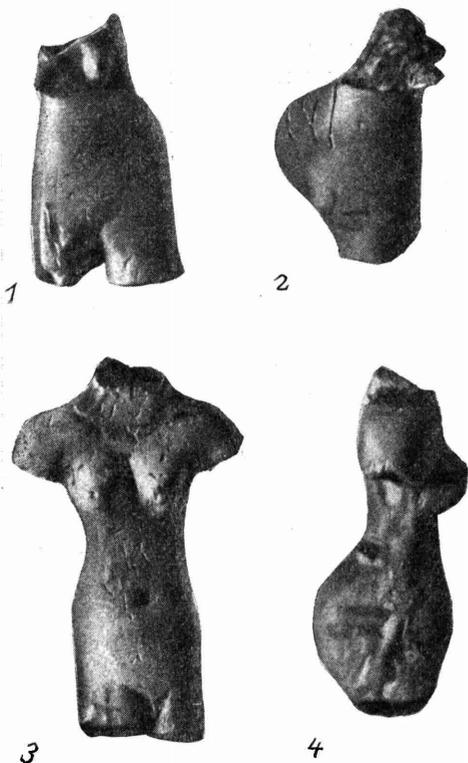

Рис. 4. Кара-депе. Глиняные статуэтки (1—4; период Намазга I).

сидящие статуэтки как более выразительные, так и предельно схематизированные (в форме «сапожков») найдены на Кара-депе в слоях, материал которых характерен для комплекса Намазга III. На основании этих находок можно считать, что среди материала, опубликованного Б. А. Литвинским, мужские статуэтки отсутствуют.

Традиция изготовления женских статуэток сохраняется в середине и второй половине II тысячелетия до н. э., в пору бытования несколько огрубевшей культуры поздней бронзы (Намазга VI). При раскопках Янгикалинского могильника этой культуры в одном погребении была обнару-

¹⁶ Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 49, рис. 13. Возможно, что под влиянием какого-либо из этих типов была создана плоская статуэтка, найденная Я. Г. Гулямовым в могильнике у оз. Заман-баба в комплексе с фрагментами сосудов типа керамики позднего Намазга IV.

жена плоская глиняная статуэтка стоящей обнаженной женщины с поясом на талии (рис. 2—2)¹⁷. Здесь же найден фрагмент другой статуэтки. В раннеземледельческих культурах Египта помещение в могилу женских статуэток символизировало сопровождение покойника его женой¹⁸. В Южном Туркменистане подобный обычай не наблюдается и, видимо, в данном случае преследовались иные цели. Фрагмент человеческой, тоже женской (?) статуэтки найден в 1956 г. на поселении Тахирбай 4 в дельте Мургаба, относящемся к мургабскому варианту культуры Намазга VI.

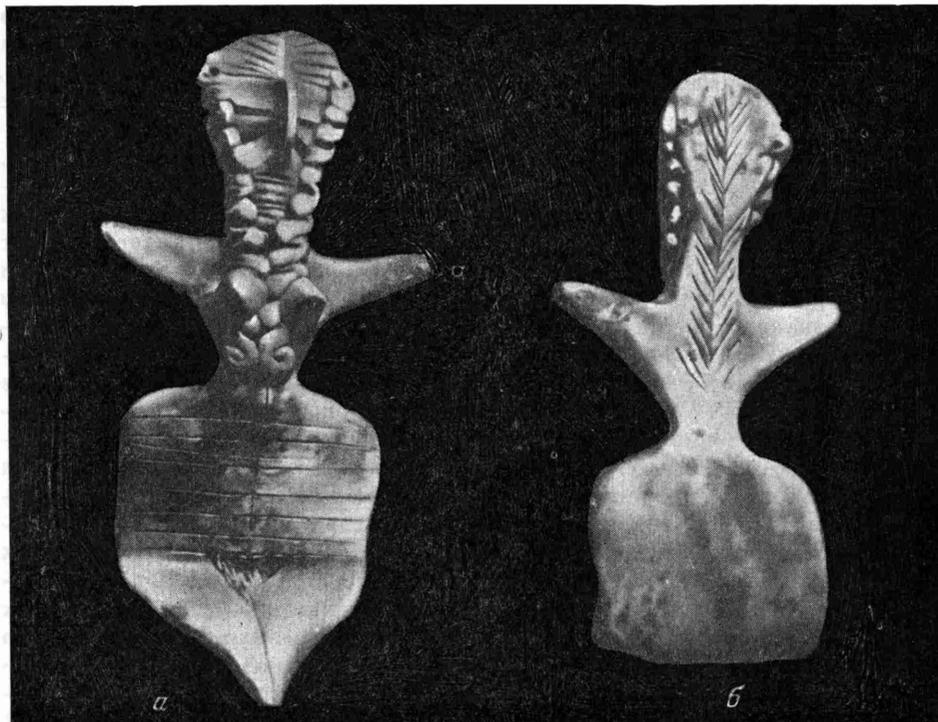

Рис. 5. Намазга-депе. Глиняная статуэтка (период Намазга IV).

а — вид спереди; б — вид сзади.

Таким образом, традиция изготовления женских статуэток дожила до сравнительно позднего времени, и, надо полагать, различные культы женского божества земледельческо-скотоводческих племен поры энеолита и бронзового века послужили основой, на которой сложился образ авестийской Ардвисуры Анахиты, покровительницы скота, богини небесных вод и плодородия¹⁹.

Со времени раскопок Г. В. Григорьева на Тали-Барзу²⁰ советские археологи склонны видеть образ Анахиты в терракотовых женских статуэтках, находимых в Согде, Хорезме, Маргиане и Бактрии. Было бы естественно ожидать существования какой-либо связи или традиционной пре-

¹⁷ А. Ф. Ганялин. Погребение эпохи бронзы у селения Янги-кала. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 378, рис. 2.

¹⁸ Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 98.

¹⁹ Э. Херцфельд дает предположительную этимологию Ardvī как 'сырой', 'сырость' («Zoroaster and his World», v. II. Princeton, 1947, стр. 517). Представляет интерес также апитет Анахиты как «увеличивающей каналы» (Там же, стр. 563).

²⁰ Г. В. Григорьев. Поселения древнего Согда. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 27.

емственности между женскими статуэтками энеолита и бронзового века и многочисленными терракотами Средней Азии III в. до н. э. — III в. н. э. Однако, помимо резких различий в художественной трактовке, различий массового ремесленного производства и индивидуализированного изготовления в раннюю пору, наблюдается и довольно большой хронологический разрыв в археологических материалах.

В культуре начала и середины I тысячелетия до н. э. отсутствуют не только женские статуэтки, но и вообще почти прерывается традиция изготовления мелкой терракотовой скульптуры²¹. Это, например, хорошо видно на памятниках дельты Мургаба, района, известного у античных авторов под названием Маргианы. Здесь на поселениях поздней бронзы (пора Намазга VI) встречается различная мелкая терракотовая скульптура, а в парфянское время были широко распространены характерные женские статуэтки, видимо, изображающие местное женское божество²².

В то же время на памятниках начала и середины I тысячелетия до н. э., несмотря на довольно значительные по объему раскопки, пока не встречены терракотовые статуэтки людей и животных²³, хотя в других областях культуры сохраняются более древние традиции. Этот факт свидетельствует если не о полном прекращении изготовления статуэток, то, во всяком случае, о резком сокращении их производства. Возникает вопрос, не было ли это связано с распространением каких-то новых религиозных воззрений, сменивших прежние культы. В данном случае это мог быть зороастризм, очень рано распространившийся в Маргиане, названной в Авесте «мощной, верующей в Аша»²⁴. Авестийское женское божество — Анахита — получила воплощение в монументальной скульптуре. При Артаксерксе II (404—359 гг. до н. э.), как сообщает Берос, были поставлены статуи Анахите в Вавилоне, Сузах, Экбатанах, Персеполе, Бактре, Дамаске и Сардах²⁵. В связи с этим Э. Херцфельд полагает, что при произведенной Зороастром канонизации религии Анахита, как и ряд других «дозороастрийских» божеств, была изгнана из пантеона; ее значение восстановилось лишь при Артаксерксе II. Действительно, если в надписях Дария I и Ксеркса встречается упоминание одного лишь Ахурамазды, то в сузской надписи Артаксеркса II, наряду с Ахурамаздой, названы Анахита и Митра²⁶. Не позволит ли принятие этой гипотезы объяснить перерыв в традиции изготовления женских статуэток древними маргианцами? При этом следует учесть, что отнесение Э. Херцфельдом времени жизни Зороастра к правлению Кира и Дария мало вероятно, и деятельность легендарного пророка нужно датировать доахеменидским периодом.

²¹ Предположение С. П. Толстова о существовании в Хорезме терракотовых статуэток еще в ахеменидское время («Древний Хорезм», М., 1948, стр. 197) пока не подтвердилось находками. Несомненно, не к ахеменидскому, а к более позднему времени относятся и статуэтки с Афраснаба, изданные М. Э. Воронцом; см. его статью «Древнейшие терракоты Музея истории АН УзССР». Бюллетень АН УзССР, 1947, № 5.

²² Л. И. Ремпель. Указ. соч.

²³ Единственным исключением могла бы быть головка фигурки лошади, найденная в шурфе на шахристане Гяур-кала (Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1949, стр. 40) и хранящаяся в Музее краеведения в г. Ашхабаде. Она вполне напоминает мелкую скульптуру парфянского или кушанского времени [например головки коней с городища Базар-кала в Хорезме (С. П. Толстов. Указ. соч., табл. 79)]. Сопровождающая керамика относится к комплексу Яз III с небольшой примесью керамики, отсутствующей в яз-депинской колонке (например ручка с желобком) и более поздней, чем Яз III. Это позволяет датировать весь комплекс временем не ранее IV в. до н. э.

²⁴ В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, 1949, № 2, стр. 17.

²⁵ J. Prasek. Geschichte der Medes und Perses, Bd. II. Gotha, 1910, стр. 218; А. Т. Olmstead. History of Persian Empire. Chicago, 1948, стр. 471; E. Herzfeld. Указ. соч., стр. 819.

²⁶ F. N. Weissbach. Die Keilinschriften der Achemeniden. Leipzig, 1911, стр. 122—125.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО БЕЛГОРОДА в X—XI вв.

1

Важнейшим фактором в истории формирования древнерусской народности являются средневековые города с их высокой культурой и многовековым развитием. Среди древних русских городов роль и значение Белгорода (Киевского) в истории раннефеодальной городской культуры еще недостаточно раскрыты¹.

В дореволюционной исторической литературе со времен В. О. Ключевского установилось мнение, основанное на толковании древнейших свидетельств Русской летописи, считающее Белгород «сторожевым укреплением Киевской земли», военно-стратегическим пунктом на подступах к столице Руси². Этой же точки зрения придерживался В. В. Хвойка, широко исследовавший белгородское городище в 1909—1914 гг. В. В. Хвойка и Н. Д. Полонская считали Белгород крепостью на половецком пограничье Киевской земли³. Первостепенное значение придавал В. В. Хвойка изучению сложной конструкции белгородских укреплений. Не без связи с этим обстоятельством мысль о военном характере города в течение всего домонгольского периода его истории повторили уже в категорической форме члены Киевского отдела Военно-исторического общества Б. Стеллецкий, Л. Лекин, И. Зимин, бывавшие на раскопках В. В. Хвойки⁴. Согласно Л. П. Добровольскому, давнишнее пограничное положение Белгорода и объясняло его военно-политическое значение⁵.

Отметим, что раскопки В. В. Хвойки, характеризующие многообразную городскую культуру в основном накануне татаро-монгольского нашествия, мало дали материала о древнейшей поре существования Белгорода — в IX—X вв.

¹ Пользуясь случаем, автор приносит глубокую благодарность проф. М. К. Каргеру за советы и помощь в работе.

² В. Ключевский. Боярская дума в древней Руси. М., 1883, стр. 30; М. Грушевский. Очерки истории Киевской земли. Киев, 1891, стр. 334—336; его же. История Украины—Руси, т. II. Львов, 1899, стр. 202. Одинокое прозвучало, впрочем, мало аргументированное мнение М. Бережкова о том, что Белгород являлся важнейшим центром Киевской земли («Святой Владимир строитель городов». Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца, кн. II, Киев, 1888, стр. 78, 79).

³ В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 79; Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко в 1909—1910 гг. в местечке Белгородка. Труды Московского предварительного комитета по устройству XV АС. М., 1911, стр. 47, 66.

⁴ Б. Стеллецкий. Белгородка (древний Белгород). Опыт военно-исторического исследования древнерусских укрепленных пунктов, Киев, 1909; Военно-исторический вестник, № 3/4, 1909, стр. 23—42, и № 5/6, 1909, стр. 55—65.

⁵ Архив АИМ, оп. 95/1, дело № 369, Киевский стол, 1914, лл. 13, 14.

Мнение о военно-крепостном «замковом» значении⁶ Белгорода в истории древней Руси разделяется рядом советских ученых. В. В. Мавродин объяснял возникновение Белгорода необходимостью борьбы с печенегами⁷. По мнению М. Н. Тихомирова, «Белгород в значительной мере имел характер передового княжеского замка на подступах к Киеву»⁸. В «Истории культуры древней Руси» Белгород характеризуется как военно-феодальный центр⁹. Однако новые археологические данные в совокупности со свидетельствами письменных источников заставляют пересмотреть эту общепринятую точку зрения.

2

Основным письменным источником для изучения начального периода жизни города служит Повесть временных лет, в которой отложился труд нескольких поколений летописцев. Сказалось это и на первых летописных известиях о Белгороде. Впервые Белгород упоминается под 980 г. «Бе же Володимир побежен похотью женьскою... а наложниц бе у него 300 в Вышегороде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестове в селци»¹⁰. Через 11 лет летопись снова сообщает о городе: «В лето 991 Володимир заложи град Белгород, и наруби в нь от инех городов, и много людей сведе вонь; бе бо любя град съ»¹¹. Как видно из приведенных известий, летопись сообщает о Белгороде до его заложения Владимиром Святославичем. Однако противоречивость или несогласованность записей кажущаяся. В древней Руси понятие города было неотделимо от крепости. Слово «заложи» у летописца означало создание новых крепостных стен и совсем не исключало того факта, что поселение здесь существовало ранее.

Первое сообщение является частью так называемой «Корсунской легенды», обработанной и включенной в летопись в 60-х годах XI в.¹² Никон приводит немало фантастических подробностей из жизни Владимира-язычника, предосудительных с точки зрения христианской морали. Слова о 300 наложницах имеют малодостоверный характер. В них, по-видимому, скрыт отголосок того реального факта, что в Белгороде, Вышгороде и Берестове находились княжеские замки. Был такой период в истории этих трех поселений, когда по своему положению княжеских замков они были приравнены друг к другу. Однако летопись подчеркивает, что Берестово — «сельцо»; Вышгород же и Белгород называются городами (т. е. местами, огражденными стенами). Укрепленные поселения, которые источники именуют городами, делятся по своему социальному и экономическому характеру на два основных типа: феодальные замки и города — центры ремесла и торговли.

Белгород 980 г. (дата принимается условно), по-видимому, был не торгово-ремесленным центром, а княжеским замком, у стен которого еще только начинало накапливаться окрестное сельское население. Замки выростали не на «пустых» местах, а в давно обжитых районах, обычно на основе поселений предшествующей поры. Во всяком случае, это очень характерно для Среднего Поднепровья, с его большой плотностью населения. Первое известие о Белгороде, рисуящее его в качестве города-замка Владимира, наталкивает на мысль о существовании белгородского поселения до первых летописных упоминаний о нем.

⁶ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 46, 47, 136.

⁷ В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства Л., 1945, стр. 304.

⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2-е, М., 1956, стр. 298, 299.

⁹ «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 444.

¹⁰ Повесть временных лет. М.—Л., 1950, т. 1, стр. 57.

¹¹ Там же, стр. 87.

¹² Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 88.

Для решения этого вопроса интересны обломки лепной керамики, обнаруженные раскопками В. В. Хвойки и хранящиеся в Киевском историческом музее. Эта часть керамики, оставшаяся без внимания в исследованиях В. В. Хвойки, очень сходна с керамикой роменско-боршевского типа (VIII—X вв.). Находки следов культуры, сходной с роменско-боршевской, дают право предполагать, что на территории Белгорода залегают какие-то более древние культурные пласты, предшествующие основным слоям великокняжеской поры.

Второе цитированное известие о Белгороде помещено в летописи под 991 г. В дополнении к первым сведениям запись представляет наивную попытку летописца объяснить возникновение Белгорода особой любовью к нему киевского князя. Кроме того, в этом известии скрыты отголоски того реального события, что укрепление Белгорода было связано с деятельностью Владимира Святославича.

По всей вероятности, в конце X в. разросшийся замок был заново укреплен. Переселение в связи с этим на свободную площадь людей из других городов свидетельствует, что границы города увеличились. Ядро нового населения составляла, очевидно, феодальная прослойка. Западно-русская Густинская летопись называет белгородских переселенцев «нарочитыми людьми»¹³, а, по сообщению Хроники Стрыйковского, во время осады города печенегами там было 300 владимировых милостников¹⁴. Киевский князь, вероятно, всячески способствовал процветанию Белгорода. «Слова „наруби в нь от инех городов“ означают не только перевод людей из других городов, но и какие-то особые условия, созданные для любимого княжеского города»¹⁵.

Расширение и укрепление Белгорода, увеличение численности его населения, осуществленное по инициативе государственной власти, превращало княжеский замок в княжеский город. Пока нельзя точно установить, действительно ли замок разросся в ремесленно-торговый город с 980 г. по 991 г. Вероятнее всего, срок был больше.

Можно не соглашаться с буквальным смыслом летописных известий, но трудно сомневаться в одном: летописец, для которого возникновение города было далеким легендарным прошлым, все же твердо знал, что оно связано с периодом княжения Владимира Святославича (973—1015).

Быстрое развитие Белгорода в конце X в.—начале XI в. соответствовало эпохе бурного подъема и укрепления молодого Русского государства. Это был период, когда народ еще не превратился в подневольный эксплуатируемый люд и играл большую роль в истории своей страны. Благодаря исполинской творческой энергии сотен русских людей, в конце X в.—начале XI в. разросся и укрепился и новый Белгород.

Основной причиной превращения белгородского поселения в город было отделение ремесла от земледелия, связанное с упрочением господства феодальных отношений.

Города — это признак складывающегося государства, признак складывающегося классового — в данном случае феодального — строя. Отсюда ясно, что не военная необходимость была основной и главной причиной в формировании Белгорода. В конце X в. город стал первоклассной крепостью, самым крупным западным форпостом Киевского треугольника (между рр. Днепром, Ирпенем и Стугной) и занимал ключевую позицию на западных подступах к Киеву. У стен Белгорода нередко разыгрывались битвы, решавшие судьбу «стольного города».

¹³ ПСРЛ, т. II, стр. 259.

¹⁴ Kronika M. Strzykowskiego, t. 1. Warszawa, 1846, стр. 126.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 50.

Однако в истории «Русской земли» Белгород выступает не только как крепость, военный форпост, но и как значительный населенный центр, сам нуждавшийся в больших и надежных укреплениях.

3

Ко времени возникновения Белгорода относится упоминание Никоновской летописи (под 992 г.) о поставлении в нем епископии и затем постройке соборного храма (под 994 г.)¹⁶. Хотя другие источники отмечают первого белгородского епископа только в конце XI в., сообщение Никоновской летописи, которая, несмотря на свою позднюю редакцию, сохранила много древних сведений, можно признать вероятным. В. Н. Татищев отметил Белгород среди первых городов, где митрополит по совету Владимира «посажает епископы»¹⁷.

Могущественное идеологическое влияние церкви было одним из важных факторов, способствовавших укреплению феодального строя Древнерусского государства. Уже в конце X в. заканчивается христианизация основных русских городов. Конец X в. как примерная дата возникновения епископии в Белгороде общепризнан в исторической науке (М. Д. Приселков¹⁸, В. В. Мавродин¹⁹, А. Н. Насонов, М. В. Левченко²⁰).

Как справедливо отметил А. Н. Насонов, первые епископии после Киева и Новгорода, для сохранения политической целостности «Русской земли», были учреждены не в Чернигове и Переяславе, а поблизости от столицы Руси — в Белгороде и Юрьеве²¹. Кроме того, епископы Киевский, Новгородский и Белгородский могли составить необходимый собор трех²², который мог самостоятельно, не обращаясь каждый раз к константинопольскому патриарху, решать церковные дела.

Быстро развивавшийся город уже в X в. мог быть центром самостоятельной епископии, о существовании которой знали в далекой Византии. В греческих каталогах упоминается «епископия великого Белгорода»²³.

Органом княжеской администрации в Белгороде был институт тысяцких. Один из них, Прокопий, упоминается первый раз в 1113 г. как участник Берестовского совещания, созванного Владимиром Мономахом²⁴. Однако есть основания предполагать, учитывая древность тысячной организации, ее существование в Белгороде и раньше — в X в.²⁵

Древнерусское государство отстаивало свою независимость в борьбе со степными кочевниками. Один из эпизодов этой ожесточенной борьбы отражен в сказании о «белгородском киселе» — народной легенде, которую Нестор включил в летопись под 997 г.²⁶ В сказании говорится, что печенеги, воспользовавшись отсутствием дружины Владимира, осадили Бел-

¹⁶ ПСРЛ, т. IX, стр. 66. Наличие одного или нескольких храмов в городе, ставшем религиозным центром, более чем вероятно. Летопись как единовременный акт описывает поставление «по градам попов и церквей».

¹⁷ В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, ч. I, М., 1768, стр. 38.

¹⁸ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Руси в X—XII вв. СПб., 1913, стр. 49, 75.

¹⁹ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 332.

²⁰ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1953, стр. 543.

²¹ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 32.

²² М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 50.

²³ М. Грушевский. История Украины—Руси, т. II, стр. 202 (к сожалению, без ссылки на источник).

²⁴ Пространная Правда по Троицкому списку. «Памятники русского права», вып. I, М., 1952, стр. 113.

²⁵ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 196, 197.

²⁶ Повесть временных лет, т. I, стр. 87, 88; М. Д. Приселков. История русского летописания XII—XV вв. М., 1940, стр. 41.

город. В крепости начался голод. В критический момент борьбы родной город спас простой находчивый и смекалистый русский человек. По его совету жители выкопали два колодца, в которые опустили одну «кадь» с хлебным киселем, другую — с разварным медом. Летописный рассказ кончается тем, что одуряченные печенеги снимают осаду, поверив, будто сама земля кормит осажденных. Наивность печенегов вызывает сомнение. Скорее, в этом скрыт действительный факт, что враги просто не в силах были взять крепости (они даже не пытались ее штурмовать). В рассказе приводятся ценные подробности о внутренней жизни города.

В напряженные дни обороны, когда осажденные изнемогли от голода, собралось вече, принявшее решение о сдаче. Вечевые собрания (летопись в этот период знает всего два таких случая — данный и во время осады Киева в 968 г.) — вряд ли только пережиток родового строя, как считал, например, Б. Д. Греков. Вечевой строй был характерен для городов с развитым ремеслом, где имелись ремесленные и купеческие объединения. Белгородское вече может служить показателем зрелости городского строя. Ремесленники и торговцы уже оформлялись в самостоятельную группу, которую летопись называет горожанами. Это один из первых случаев употребления данного термина летописью для обозначения городских жителей, в отличие от деревенских²⁷.

Руководящая роль принадлежала городским старейшинам — местной знати. Их деятельность описывается достаточно конкретно. Они совещаются и обсуждают между собой дела осажденного города, самовластно, без колебаний отменяют решение веча, организуют сбор скудных продовольственных запасов (по горсти овса) и берут мед из княжеской кладовой; наконец, отправляют послов в стан кочевников. Эти «старцы градские» — местные земские феодалы занимали важное положение во времена Владимира. Все свои начинания князь обсуждает не только с дружиной, боярами, но и со «старцами градскими»²⁸. Позднее летопись их не упоминает. Земское местное боярство и княжое сливаются в один господствующий класс феодалов.

Приведенный рассказ содержит зерно исторической правды, реально обрисовывает черты городского строя Руси X—XI вв. Сохранились известия о других битвах, происходивших под стенами Белгорода. Так, в 1004 г., согласно Никоновской летописи, печенеги снова двинулись к городу, но, испугавшись посланных князем «с многими силами» богатырей Александра Поповича и Яна Усмошвеца, «побегоша в поле»²⁹.

4

Вследствие недостаточной изученности период роста и сложения города в X в.—начале XI в. представлен незначительным количеством памятников. Из Белгорода происходит бронзовая подвеска со знаком, близким родовому знаку Ярослава Мудрого. На обеих сторонах подвески изображен княжеский знак Рюриковичей — трезубец, острием вниз, осложненный орнаментальным узором³⁰. В Киевском историческом музее сохранилась другая подвеска из того же места, также повторяющая схему родового знака (рис. 6—1, 2). Как доказал Б. А. Рыбаков, подобные подвески носили чины феодальной администрации. Подавляющее количество

²⁷ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 47.

²⁸ В. В. Мавродин. Социально-политический строй. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 16.

²⁹ ПСРЛ, т. IX, стр. 68.

³⁰ А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. Изв. АН СССР, Отд. гуманитар. наук, вып. 2, 1930, стр. 94, 95. Аналогичная подвеска, вероятно, отлитая в одной форме с белгородской, найдена в Киеве (Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжом хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, 1940, стр. 238, 239).

предметов с подобными знаками найдено в старинных городах — Киеве, Чернигове, Белгороде и Вышгороде. «Этим очерчивается область наиболее интенсивного окняжения X—XI вв.»³¹ По определению Г. Ф. Корзухиной, подвеска, публикуемая на рис. 6—2, относится к более раннему времени.

К вещам X—XI вв., принадлежавшим представителям княжеско-дружинной верхушки в Белгороде, относятся золотой амулет-змеевик³² и 2 вислых печати, скреплявших княжеские грамоты³³. Ряд других находок, бесспорно, связан с ранним периодом истории города, например золотая монета — византийский солид Иоанна Цимисхия (X в.), арабский дирхем X в.³⁴ Некоторая часть гончарной посуды определено датируется X—XI вв. Фрагменты ее встречены в раскопках детинца, среди подъемного материала на городище, в культурном слое под крепостными валами.

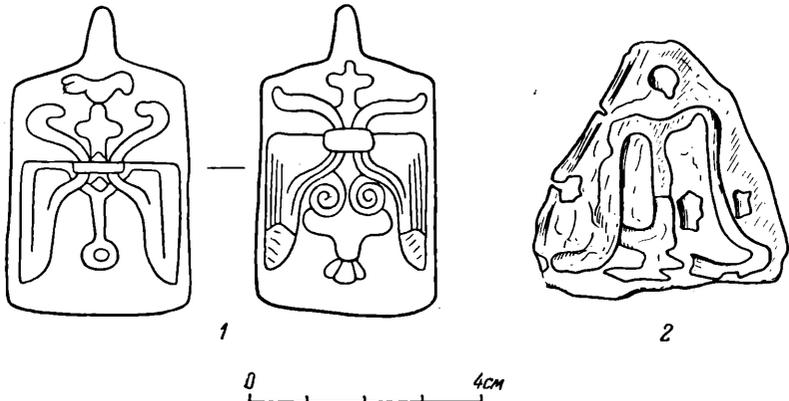

Рис. 6. Бронзовые подвески-тамги.

1 — из Государственного Эрмитажа; 2 — из Киевского исторического музея.

Часть раскопанных жилищ и других построек В. В. Хвойка и Н. Д. Полонская связывали с древнейшей историей города (правда, очень нечетливо). В жилищах найдены «старославянская» керамика, фрагменты греческих амфор, стремена, удила, наконечники дротиков, бронзовые пряжки и застежки, сердоликовые бусы, пластинчатые браслеты с арабским плетением и др.³⁵ Как ни мал фактический материал, он все же свидетельствует, с одной стороны, о существовании в городе княжеского хозяйства и феодальной администрации (подвески, змеевик, печати), с другой, — о наличии городского ремесла, одним из видов которого было гончарное.

³¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 239. В рисунках таких подвесок, в том числе белгородской (лицевая и оборотная стороны этой последней ошибочно приняты за две самостоятельных подвески) П. Паульсен усмотрел комбинацию германского символа — сокола с восточной пальметкой и византийским христианским крестом (P. Paulsen. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, стр. 169—174). Нельзя согласиться с положением автора, что подобные подвески — «варяжского» происхождения и свидетельствовали о хозяйственно-политическом значении скандинавских воинов («Falkenkrieger») на Руси X в. Из данных, приводимых автором, не трудно убедиться, что названные выше изобразительные мотивы (в разных вариантах) имели общеевропейское распространение. Не подлежит сомнению выдающаяся роль русских художников-ремесленников в оформлении и использовании этих мотивов.

³² И. П. Хрущев. Белгородка и найденный в ней змеевик. Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца, кн. I, Киев, 1873, стр. 262—264, 302—303.

³³ Н. Д. Полонская. Указ. соч., стр. 65.

³⁴ В. В. Хвойка. Указ. соч., стр. 83, 86; см. также «Археологические исследования в Киевской губернии». ИАК, 1910, Прибавление к вып. 34, стр. 183.

³⁵ В. В. Хвойка. Указ. соч., стр. 87 и сл.; Н. Н-ский. Раскопки в Белгородке. ИАК, 1911, Прибавление к вып. 39, стр. 178.

Значительно расширяют наши знания о Белгороде древнейшей поры данные исторической топографии. Они не только подтверждают отрывочные сообщения летописи, но и сами являются важнейшим историческим источником.

Огромное белгородское городище (ныне с. Белгородка) расположено в 30 км к западу от Киева, на правом берегу р. Ирпень, «на горе» (рис. 7). Одна сторона городища ограничена высоким (до 50 м) обрывистым берегом долины реки. С напольной стороны (севера, юга и востока) город был защищен полукольцом оборонительных сооружений. Вся городская территория четко делится на детинец, укрепленный специальным валом, и окольный город. Валы и рвы доныне сохранили внешний контур города, планировку его оборонительной системы (рис. 8). Мы еще не знаем, где находилось древнейшее ядро белгородского поселения, где стоял княжеский замок Владимировой поры, окруженный, по-видимому, неукрепленным посадом. Сохранившаяся планировка относится к тому периоду истории белгородского поселения, когда оно превратилось в город.

Двукратным археологическим исследованием укреплений доказано, что все валы и рвы детинца и окольного города построены одновременно и одинаковы по конструкции (кроме пока еще не исследованного остатка поперечного вала окольного города). Конструкция оборонительных сооружений типична только для фортификации русских городов конца X в.³⁶ Никаких других земляных укреплений, относящихся к более позднему времени, нет (обследования и раскопки В. В. Хвойки³⁷, П. А. Раппопорта, Д. И. Блифельда³⁸). Это подтверждает достоверность летописи, которая укрепление Белгорода связывает с периодом княжения Владимира. Только сильному, централизованному государству было по силам осуществить грандиозную постройку трехкилометровых крепостных стен. Валы сооружены не на остатках предшествующих укреплений, а непосредственно на культурном слое с находками X—XI вв. Это показывает, что площадь Белгорода уже была заселена к моменту строительства новых оборонительных укреплений. Сопоставление площади Белгорода с площадью других южнорусских городов привело к совершенно неожиданным и поразительным результатам. При сравнении площадей необходимо учитывать, что Белгород конца X—начала XI в. сравнивается с городами, постепенно увеличивающими свою территорию с X в. по XIII в. (см. таблицу).

Из приведенных данных видно, что по площади детинец Белгорода был равновелик детинцу Киева, Чернигова, Переяславля-Южного, Владимира-Волынского и несколько превышал детинец Вышгорода и Рязани. По размерам всей городской укрепленной территории Белгород превосходил в X—XI вв. такие крупные города, как Чернигов, Переяславль, Рязань, а в XII—XIII вв. мог успешно конкурировать с ними, а также с такими городами, как Галич и Владимир-Волынский. На первый взгляд, Белгород в XI в. не уступал по площади и столице Руси. Однако территория Киева, включая Подол и другие жилые районы, в действительности была, вероятно, значительно больше, чем можно установить по плану. Такую крепость-замок XIII в., как Губин, Белгород превосходил по размерам в 70 раз, Райковецкое городище — в 84 раза. Нельзя не отметить,

³⁶ П. А. Раппопорт. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовых кладки. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 17—24. Подробно об исследовании белгородских укреплений см. П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 73—82.

³⁷ В. В. Хвойка. Указ. соч., стр. 76—78.

³⁸ Д. И. Блифельд. Дослідження древнього Белгорода. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 29—36.

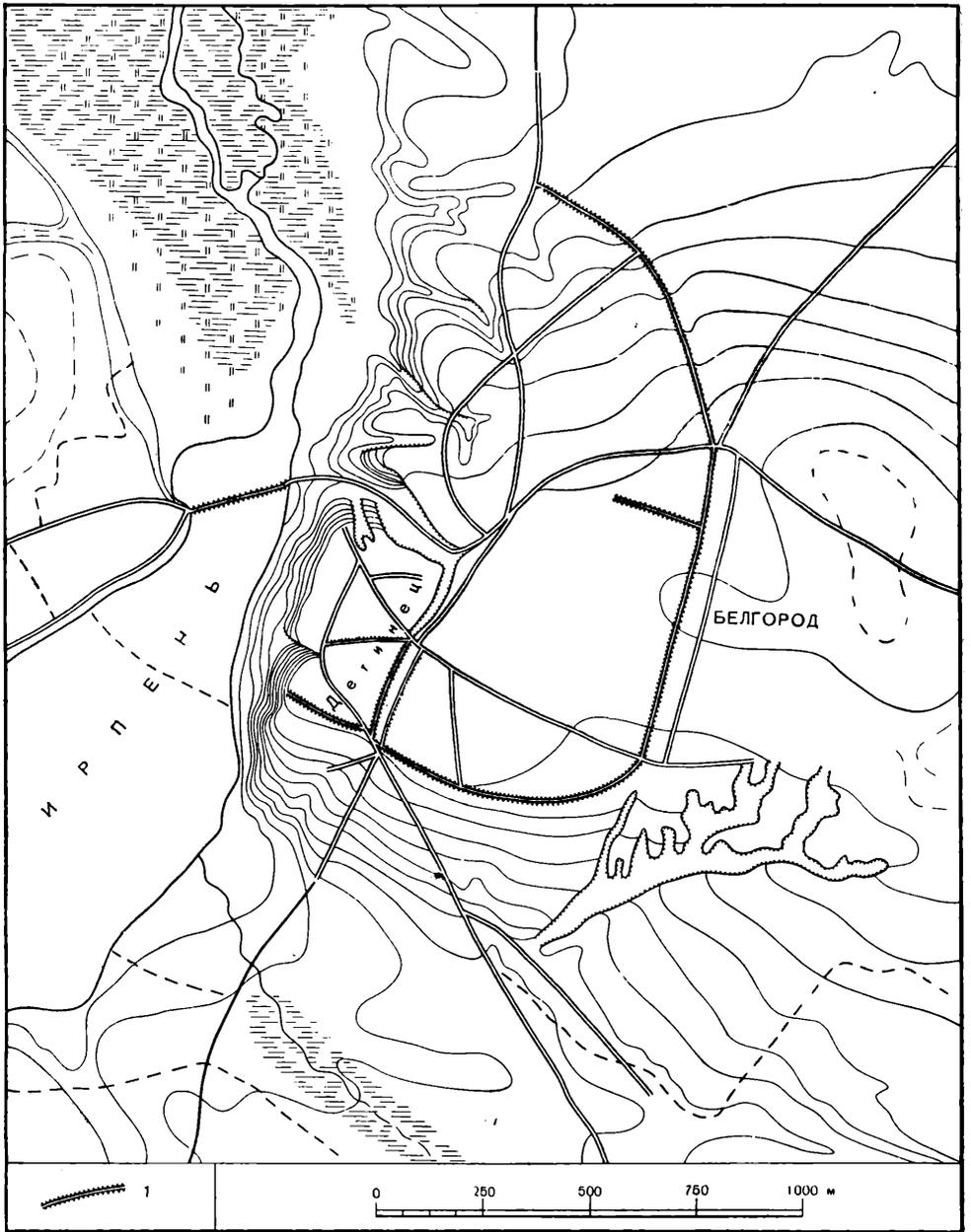

Рис. 7. План древнего Белгорода (по Б. Стеллецкому).
 1 — валы.

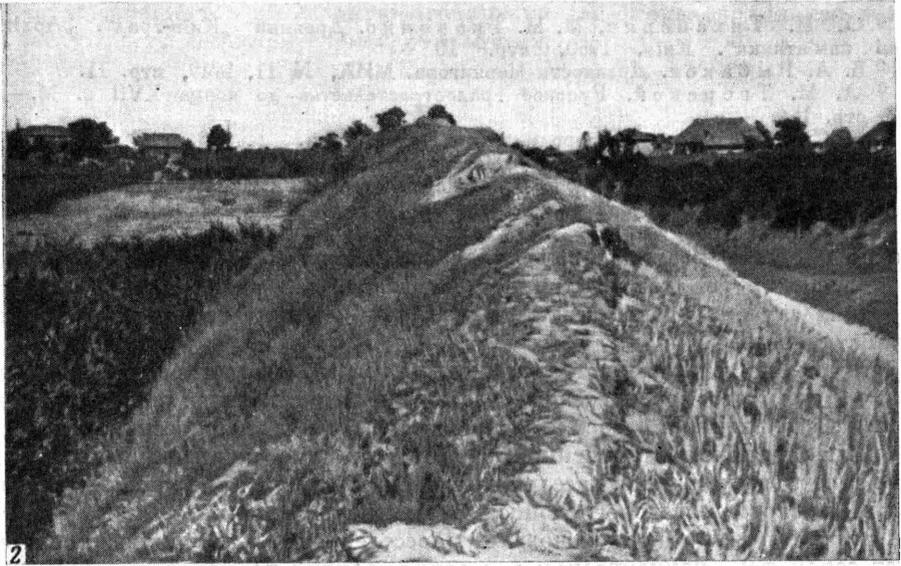
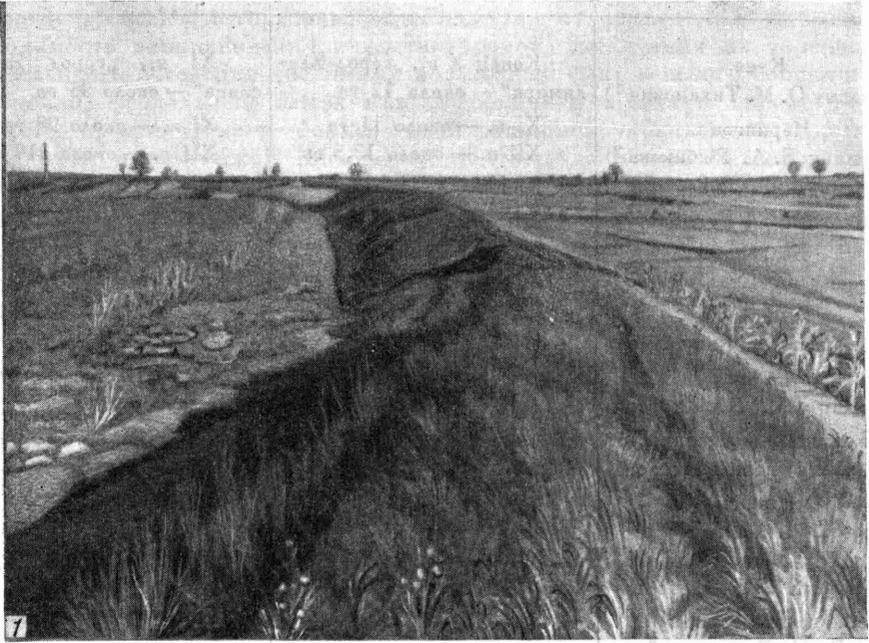

Рис. 8. Валы древнего Белгорода.

1 — часть южного вала окольного города (фото 1956 г.); 2 — восточный вал детинца, вид с юга (фото 1951 г.).

Величина площадей некоторых древнерусских городов

Города	Площадь детинца	Вся площадь города
Киев (по плану О. М. Тиханович ¹)	Конец X в., „город Владимира“ — около 12 га	XI в., „город Ярославла“ — около 95 га
Чернигов (по плану Б. А. Рыбакова ²)	XI в. — около 11 га XII в. — около 13,5 га	XI в. — около 98 га XII в. — около 110 га ³
Переяславль-Южный (по обмерам П. А. Раппопорта)	Конец X—начало XI в. — около 12 га	XI—XII вв. — около 66 га
Белгород (по плану Б. Стеллецкого ⁴)	Конец X—начало XI в. — около 12 га	Конец X—начало XI в. — около 105 га
Вышгород (по обмерам П. А. Раппопорта)	XII в. — около 9 га	XI—XII вв. — около 18 га
Галич (по плану М. К. Каргера)	XII—XIII вв. — около 17 га	XII—XIII вв. — около 44 га
Владимир-Волынский (по плану Цинкаловского)	XII—XIII вв. — 12 га	XII—XIII вв. — 90 га
Рязань (по А. Л. Монгайту ⁵)	XI в. — 7,6 га	XII в. — 48 га
Губин (по обмерам П. А. Раппопорта ⁶)	XIII в. — около 0,5 га	XIII в. — около 1,5 га
Райковецкое городище (по В. К. Гончарову ⁷)	XI—XIII вв. — 1,25 га	

¹ О. М. Тиханович, М. М. Ткаченко. Древний „Київ-град“. „Архітектурні пам'ятники“. Київ, 1950, стр. 10

² Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 11.

³ Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII в. М.—Л., 1953, стр. 164.

⁴ Б. Стеллецкий. Белгородка. Киев, 1909, план.

⁵ А. Л. Монгайт. Топография Старой Рязани. КСИИМК, вып. XLIV, 1952.

⁶ П. А. Раппопорт. Города Болоховской земли. КСИИМК, вып. 57, 1955.

⁷ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 18.

что по площади Белгород выделялся среди многих средневековых западноевропейских городов столичного масштаба, территория которых лишь в редких случаях превосходила 50—60 га, а рядовые города были совсем миниатюрными³⁹.

О чем свидетельствуют грандиозные размеры Белгорода? Представление о том, что новой стеной охватывали незаселенную площадь в расчете на дальнейший рост, — исключается для древнерусских городов. Наличие огромной защищенной территории само по себе указывает на большую концентрацию населения в стенах города в конце X—начале XI в. Недаром, согласно летописи, к моменту «заложения» города состав его жителей был пополнен новыми переселенцами. «Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, потребностей и способов их удовлетворения, между тем, как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и разобщенности»⁴⁰. Между прочим, здесь К. Маркс указывает на количественный фактор. Концентрация населения и ремесленного производства

³⁹ А. В. Бунин. История градостроительного искусства, т. I. М., 1953, стр. 137, 160.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 40, 41.

сообщает поселению новое качество — городского поселения. Таким образом, размеры территории Белгорода свидетельствуют о значительной численности городского населения и, следовательно, о развитии городского ремесла и торговли в этот ранний период, ибо не сельское хозяйство, а развитие ремесла и торговли, отделившихся от земледелия, вызывали необходимость возникновения и роста городов, увеличения их торгового и ремесленного населения (вспомним возможный факт вечевого собрания).

Конечно, феодальный замок или пограничная крепость (вроде Райковецкого городища) не требовали такой обширной укрепленной территории. Данные исторической топографии подтверждают, что Белгород был в конце X—начале XI в. крупным южнорусским ремесленно-торговым городом, по-видимому, самым значительным среди городов киевского окружения — Вышгорода, Василева и др.

Начиная со времен Ярослава, имя Белгорода редко появляется в летописи. Он упоминается как географический пункт на дороге к Киеву, и только. О истории самого города в этот период почти ничего не известно⁴¹. Это отражает различное положение Белгорода в оба периода. Он как бы застыл в своих прежних границах, но, конечно, не запустел, живя ровной, размеренной жизнью как большой провинциальный центр Киевской земли. Выдвинулись другие города; например национально-религиозным центром Руси стал Вышгород.

М. Н. Тихомиров отметил интересный факт, что процветание некоторых городов Киевской земли продолжалось сравнительно недолго. На смену им пришли новые, бывшие в соседстве с ними⁴².

С укреплением Киева при Ярославе Белгород становится рядовым пригородом столицы Руси. В Киеве концентрируются общерусская торговля и ремесло; он экономически и политически оттесняет Белгород, и самостоятельное значение последнего падает.

Новый период в истории Белгорода открывается в XII—XIII вв., когда он превращается в удельную столицу князей-феодалов. Однако эта тема заслуживает самостоятельной разработки.

6

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Во второй половине X—начале XI в. Белгород вырос из княжеского замка, возникшего в свою очередь на основе поселения предшествующей поры. Образование из феодального замка торгово-ремесленного города — путь, исторически наиболее ясный для возникновения многих русских городов, приемлем, по-видимому, и для Белгорода.

2. Период X—начала XI в. в истории Белгорода, несмотря на скудность и отрывочность летописных известий, характеризуется его бурным ростом. Особая любовь Владимира к городу, усиление его большими укреплениями, расширение границ и заселение новыми жителями, учреждение епископии, вероятное существование института тысяцких, длительная осада печенегами, вече, группы местной знати и горожан — все это ярко и достаточно достоверно рисует жизнь древнерусского Белгорода.

3. Данные исторической топографии выдвигают Белгород в число крупнейших по площади южнорусских городов на самом раннем этапе их возникновения и развития. Этот количественный фактор дает новую каче-

⁴¹ Белгород упоминается в 1068 г. как место не состоявшейся битвы между киевлянами во главе с князем Всеславом и Изяславом. Видимо, чувствуя непрочность своего положения, Всеслав тайно ночью сбежал от киевлян. Красочно описывает его бегство изпод Белгорода «Слово о полку Игореве». Дважды — в 1088 и 1089 гг. упоминается белгородский епископ Лука (Повесть временных лет, стр. 137).

⁴² М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 286.

ственную определенность города. Белгород конца X—начала XI в. — не дворцовое село, подгородный замок или пограничная крепость, а настоящий город «за стенами и рвами которого развивалось средневековое ремесло»⁴³.

4. Непонимание дворянско-буржуазной исторической наукой причин возникновения и сущности средневекового русского города как сосредоточия ремесла и торговли привело к неверному, искаженному взгляду на Белгород как военную крепость, стратегический пункт X—XIII вв. Историки и археологи, игнорируя внутренние причины, возникновение и развитие этого города объясняли такой внешней, не главной причиной, как военная необходимость. Недооценка Белгорода как значительного города X—начала XI в. стала традицией.

5. История Белгорода древнейшей поры свидетельствует о бурном росте производительных сил в период складывания Древнерусского государства.

Очевидно, что известными нам тремя основными центрами «Русской земли» (бывшей в IX—X вв. территориальным и политически господствовавшим ядром древней Руси⁴⁴) — Киевом, Черниговом и Переяславлем нельзя исчерпать список ранних и наиболее крупных древнерусских городов.

⁴³ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 440.

⁴⁴ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 216.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. ЛЮБИН

ПЕРВАЯ НАХОДКА НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СТАВРОПОЛЬЕ

Изучение древнекаменного века на Кавказе за последние 5—6 лет заметно продвинулось вперед. В эти годы выявлены и частично исследованы многочисленные ашельские и мустьерские местонахождения в Юго-Осетии¹, раскопаны многослойная верхнепалеолитическая стоянка Сагварджиле (Имеретия)² и мезолитическая стоянка в гроте Сосурко (Кабарда)³, обнаружены первые следы палеолита в Азербайджане⁴, Дагестане и Северной Осетии⁵.

Вне поля зрения, однако, оставалась до сих пор наиболее крупная территориально-административная область Кавказа — Ставропольский край. Здесь, если исключить краткое указание С. Н. Замятнина на находку следов обитания верхнепалеолитического человека в гротах окрестностей Кисловодска⁶, памятники древнекаменного века не были известны.

В мае 1955 г. один из отрядов Таманской экспедиции ИИМК⁷ посетил Зеленчукский район Ставрополья. После завершения основных работ отряд провел небольшую рекогносцировку в долинах рр. Большого Зеленчука и Кубани. Разведка дала следующие результаты: 1) в тальвеге небольшой р. Хусы, впадающей справа в Большой Зеленчук близ станицы Зеленчукской, был поднят кремневый отщеп мустьерского облика (рис. 9—6); 2) в долине Кубани, в 5—6 км выше станицы Усть-Джегутинской, открыто небольшое мезолитическое (или раннеолитическое) местонахождение. Место находок лежит на правом склоне устьевой части глубокого оврага Учкулька, врезанного в правый склон долины.

Кратковременная и скромная по своим результатам разведка 1955 г. имела, тем не менее, принципиальное значение: она удостоверила факт

¹ В. П. Любин и А. А. Формозов. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1946—1955). Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов. М., 1956, стр. 6—8.

² Н. З. Киладзе. Многослойный археологический памятник «Сагварджиле». Сообщения АН ГрузССР, т. XIV, Тбилиси, 1953, № 9, стр. 561—567.

³ Работы С. Н. Замятнина в 1954—1955 гг. Раскопки грота не окончены.

⁴ Работы С. Н. Замятнина в 1953 г. (Сообщение С. Н. Замятнина на совместном заседании сектора антропологии и археологии ИЭ и сектора палеолита ИИМК 18 февраля 1953 г.).

⁵ В. П. Любин и А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 9.

⁶ С. Н. Замятнин. О первоначальном заселении пещер. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 58.

⁷ Начальник экспедиции — Б. А. Рыбаков. Состав отряда: Е. Г. Пчелина (руководитель), Т. П. Холодная, В. П. Любин.

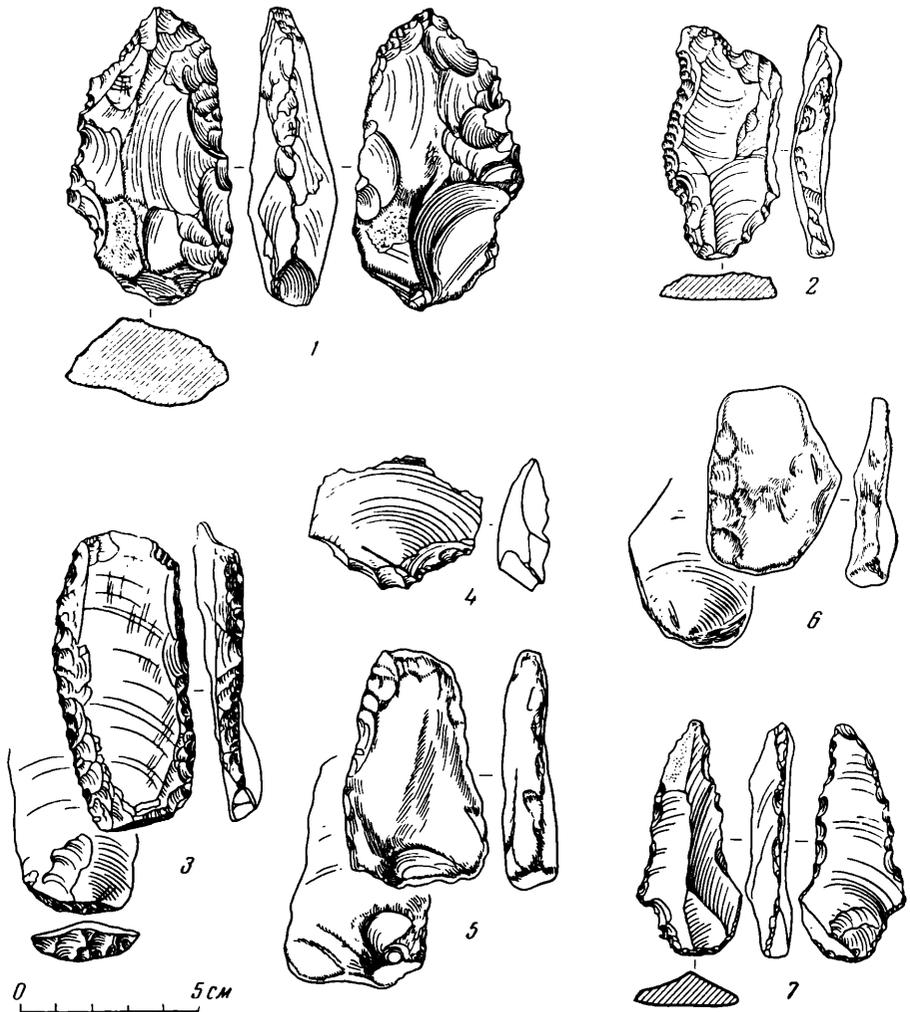

Рис. 9. Кремневые орудия из Ставрополя.

1 — ручное рубильце; 2, 3 — скребла; 4—7 — отщепы (1, 2, 5 — Кардоник; 3 — Яворы; 4, 7 — Джеганас; 6 — Зеленчукская).

заселения этой части Северного Кавказа людьми каменного века и придала уверенность дальнейшим поискам. Это подтвердили работы 1956 г., предпринятые Ставропольской археологической экспедицией ИИМК и Ставропольского краевого музея⁸. Работы 1956 г. были приурочены главным образом к долинам рр. Кубани и Марухи на участке от г. Черкесска до первого марухского водопада, т. е. охватывали узкую, вытянутую по меридиану полосу северного склона Большого Кавказа протяженностью около 100 км (рис. 10).

Опыт ведения разведок палеолитических памятников, накопленный во время прежних наших работ на Кавказе, не мог быть механически перенесен на этот новый район. Подавляющее большинство сделанных, например, в Осетии палеолитических находок тесно связано с зоной предгорий, ширина которой не превышала 6—8 км в Юго-Осетии и 3—4 км в Север-

⁸ Состав экспедиции: В. П. Любин (руководитель), Т. П. Холодная, В. П. Кулаков, М. В. Казанкова, Л. Г. Гаркуша, Б. Д. Облогин.

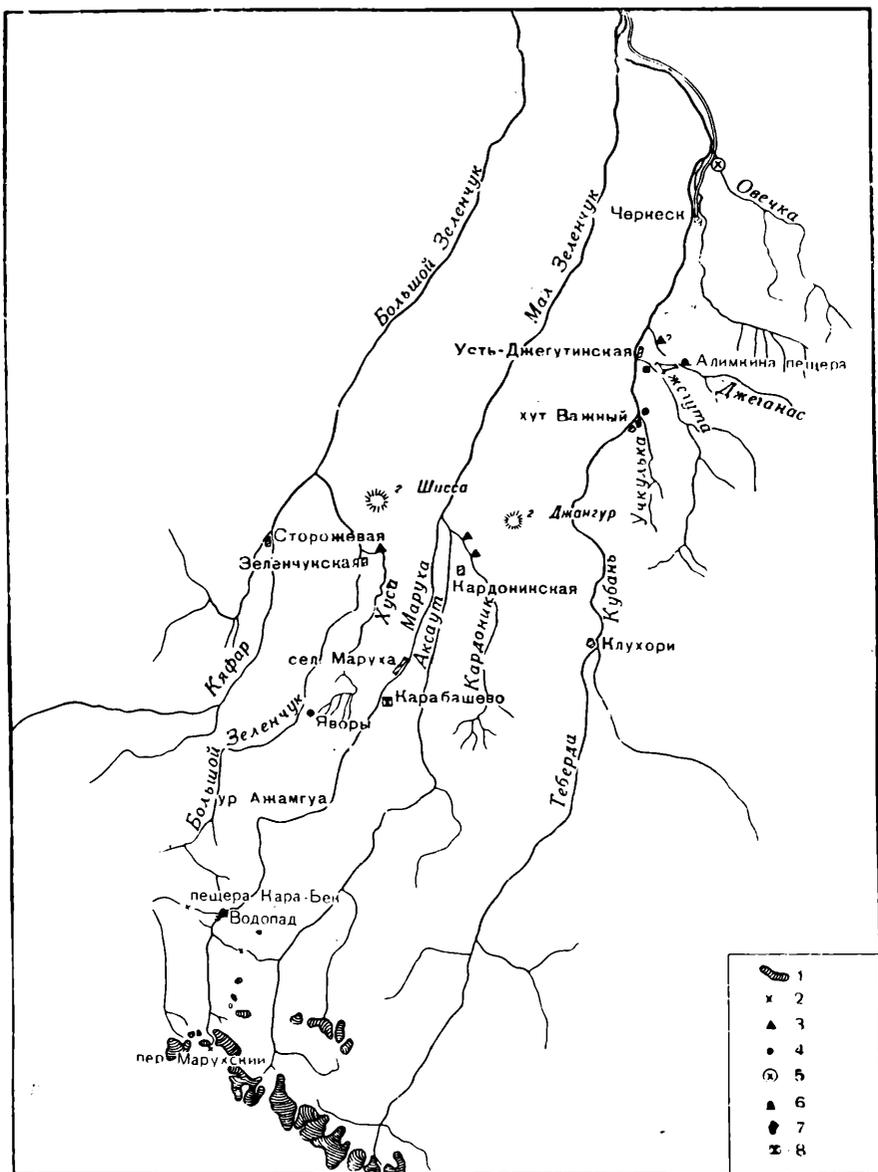

Рис. 10. Схематическая карта района разведок.

1 — ледники Главного Кавказского хребта; 2 — перевалы; 3 — мустьерские находки; 4 — мезолитические находки; 5 — неолитические стоянки; 6 — исследованные пещеры; 7 — средневековые городища; 8 — памятники скифского времени.

ной Осетии (долина р. Терека). Разведки палеолита на Кубани предполагалось вести также в полосе предгорий, однако дело осложнялось тем, что провести здесь границу между предгорьями и собственно горной областью было нелегкой задачей. Чрезвычайно пологий в этой части Большого Кавказа северный склон состоит из нескольких более или менее параллельных хребтов, которые в направлении с юга на север понижаются в виде пяти гигантских каменных ступеней. Наиболее высокой из них является Водораздельный или Главный Кавказский хребет. Затем последовательно идут хребты Передовой (или Боковой) и Скалистый и состоя-

щие из двух гряд Черные горы⁹. Абсолютные высоты трех наиболее северных гряд (Скалистого хребта и Черных гор) незначительны и носят характер предгорий. Такой же характер имеет и часть северного склона Передового хребта. Переход от предгорий к горам, таким образом, совершается слишком постепенно: ландшафты, напоминающие предгорья Осетии, тянутся на протяжении 70 км¹⁰.

Охватить разведкой столь обширную территорию было невозможно. Главное внимание поисковых групп было поэтому сосредоточено на осмотре поверхностей древних речных террас, обнажений четвертичных пород в оврагах, галечниковых перекаатов в руслах ручьев и небольших речек и мест выходов сырьевого материала (кремень). Особое внимание было уделено обширной продольной долине (так называемая юрская депрессия) между Передовым и Скалистым хребтами. Некогда, как полагает С. С. Кузнецов, понижение это являлось широтно ориентированной долиной Пракубани, которая брала начало в районе Эльбруса и несла свои воды по линии современных станиц Красногорской, Кардоникской, Зеленчукской, Сторожевой, Преградной, Псебайской, Даховской¹¹.

Главная цель работ 1956 г. состояла в общем ознакомлении с районом, с покрытием маршрутами максимально возможной территории. В тех случаях, когда обнаруживались археологические материалы, дело ограничивалось фиксацией мест находок и сбором немногочисленных образцов.

В пределах Зеленчукского и Усть-Джегутинского районов Ставрополья и Черкесии экспедиции удалось выявить ряд поздних памятников (скифское время, аланы, средневековые). Но наибольший интерес представляют впервые найденные здесь следы культуры человека каменного века.

1. Мустьерское местонахождение Кардоник приурочено к руслу одноименной речки, впадающей справа в р. Аксаут близ того места, где последняя, соединяясь с Марухой, дает начало р. Малому Зеленчуку. Находки рассеяны на обширных галечниковых пляжах, на участке между устьем речки и красногорским мостом, т. е. в ближайших окрестностях станицы Кардоникской.

2. Мезолитическая стоянка Яворы, расположенная в повышенной части предгорий Передового хребта, на водоразделе между р. Большим Зеленчуком и ее небольшим правым притоком р. Хусой.

3. Неолитическое местонахождение в долине р. Овечки (правого притока Кубани) в 2—3 км к северо-востоку от г. Черкесска.

4. Следы мезолита (неолита?) в русле р. Джегута (правого притока Кубани) в районе станицы Усть-Джегутинской.

5. В русле р. Джеганаса, впадающей в Кубань в 3—4 км к северу от Джегуты, найдены 2 кремневых отщепов архаического облика (рис. 9—4, 7).

6. В центре аула Кубина (Черкесия), на дне пересекающего его оврага, поднят кремневый призматический нуклеус.

Большая часть собранных материалов находится еще в обработке. В настоящем сообщении дается описание лишь мустьерских находок, собранных близ станиц Кардоникской и Зеленчукской.

⁹ Более высокую южную гряду называют иногда Пастбишным хребтом.

¹⁰ И. Шуккин. Из поездок по верхней Кубани. «Землеведение», М., 1914, кн. III, стр. 1—3; его же. Очерки геоморфологии Кавказа. Труды Научно-иссл. ин-та географии, вып. 2, М., 1926, стр. 30—32, 132—137, 140; Н. Н. Соколов. Геоморфологический очерк Черкесского округа. Труды Сев.-Кавк. ассоц. научно-иссл. ин-тов, № 65, Ростов-на-Дону, 1930, стр. 8; А. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа. Изд. МГУ, 1954, стр. 183—186.

¹¹ Позже, в результате горных поднятий, здесь произошла перестройка речной сети, и воды Кубани переместились на север, в новое русло. См. С. С. Кузнецов. О геоморфологии гор. Уч. записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена, кафедра геологии и минералогии, т. 54, 1947, стр. 94, 95.

На Кардонике обнаружено всего 10 предметов: ручное рубильце, скребло, нуклеус, отщепы. Все изделия изготовлены из кремня — светлого, зеленоватого, черного. Кремень, как кажется, частично местный (кремневые гальки изредка встречаются в русле реки), частично принесенный из других мест. Выходы кремня (в виде конкреций в толщах, главным образом, меловых известняков) известны, например, в долине р. Кубани в районе хутора Важного, аула Кубина и станицы Усть-Джегутинской.

Состояние поверхности изделий (сильная окатанность и выветренность), их формы и характер обработки свидетельствуют о большой давности открытого памятника. К наиболее характерным изделиям относится ручное рубильце (длина — 8,3 см, ширина — 4,5 см, толщина — 2,4 см; рис. 9—1), изготовленное, судя по участкам не затронутой обивкой корки, из уплощенной продолговатой гальки. Поверхность орудия обработана крупными широкими сколами, имевшими иногда на концах «заломы». Поперечное сечение изделия — в виде плоской линзы; это достигнуто обработкой одной из сторон тонкими уплощающими фасетками. На второй, выпуклой стороне хорошо выражено слегка изогнутое по дуге продольное ребро, образованное линией пересечения фасеток обивки. Режущие края, дополнительно грубо подправленные кое-где крупной ретушью, лежат в плоскости нижней уплощенной стороны. Пятка закруглена в виде дуги. Рабочими элементами рубила были, вероятно, верхний конец и правый, выпуклый и более тщательно приостренный ретушью продольный край.

Скребло имеет длину 5,4 см и ширину 3,5 см (рис. 9—2). Заготовкой для него послужил белокремневый пластинчатый отщеп с тонким профилем (0,8 см) и таким ограничением спинки, которое предполагает отделение его от нуклеуса типа двуплощадочных: негативные следы сколов идут навстречу друг другу. Один продольный край оформлен со стороны спинки характерной мустьерской уступчатой ретушью; второй, противолежащий край, представляет участок не затронутого обивкой края нуклеуса. Очертания рабочего (ретушированного) края состоят из сочетания одного выпуклого и двух выемчатых участков.

Среди отщепов характерен массивный краевой отщеп (длина — 6,8 см, ширина — 3,8 см, толщина — 1,4 см), сколотый с местной кремнистой гальки. Контур его близок к треугольнику (рис. 9—5). Ударная площадка состоит из двух крупных фасеток, лежащих в разных плоскостях. Ударный бугорок занимает половину плоскости брюшка и носит крупный изъясн. Спинка сохраняет окатанную поверхность гальки; лишь близ ударной площадки заметны след небольшого залама от неудавшегося скола и по краям кое-где следы подправки или случайных выщербинок.

Отщеп, найденный близ станицы Зеленчукской (рис. 9—6), тоже должен быть описанному. На спинке, несмотря на сильную заглаженность, видны негативные следы ранее сколотых отщепов и вторичной подправки левого продольного края, сделанной 4 мелкими сколами. Чрезвычайно выпуклый ударный бугорок свидетельствует о сильном ударе, отделившем отщеп от материнского камня. Отбивная площадка носит явные признаки обивки края нуклеуса. Сильная выветренность совершенно обесцветила кремень и сделала его необычайно легким.

По своему составу и технике изготовления описанные предметы весьма характерны для мустьерского времени. Особенно показательно в этом отношении ручное рубильце: несколько небрежная его обработка и такие признаки, как размеры, поперечный и продольный профили, характер вторичной подправки, — свойственны мустьерской технике; в этой же технике выполнены и остальные изделия (скребло и отщепы).

Единичные предметы мустьерского облика найдены еще в 2 пунктах исследованного района:

1. Два кремневых отщеп — в нижней части долины р. Джеганаса к северу и северо-востоку от станицы Усть-Джегутинской. Один отщеп поднят на левобережном склоне речной долины вблизи известной в этих местах Алимкиной пещеры¹². Пропорции его укороченные (ширина превышает длину). Площадка носит следы подправки мелкими сколами и изогнута по дуге сообразно очертаниям края (по-видимому, дисковидного) нуклеуса. Площадка охватывает около половины контура предмета (рис. 9—4). Объяснить это можно тем, что при скальвании отщеп с небольшого по размерам ядрища был срезан значительный участок округлого края ядрища. Второй отщеп — пластинчатый (рис. 9—7) — найден в русле реки. Поверхность его окатана; края грубо подретушированы или носят следы естественных повреждений.

2. Массивное двойное кремневое скребло (рис. 9—3) найдено в лесу, в районе мезолитической стоянки Яворы. Края орудия тщательно заострены мелкой мустьерской ретушью. Фасетированная площадка находится в центре основания под прямым углом к плоскости брюшка.

Предварительное изучение собранных материалов позволяет сделать некоторые краткие выводы:

1. Собранный на Кардонике в 1956 г. небольшой комплекс каменных изделий предварительно можно датировать мустьерской эпохой. К этой же эпохе следует отнести кремневые изделия, найденные в 1955 г. близ станицы Зеленчукской, в Яворах и на Джеганасе.

2. Расположение мест находок в промежутке между долинами рр. Белой и Терека — двумя ближайшими пунктами нижнепалеолитических находок, известных в настоящее время на северном склоне Большого Кавказа, — свидетельствует о более «плотном», чем это представлялось ранее, заселении Предкавказья мустьерскими людьми. Находки эти стирают еще одно «белое пятно» на археологической карте Кавказа и дают основание рассчитывать на успешные находки остатков мустьерской культуры в других районах Ставрополья, в Черкесии и Кабарде.

3. Обращает на себя внимание приуроченность мест, где выявлены остатки мустьерской культуры, к широтной депрессии, расположенной к югу от Скалистого хребта, т. е. к продольной долине, которую С. С. Кузнецов склонен рассматривать как долину древней Кубани. Если дальнейшие разведки, произведенные в других пунктах этой долины (например в районе станиц Сторожевой, Преградной, Псебайской, Даховской), дадут такие же материалы, то гипотеза С. С. Кузнецова получит некоторое «археологическое обоснование»; люди нижнего палеолита, как можно будет тогда сказать, обитали на берегах крупнейшей, по-видимому, и для того времени реки Северного Кавказа¹³.

¹² Разведочный шурф в пещере выявил лишь керамику древнежелезного и аланского времени.

¹³ Современный широтный проток Кубани, идущий через Армавир—Темрюк, образовался лишь в позднем плейстоцене. См. Л. А. Варданянц. Постплиоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван, 1948, стр. 118, 125.

А. А. ФОРМОЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ КРЫМА в 1956 году

В 1956 г. Крымская палеолитическая экспедиция провела свой пятый полевой сезон. Работы экспедиции начаты разведками 1952 г. в Бахчисарайском районе, в ходе которых были обнаружены мустьерские стоянки Староселье и Кабази и микролитическая стоянка Алимовский навес. Раскопки в Староселье, продолжавшиеся непрерывно с 1952 г. по 1956 г., позволили исследовать этот позднемустьерский памятник на площади большей, чем в какой-либо другой крымской пещере (250 кв. м). В 1954—1955 гг. была подвергнута раскопкам и стоянка Кабази, относящаяся к середине мустьерского времени и связанная с погребенным навесом. В 1955 г. А. Д. Столяр провел раскопки в Алимовском навесе, обнаружив 4 слоя с микролитической индустрией. Нижний из них, содержащий крупные сегменты, относится к азилю, а верхний, давший такие формы, как сегменты с обработкой вершин плоской ретушью, должен быть отнесен к раннему неолиту. Два других горизонта занимают, видимо, промежуточное положение по датировке¹.

В 1956 г., наряду с продолжением раскопок в Староселье, мы возобновили поиски новых стоянок каменного века, что привело к интересным результатам.

Экспедицией обследована новая мустьерская стоянка под Симферополем. Она расположена в 7 км к юго-востоку от города, близ с. Фонтаны (бывш. Ягмурцы), на правом берегу Холодной балки. Эта разработанная долина с ручьем, идущая с юго-юго-востока на северо-северо-запад, представляет собой, по сути дела, верховья р. Булганака. Начало долины соединяется с Курцово-Сабловской балкой, проходящей вдоль второй гряды Крымских гор.

С балкой связан ряд археологических памятников эпохи бронзы и железа, обследованных А. А. Щепинским. Им же были впервые отмечены находки кремневых осколков и костей животных на правом берегу балки под небольшим навесом или, вернее, в нише длиной 7,5 м, глубиной около 1 м и высотой 0,9 м, с небольшой (примерно 16 × 3 м) площадкой перед ней (рис. 11—1). Ниша, обращенная входом на юг, расположена на северо-западном краю выхода нуммулитовых известняков под обрывом от плато ко дну балки, на высоте около 70 м над ручьем.

Размеры ниши таковы, что трудно предполагать заселенность ее человеком. Но раскоп размером 4 × 2 м, заложенный нами поперек площадки

¹ Основные публикации по работам экспедиции 1952—1955 гг.; А. А. Формозов. Исследование стоянки каменного века в Крыму в 1952 г. КСИИМК, вып. 54, 1954; его же. Стоянка Староселье. МИА, № 71, 1958; его же. Исследование погребенной пещеры в Крыму. «Природа», 1956, № 7.

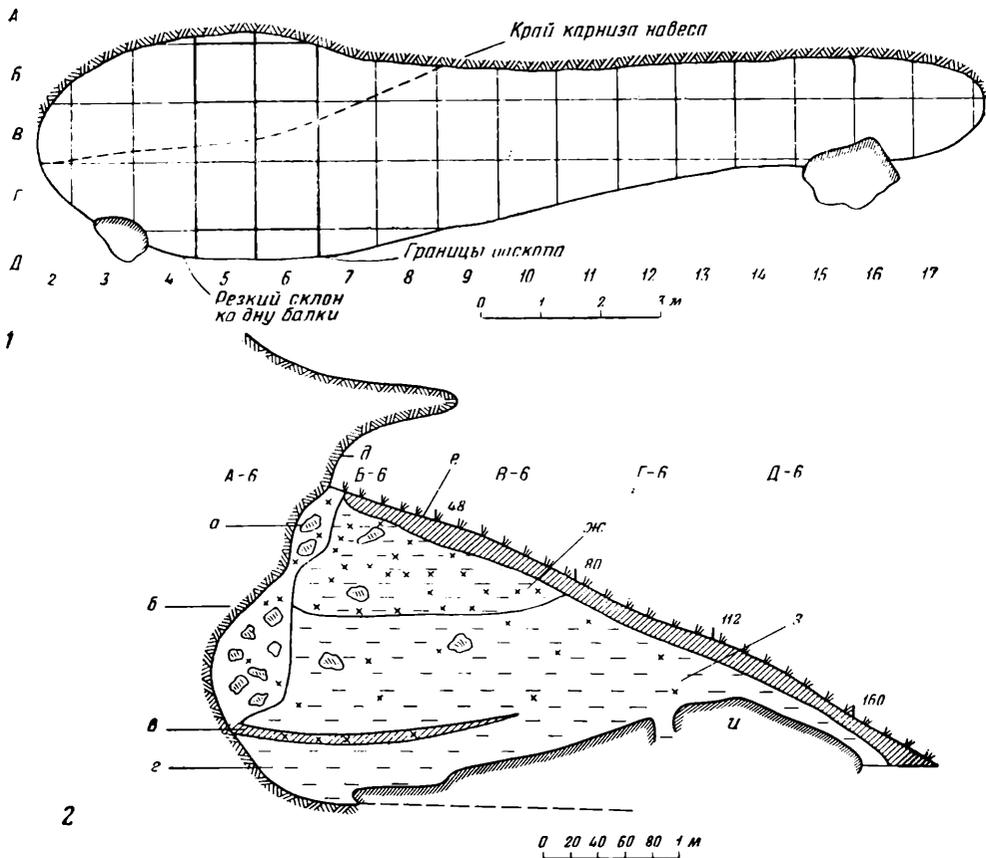

Рис. 11. План (1) и профиль (2) навеса в Холодной балке.

а — слой щебенки, сцементированной известковым натеком; б — коренная скала; в — темная линза (угольная?) с культурными остатками; г — желтый суглинок (стерильный); д — репер; ж — гумусный слой; з — слой красноватого суглинка с многочисленными культурными остатками; и — слой желтого суглинка с небольшим количеством культурных остатков; и — слой плит известняка — обвал карниза навеса.

навеса, вскрыл толщу культурных отложений. Максимальная мощность их — 2,3 м. Следовательно, в момент поселения человека ниша достигала значительной высоты и была несколько глубже. Слои заполнили уходящее под карниз пространство почти в 1 м шириной. Но ширина кровли навеса к моменту поселения человека не была больше. Слой обвала края карниза обнаружен по всей площади раскопа ниже культурных слоев, непосредственно на скальном полу (рис. 11—2).

Над этим слоем лежит двухметровая толща плотного желтого суглинка с культурными остатками, сверху прикрытая гумусированной щебенкой. В слое суглинка хорошо видны угольные пятна, расположенные в основном на двух уровнях (1 и 1,9 м от поверхности). Видимо, они отражают два периода обитания пещеры, хотя находки встречаются во всей толще отложений, кроме тонкого стерильного слоя над плитами обвала карниза. По заключению известного специалиста по четвертичной геологии Крыма проф. М. В. Муратова, суглинок, заключающий культурные остатки, идентичен суглинкам стоянок Кабази и Староселье и синхронизируется с Карангатскими отложениями.

Насыщенность суглинка культурными остатками очень велика, причем количество находок резко возрастает под сводом ниши. Это говорит о том,

что даже узкая и слабо закрытая сверху площадка под скалами в Холодной балке длительное время служила местом обитания первобытного человека, и, следовательно, при разведках пещерных стоянок нельзя проходить мимо даже очень небольших по размерам навесов и ниш.

Среди находок из ниши в Холодной балке представлены, по определению В. И. Громова, главным образом кости дикого осла и, в единичных экземплярах, кости дикой лошади, быка или оленя и сайги. И. Г. Пидопличко был проведен анализ геологического возраста костей из навеса в Холодной балке. Получены показатели, обычные для мустьерских памятников².

Кремневых изделий на площади в 8 кв. м собрано 2037. Среди них 58 остроконечников, 31 скребло, 21 диск, 16 отщепов и осколков с ретушью, 2 грубых рубящих орудия, 19 пластин, 134 отщепа, 1306 осколков и обломков, 450 чешуек (рис. 12).

Наиболее выразительны асимметричные и двухконечные остроконечники (рис. 12—14, 15, 20, 21). Оба вида изделий являются известным приближением к позднепалеолитическим орудиям — остриям типа шательперрон и лавролистым наконечникам и характерны для конца мустьерской эпохи. Эту датировку подтверждают также правильность и тонкость отщепов-заготовок, из которых сделаны орудия стоянки, наличие орудий из пластин и пластинчатых сколов (рис. 12—12, 13, 17, 18).

Находка асимметричных остроконечников позволяет поставить навес в Холодной балке в одну группу с позднемустьерскими крымскими стоянками Староселье и Шайтан-коба. Наиболее близка исследованному памятнику стоянка Шайтан-коба, для которой, так же как для Холодной балки, в отличие от Староселья, не типичны двусторонне обработанные орудия — миниатюрные ручные рубила³. Параллельное существование древнепалеолитических стоянок с орудиями, изготовленными исключительно из отщепов, и с индустрией, включающей определенное число двусторонне обработанных орудий, — хорошо известно. Работы экспедиции впервые позволили проследить это явление на позднемустьерском материале⁴.

Следует отметить, что в результате последних раскопок изменилось и наше представление о крымском мустье в целом. Оказалось, что для Крыма характерны не только стоянки с большим числом миниатюрных ручных рубил, вроде Киик-кобы, Чокурчи, Староселья, но и стоянки с инвентарем, почти исключительно односторонне обработанным, — Кабази, Шайтан-коба, навес в Холодной балке. Это делает более понятным почти полное отсутствие двусторонне обработанных орудий в позднем палеолите Крыма. Если на Русской равнине и в Центральной Европе в начале верхнего палеолита получили развитие селетско-солютрейские формы, связанные с двусторонними формами мустье, то в Крыму развилась индустрия ориньякского облика, связанная с инвентарем типа Холодной балки и Шайтан-кобы. Навес в Холодной балке — это уже девятая пещерная стоянка Крыма эпохи мустье.

Вторым районом работ экспедиции были окрестности Бахчисарая. М. Д. Гвоздовер и автор продолжали раскопки в Староселье. Параллельно А. А. Щепинский вел работы в балке Кая-арасы, к юго-востоку от Бахчисарая, на памятниках, обнаруженных нами в 1955 г. Балка Кая-арасы начинается примерно в 0,5 км к югу от верховьев балки Канлы-дере, в устье которой расположена пещера Староселье, и выходит в долину р. Качи близ с. Машино. По обеим сторонам балки есть навесы и

² Показатели прокаливания — 539, 663, 668, 777, 796, 800, 826. См. И. Г. Пидопличко. Новый метод определения геологического возраста костей четвертичной системы. Киев, 1952.

³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Шайтан-коба. Бюллетень КИЧП, № 2, 1930.

⁴ А. А. Формозов. Стоянка Староселье. МИА, № 71, 1958.

гроты, расположенные над дном долины на высоте 100—150 м. Во многих из них на поверхности найдена лепная керамика, а в пяти встречены кремневые изделия — округлый микроскребок на отщепе, пластины, ребристая пластина, отщепы. Особенно выразителен обнаруженный на склоне под навесами, в устье балки справа, крупный карандашевидный нуклеус. Эти изделия могут быть отнесены к неолитическому времени, что подтверждают некоторые стратиграфические наблюдения.

При раскопках пещерных стоянок на р. Каче прослежена одинаковая картина. В Таш-аире (раскопки Д. А. Крайнова) неолитические слои были перекрыты мощным слоем обвала карниза навеса, выше которого лежал кизил-кобинский слой. В Качинском навесе, как показала наша шурфовка 1952 г., также залегает обвальный слой, перекрытый кизил-кобинскими отложениями. Наконец, в Алимовском навесе отложения с микролитической индустрией отделены от кизил-кобинского слоя горизонтом обвалных плит. Видимо, в период между концом неолита и началом времени распространения кизил-кобинской культуры в бассейне Качи были какие-то тектонические подвижки, вызвавшие обвал потолков навесов. В балке Кая-арасы прослежены такие же обвалы, перекрывающие отложения с находками кремня и прикрытые слоями с кизил-кобинской керамикой.

Эти наблюдения дают интересный материал для увязки стратиграфии пещерных стоянок Крыма. Возникает, между прочим, вопрос, случайно ли совпадение в перекрывании позднемустьеерскими слоями горизонтов обвалных плит в Староселье и в Холодной балке. Возможно, это указывает на синхронность памятников.

Культурные слои в навесах по балке Кая-арасы очень тонки. Видимо, расположенные высоко над дном долины навесы обитались кратковременно. Какой же характер носило это обитание? Изучение крымских пещер позволило установить, что наиболее высоко расположенные над дном долины пещеры содержат наиболее древние слои. Выше всего (150—130 м) лежат Киик-коба и Кабази, ниже — Волчий грот, Шайтан-коба (20 м), еще ниже — Сюрень I (15 м), совсем низко — Шан-коба, Таш-аир (6—10 м) и т. д.⁵ Это понятно: человек всегда селился ближе к воде и по мере углубления долин спускался все ниже. Из этой закономерности выпадают, однако, некоторые кизил-кобинские памятники. Кизил-кобинские слои выявлены в пещерах, расположенных на высоте более 100 м: в навесе в балке Осипова под Бахчисараем, в пещере Храма на Альме, в Змеиной балке в бассейне Бельбека⁶. Теперь такие же высоко расположенные поздние стоянки обнаружены в Кая-арасы. Что же заставляло людей эпохи неолита и бронзы обитать в столь высоко расположенных пещерах?

Думается, что мы имеем дело с временными стоянками — кошами скотоводов, а не с обычными поселениями. Для кизил-кобинской культуры об этом можно говорить уверенно, но скотоводческий характер хозяйства крымского неолита еще не доказан. Однако косвенных указаний собрано довольно много. Одним из них может служить и намечающаяся особая группа пещерных памятников.

Помимо пещерных стоянок, в балке Кая-арасы обнаружено в 1955 г. открытое неолитическое поселение. Оно расположено на дне долины, примерно в 0,5 км от ее верховья, близ родника у левого «отвершка» балки. Раскоп площадью около 20 кв. м, заложенный на стоянке в 1956 г., показал, что это удобное для поселения место неоднократно посещалось человеком. Культурные остатки встречаются в слое овражного делювия

⁵ Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма. Бюллетень Моск. о-ва испыт. природы, отд. геолог., т. XVIII, № 2, 1940, стр. 42—47.

⁶ Обследования экспедиции 1952—1953 гг.

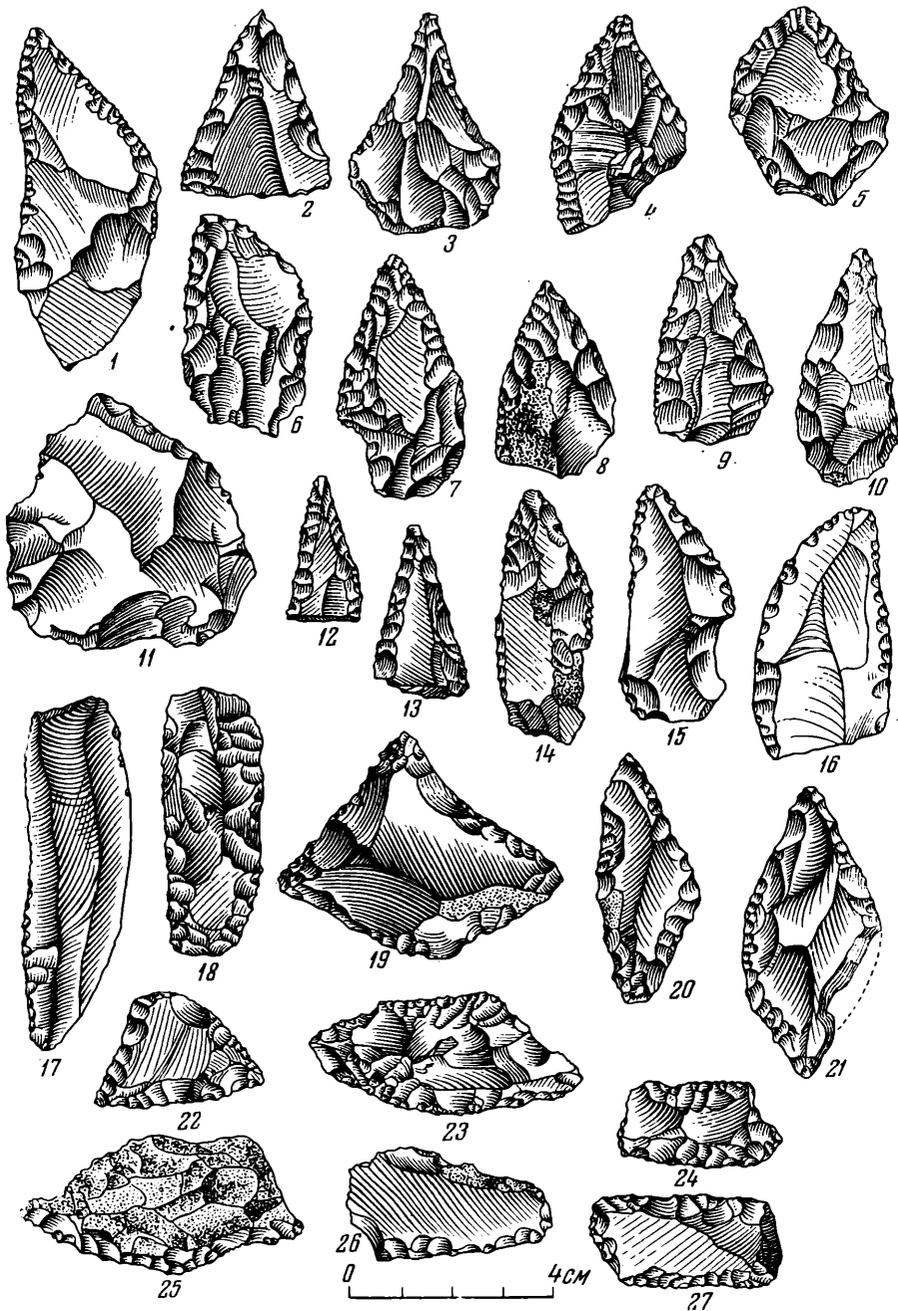

Рис. 12. Находки из навеса в Холодной балке.
1—27 — кремневый инвентарь.

на протяжении 2 м с лишним. В верхней части этой толщи найдены фрагменты амфор, кизил-кобинская керамика, каменные терочники, отдельные кремневые изделия. С самой нижней частью отложений связан микролитический инвентарь.

Набор кремневых изделий очень характерен. Здесь представлены все типы, специфические для крымского неолита⁷. Среди нуклеусов — 7 экземпляров уплощенных (рис. 13—1) и 4 экземпляра конических. Среди геометрических орудий (рис. 13—3—5), наряду с обычными сегментами (7 экземпляров) и трапециями (12 экземпляров), представлены трапеции со струганой спинкой (5 экземпляров) и сегменты с вершиной, обработанной плоской ретушью (15 экземпляров). Среди скребков — два с характерно скошенным рабочим краем. Наконец, найдены здесь и два двусторонне обработанных наконечника стрел. Один из них, с угловатым расширением в нижней части (рис. 13—2), находит близкую аналогию в наконечнике со стоянки «Юсуповский бассейн» на Яйле⁸. В большом числе найдены на стоянке ножевидные пластины и концевые скребки на пластинах. Из других орудий назовем пластины с выемчатым рабочим краем, косые остря, округлый микроскребок и грубое рубящее орудие на отщепе, какие спорадически встречаются на яйлинских неолитических стоянках.

Весь комплекс находит полную аналогию в ряде стоянок Яйлы, в первую очередь в Ат-баше⁹ и «Юсуповском бассейне». Для этих стоянок типичны трапеции со струганой спинкой, сегменты с вершиной, обработанной плоской ретушью, уплощенные и конические нуклеусы в сочетании и с инвентарем тарденуазского облика, и с неолитическими типами (керамика на Ат-баше, двусторонне обработанные наконечники на стоянке «Юсуповский бассейн»).

Неолитический характер кремневого инвентаря стоянки Кая-арасы заставляет с большим вниманием отнестись к находкам керамики в одном слое с кремневыми изделиями. Правда, наличие в верхней части отложений лепной посуды кизил-кобинского типа затрудняет решение вопроса, однако определенную группу керамики можно связать с кремневыми орудиями. На это указывает и глубина, на которой обнаружены черепки, и сравнение типов керамики. У кизил-кобинских черепков — черная поверхность, и они нередко подлощены; у архаической керамики — желтое и более рыхлое тесто. Наиболее показательна находка острого днища сосуда (рис. 13—12), такого же, как на стоянке Ат-баш. Среди черепков с таким же, как у фрагмента днища составом теста, есть орнаментированные рядами неглубоких ямок и прочерченными линиями (рис. 13—7—13). Ближайшую аналогию этой керамике можно найти в неолитическом слое стоянки Таш-аир и в поселении сурской группы на Днестре.

Стоянка в балке Кая-арасы — первое раскопанное открытое неолитическое поселение вне Яйлы. Интерес его заключается не только в совместном нахождении микролитов и керамики, но и в том, что здесь сохранились кости животных, разрушившиеся на яйлинских стоянках. Правда, сильная фрагментированность костей затрудняет их определение. По мнению В. И. Цалкина, в материале, бесспорно, представлены кости благородного оленя и косули (по 1 особи) и свиньи, скорее всего домашней (3 особи). Неопределимы кости крупного полорогого животного (2 особи) и среднего размера полорогого (3 особи); последние, вероятнее всего, принадлежали мелкому рогатому скоту.

⁷ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954.

⁸ Коллекция Музея антропологии МГУ (раскопки О. Н. Бадера).

⁹ См. табл. II в статье А. А. Формозова «Изучение микролитических культур в СССР». «Каогу сюэбао», X, 1955 (на китайском яз.).

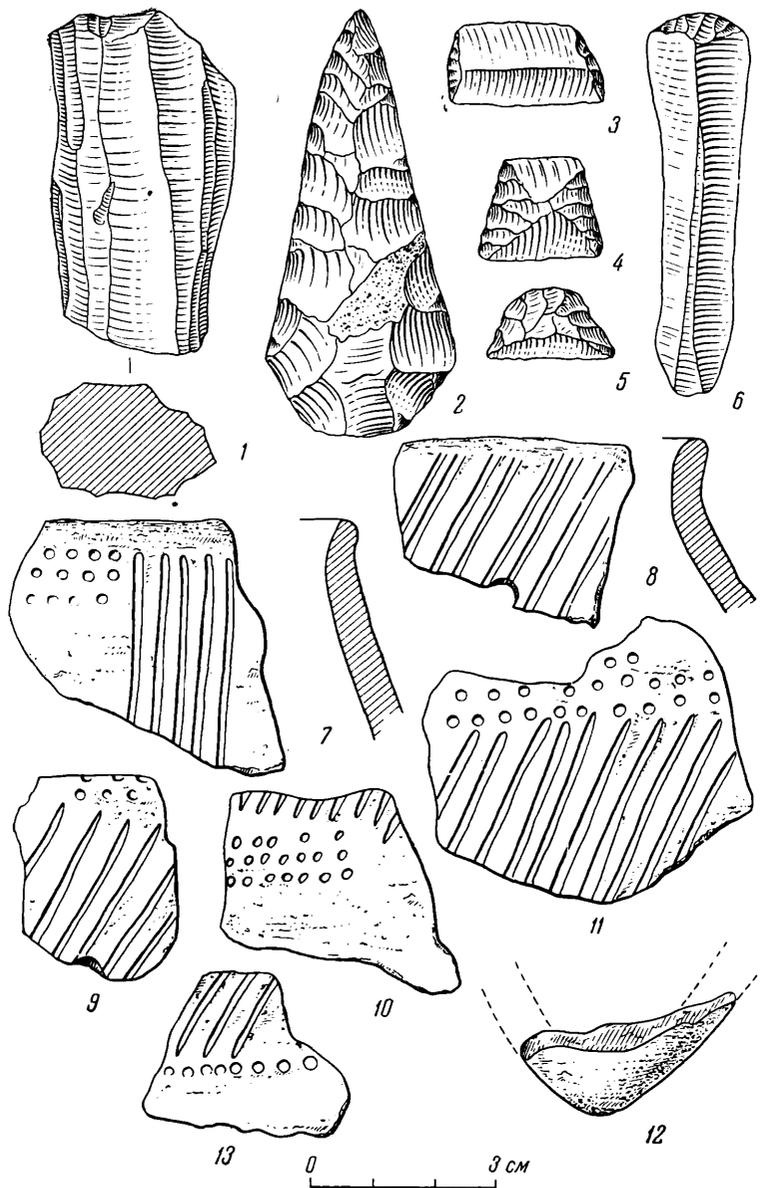

Рис. 13. Находки на стоянке в балке Кая-арасы.

1-6 — кремневый инвентарь; 7-13 — керамика.

Третьим районом работ экспедиции был Керченский полуостров. Археологические исследования в этом районе ведутся более 150 лет, но до недавнего времени памятники первобытной культуры не привлекали внимания исследователей. Только в самые последние годы разведки И. Т. Кругликовой и В. В. Веселова показали, что полуостров богат стоянками эпохи бронзы (катакомбного типа) и не лишен находок кремневых изделий. В. В. Веселовым отмечено до десятка пунктов таких находок в районе Керчи¹⁰. И. Т. Кругликова и Д. Б. Шелов в 1954 г. обнаружили кремневые орудия под средневековыми слоями в районе с. Алексевка. Среди орудий — ножевидные пластины, трапеции и микроскрепки. Нако-

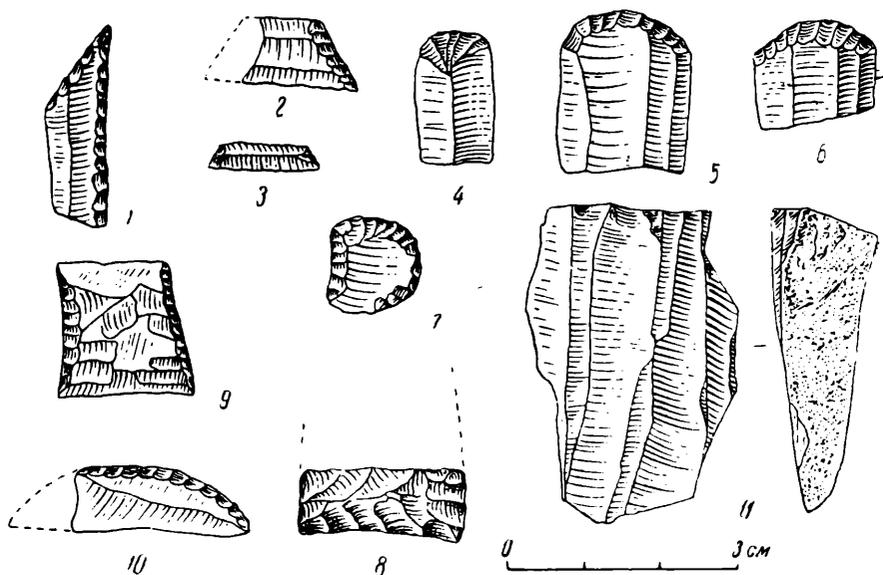

Рис. 14. Кремневые изделия с неолитических стоянок на Керченском полуострове.

1—8 — Кой-асан; 9, 10 — Черная балка; 11 — Фронтное.

нец, аналогичные находки встречены в 1954 г. А. А. Щепинским близ сс. Тасуново, Луговое и Фронтное.

Необходимо было осмотреть эти пункты, а также и ранее известные, расположенные западнее (Кой-асан, Черная и Песчаная балки)¹¹, для того, чтобы составить представление о микролитических стоянках степного Крыма. Исследуя локальные варианты культуры эпохи мезолита и изучая более поздние микролитические культуры, мы всегда сталкиваемся с вопросом о том, что отражают эти варианты¹². Можно ли говорить об отражении в них этнических различий, или это различия, обусловленные природной средой?

Мы можем выделить в разных районах Крыма 3 группы памятников: 1) пещерные стоянки, расположенные в долинах второй гряды Крымских гор; неолитические материалы представлены тут в верхних слоях Таш-

¹⁰ В. В. Веселов. Следы древнего человека догреческой колонизации на Керченском полуострове. Рукопись в архиве Керченского историко-археологического музея.

¹¹ П. Н. Заболоцкий. Очерки доисторического прошлого Крыма. «Краеведческий сборник», № 1, Феодосия, 1930.

¹² А. А. Формозов. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР. Автореферат диссертации. М., 1954; его же. Изучение микролитических культур...

айра, Алимовского навеса, Шан-кобы, в Зуе I и т. д.; 2) открытые стоянки Яйлы — плато первой гряды Крымских гор; 3) степные стоянки. Сопоставление материалов из верхних слоев пещерных стоянок с материалами стоянок Яйлы не позволило проследить какие-либо отличия в инвентаре. Тот же вывод должны мы сделать теперь и в отношении степных стоянок Крыма.

Обследованные пункты дали типичный поздний микролитический инвентарь, содержащий трапеции, большое число микропластин, концевые скребки на пластинах и округлые — на отщепках (рис. 14). Вместе с этими орудиями тарденуазского облика, как и на Яйле, закономерно встречаются неолитические изделия: двусторонне обработанные наконечники стрел (Черная балка¹³, Кой-асан¹⁴), фрагменты лепной посуды (Фронтное, Луговое, Песчаная балка). Встречены здесь и те типы изделий из кремня, которые характеризуют крымский неолит и не встречаются в тарденуазе. Это скребки с суженными рабочими концами (Фронтное), трапеции со струганой спинкой (Черная балка), сегменты с вершиной, обработанной плоской ретушью (Тасуново), плоские нуклеусы (Фронтное). Последние две формы не встречаются на неолитических стоянках степной Украины; отсутствуют там и обычные сегменты, найденные на Черной балке и в Тасунове.

Таким образом, микролитические стоянки степного Крыма тождественны по культуре стоянкам горного Крыма эпохи неолита, но не степным украинским. Это наблюдение не позволяет связывать отличие крымских неолитических стоянок от стоянок Приазовья с различиями в природной обстановке. Подтверждается, следовательно, предположение об этнических различиях носителей крымской неолитической культуры и обитателей степей Северного Причерноморья.

Что касается топографии степных крымских стоянок, то следует отметить, что они связаны с мелкими речками и ручьями, причем в ряде случаев находки сделаны довольно высоко над их руслом (Фронтное — 20 м, Тасуново — 15 м). Стоянки на Черной и Песчаной балках расположены вдали от источников воды. Видимо, все эти обстоятельства объясняются обмелением крымских рек в недавнее историческое время. О многоводности же их в более ранние эпохи свидетельствуют многочисленные палеозоологические данные¹⁵.

Подводя итоги пяти сезонам работ Крымской палеолитической экспедиции, можно сказать, что эти работы внесли много нового в наши представления о мустьерской эпохе и о неолите в Крыму. Но, к сожалению, нам не удалось сделать что-либо в области исследования верхнего палеолита Крыма, о котором, после раскопок К. С. Мережковского и Г. А. Бонч-Осмоловского в Сюрени I, никем из их продолжателей не было получено новых материалов.

В дальнейшем необходимо провести специальные поиски позднепалеолитических стоянок в Крыму, чтобы эпоха верхнего палеолита в этом районе характеризовалась не по одной стоянке, а по десятку памятников, как характеризуются сейчас мустье, мезолит и неолит Крыма.

¹³ П. Н. Заболотский. Указ. соч., стр. 78.

¹⁴ Коллекция сборов Т. Ф. Гелаха из Кой-асана, хранящаяся в Львовском историческом музее.

¹⁵ В. И. Цалкин. Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 11.

А. П. ЧЕРНЫШ

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ МОЛОДОВА V в 1955 году¹

Проблема хронологии позднего палеолита в советской исторической науке является одной из наиболее актуальных. Основой для ее решения могут быть лишь стратиграфические данные многослойных памятников. На территории Европейской части СССР за последнее время исследовано несколько таких стоянок (Костенки I, Костенки IV, Тельманская и др.).

Для понимания закономерностей развития хозяйства и культуры позднепалеолитического времени интересна многослойная стоянка Молодова V на правом берегу Днестра у с. Молодова, Кельменецкого района, Черновицкой области УССР. Во время трехлетних исследований² (1951, 1953, 1954 гг.) здесь открыты остатки 11 разновременных стоябищ, находившиеся в суглинках, на глубине от 0,4 до 5 м³. В 1955 г. изучение этого памятника продолжено, и размеры исследованной площади достигли 550 кв. м⁴. При работах получены новые стратиграфические данные; открыты остатки еще одного палеолитического стоябища, находившегося на большей глубине по сравнению с ранее известными (9,5—9,7 м).

В контрольном шурфе в юго-западном углу раскопа в 1955 г. зафиксировано следующее чередование слоев: 1) 0—3,3 м — светло-желтый лёссовидный известковистый суглинок, 2) 3,3—3,7 м — коричневый суглинок, 3) 3,7—4,2 м — светло-желтый лёссовидный суглинок, 4) 4,2—4,9 м — коричневый суглинок, 5) 4,9—5,45 м — светло-желтый лёссовидный суглинок, 6) 5,45—5,7 м — коричневый суглинок со светлой прослойкой, 7) 5,7—6,1 м — светло-желтый лёссовидный суглинок, 8) 6,1—7,0 м — коричневый суглинок, 9) 7,0—8,1 м — светло-желтый лёссовидный суглинок, 10) 8,1—8,2 м — «сажистая» прослойка, 11) 8,2—9,75 — серо-коричневый суглинок, 12) 9,75—12,4 м — коричневатый суглинок, 13) 12,4—13,2 — песчанистый коричневатый суглинок, 14) 13,2—14 м — коричневый суглинок. Эти напластования соответственно рельефу поверхности мыса, на котором расположена стоянка, последовательно понижаются в северном и восточном направлениях.

Наиболее глубокий горизонт культурных остатков, 11-й, открыт на глубине 9,5—9,7 м в серо-коричневых суглинках с ржавыми пятнами.

¹ Доклад на секции палеолита Пленума ИИМК 5 апреля 1956 г.

² Проведены Днестровской экспедицией Института общественных наук Львовского филиала Академии наук УССР.

³ А. П. Черныш. Многослойная стоянка Молодова V. КСИИМК, вып. 67, 1957.

⁴ Днестровская экспедиция 1955 г. работала в следующем составе: начальник экспедиции — А. П. Черныш, научные сотрудники В. П. Савич, Е. К. Черныш, чертежник В. И. Шелепец, фотограф Ю. Е. Дорош. Геологические условия залегания, как и в 1954 г., изучались И. К. Ивановой (Комиссия по изучению четвертичного периода Академии наук СССР).

В этом горизонте, который прослежен на площади контрольных траншей, встречены обломки костей мамонта (лопатка, ребра), остатки угля и кремневые изделия: 2 обломка нуклеусов, 18 пластин и отщепов леваллуазского облика. На некоторых отщепах заметны крупные ударные бугорки, следы сколов с дисковидных нуклеусов, подправка краев ударных площадок.

Горизонты 10, 9 и 8-й исследованы на площади 75 кв. м. В 10-м горизонте (глубина — 4,5—4,9 м) встречено незначительное количество обломков костей, кремневых изделий и прослежены остатки плохо сохранившихся 4 очажных пятен. В 9-м горизонте (глубина — 4,2—4,4 м) обнаружено немного отдельных находок, а в 8-м (глубина — 3,75—3,9 м) прослежены остатки плохо сохранившихся кострищ и очень незначительное количество материалов. Это свидетельствует, что исследованная площадь являлась периферией ранее изученных стоябищ.

Иная картина наблюдалась в 7-м горизонте (глубина — 3,4—3,6 м по уровню юго-западного угла раскопа Б), который исследован на площади 150 кв. м. Здесь отмечено интенсивное скопление кремневых изделий, обломков костей, орудий, остатков краски и т. д., занимавшее площадь размером 18 × 8 м; глубина залегания находок по краям — 20—25 см и в центре — 10—15 см. Это пятно распространялось и в неисследованную часть стоянки. В пределах его открыты остатки 7 кострищ — лунок, заполненных черной зольной массой; собрано около 11 тыс. кремневых изделий и большое количество обломков костей. В центральных квадратах пятна на 1 кв. м зарегистрировано 250—300 находок. На исследованной площади находки локализовались в пределах этого пятна, а вне его встречались в небольшом количестве вокруг остатков кострищ. На некоторых участках вообще не было находок.

Наиболее многочисленны среди материалов в 7-м горизонте кремневые изделия. Здесь собрано 300 нуклеусов, отбросы производства, 3029 пластин, отбойники, 150 резцов (угловых, срединных, билатеральных, нуклевидных, боковых, двойных, тройных, супоневского типа), 107 скребков (одинарных с полукруглым рабочим краем, с прямым рабочим краем, двойных, с суживающимся рабочим краем), пластины с краевой ретушью, резцы-скребки, резец-проколка, резцы-скобели, острия, поделки типа наконечников с боковой выемкой, пластины с притупленным краем, 29 игольчатых острий, пластины с отретушированными зубчиками (рис. 15). Кроме того, встречены 3 дисковидных орудия, орудие типа остроконечника, трапециевидное острие и обломок нижней части пластины со следами двусторонней обработки плоской ретушью.

На площади, занятой скоплением находок, найдены интересные поделки из кости и рога. Среди них мы отметим 5 «жезлов начальников» из рогов северного оленя, причем, один — с рельефным изображением человеческой фигуры⁵; крупное с коленчатой рукояткой мотыгообразное орудие из оленьего рога (рис. 16); ложило из ребра; 4 обломка наконечников копий и дротиков из бивня мамонта и т. д. Эти находки свидетельствуют о высокой технике обработки кости и рога.

Среди каменных поделок отметим ретушеры из сланца, терки и песты из песчаника (54 экз.), обломки плиток сланца со следами шлифования и разрезывания. Последние находки — показатели существования в позднем палеолите зачатков техники шлифования и распиливания мягких пород камня. Серия аналогичных поделок из камня обнаружена А. Н. Рогачевым на стоянке Костенки IV⁶.

⁵ А. П. Черныш. Новое изображение человека позднепалеолитического времени. КСИИМК, вып. 67, 1957.

⁶ А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. МИА, № 45, 1955.

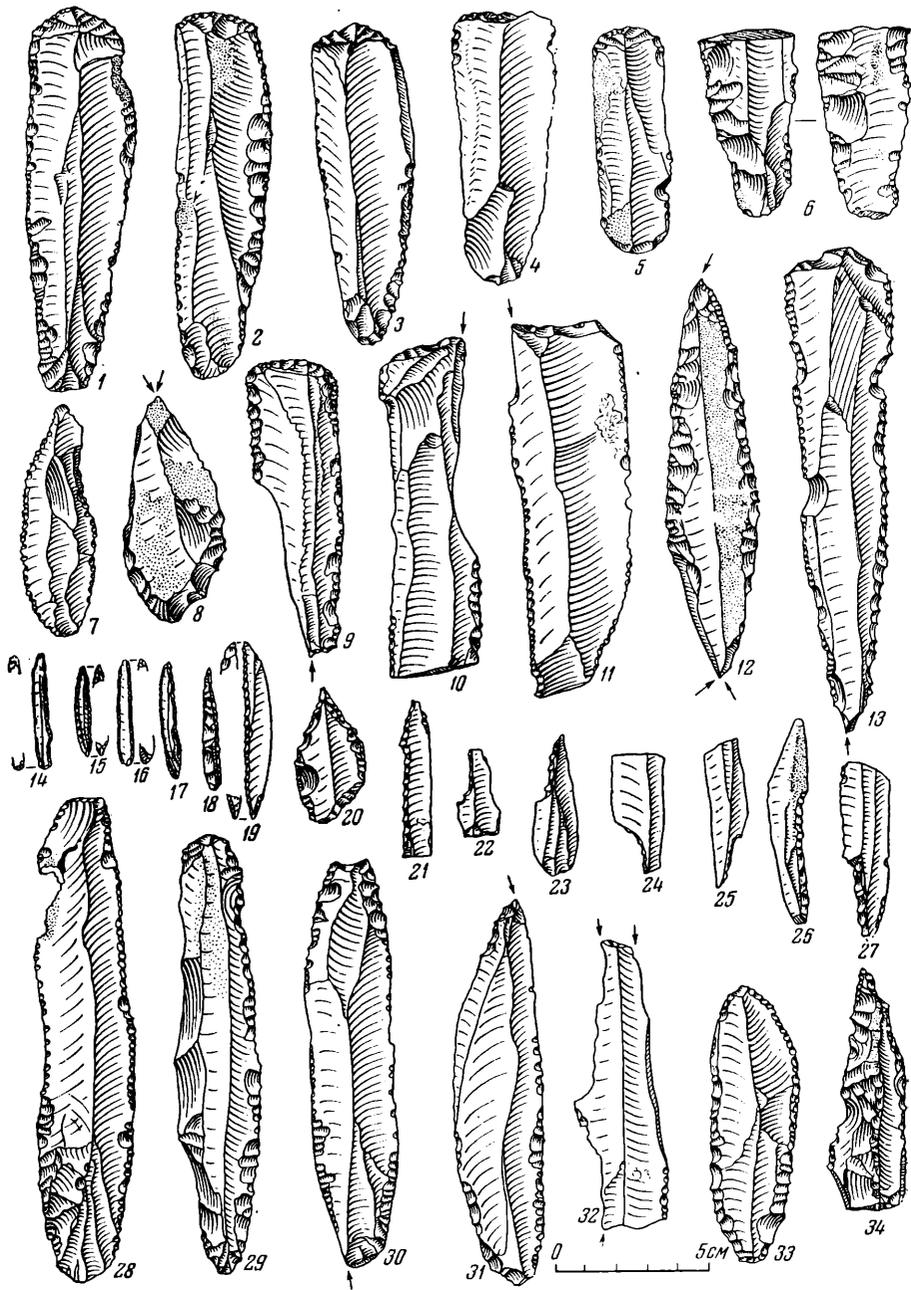

Рис. 15. Кремневые поделки из 7-го горизонта стоянки Молодова V.

1—5 — скребки; 6 — фрагмент пластины со следами двусторонней обработки; 7 — пластина с отретушированными зубцами; 8 — резец-острие; 9, 13 — резцы-скребки; 10—12, 31, 32 — резцы; 14—19 — игольчатые острья; 20 — трапециевидное острье; 21—27 — поделки с боковыми выемками; 28 — ножевидное орудие; 29 — скребок-острие; 30 — резец-скобель; 33 — острье; 34 — проколка.

Кроме этого, встречены остатки красной и желтой краски (окись железа и охра).

В 7-м горизонте найдены также кости разнообразных видов животных, на которых охотились обитатели стойбища⁷: 1) северный олень *Rangifer tarandus* (от 5 особей), 2) лошадь *Equus caballus* (от 4 особей), 3) носорог *Rhinoceros antiquitatis* (от 1 особи), 4) слон *Elephas sp.* (от 1 особи), 5) бык *Bos sp.* (от 1 особи), 6) олень *Cervus sp.* (от 1 особи), 7) благородный олень *Cervus elaphus* (от 1 особи), 8) волк (?) *Canis sp.* (от

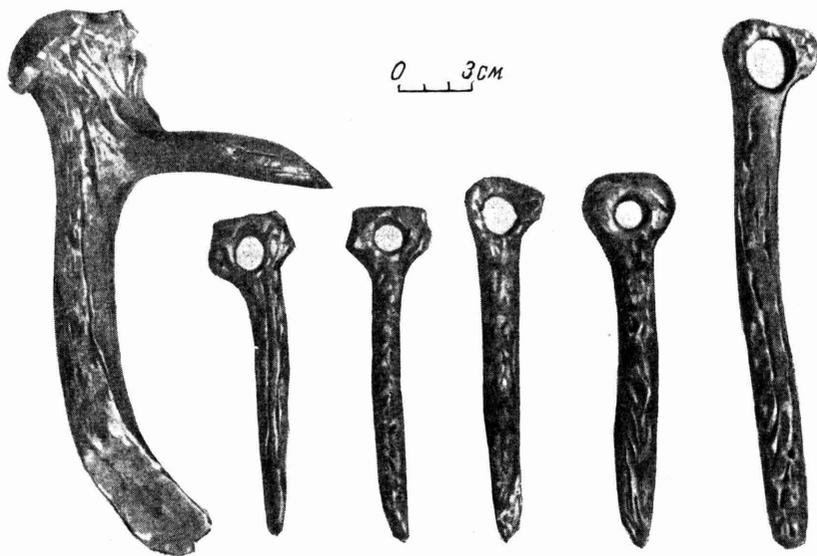

Рис. 16. Мотыгообразное орудие из рога благородного оленя и 5 «жезлов начальников» из 7-го горизонта стоянки Молодова V.

1 особи), 9) песец *Vulpes lagopus* (от 1 особи), 10) заяц *Lepus sp.* (от 1 особи), 11) птица *Aves* (от 1 особи).

Таким образом, основными видами охотничьей добычи были северный олень и лошадь.

Собранный в 7-м горизонте кремневый инвентарь, включающий острия, поделки типа наконечников с боковой выемкой, орудия на пластинах с краевой ретушью, — позволяет отнести этот горизонт ко времени группы позднепалеолитических памятников типа Костенки I (верхний слой), Гагарино, Боршево I, Пушкари I и т. д., датирующихся, как известно, концом салютрейского времени.

Интересно отметить, что в Чехословакии в последние годы исследованы стоянки, аналогичные 7-му горизонту Молодова V, в которых встречены мелкие поделки типа наконечников с боковыми выемками (Петржиковице и Павлов)⁸. На стоянке Павлов встречено крупное мотыгообразное орудие с коленчатой рукояткой, аналогичное описанному выше. Чешские исследователи относят эти памятники к стоянкам типа Граветт. Данные, полученные при работах в Молодове V, позволяют заключить, что стоянки

⁷ Определение Э. А. Вангенгейм.

⁸ В. Клим а. Pavlow, nove paleolitické sídlíste na jižní Moravě. Archeologické rozhledy sesit C. Praha, 1954; его же. Výsledky archeologického výzkumu na táborech lovců mamutu v Petrkovících, okr. Ostrava v roce 1952 a 1953 Časopis Slezského Musea IV. Opava, 1955.

с таким инвентарем не позднериньякские, перекрывающие солютрейские (селетские), а позднесолютрейские, закономерно вырастающие из более ранних стоянок, характеризующихся наличием в инвентаре наконечников с двусторонней обработкой плоской ретушью. В этом отношении большое стратиграфическое значение имеет также стоянка Костенки I, в нижнем слое которой встречены наконечники с двусторонней обработкой плоской ретушью, а в верхнем — наконечники с боковой выемкой.

В 1955 г. 6-й горизонт на исследованном участке не был прослежен; 5-й горизонт (глубина — 2,05—2,2 м), материалы которого, по данным исследований прошлых лет, можно было отнести к среднемадленскому времени, содержал малое количество находок (нуклеусы, резцы, двойной скребок, пластина с притупленным краем, отщепы, обломки, пластины, 3 терки из песчаника), которые концентрировались вокруг остатков небольшого (85 × 60 см) овального кострища. Кроме кремневого инвентаря, обнаружены обломки костей животных — северного оленя, мамонта и лошади, а также косточки птицы.

Четвертый горизонт (глубина — 1,85—2 м), который, как 6 и 5-й, исследовался на площади 75 кв. м, прослежен в виде слабо выраженного пятна скопления находок вокруг остатков 2 очажных пятен размером 1,14 × 0,6 и 1,1 × 0,78 м. Кремневые находки состояли из нуклеусов, пластин, отбросов, резцов (угловых, боковых, срединных, двойных), небольших пластин со следами ретуши, скребков-резцов, скребков, обломка небольшого острья. Кремневые орудия изготовлялись из мелового и галечного кремня.

Среди поделок из кости и рога отметим стержень из бивня мамонта, рог северного оленя с продольным желобком от разрезывания, проколку, фрагмент проколки. Кроме того, обнаружены обломки плиток песчаника и сланца, а также 10 терок из песчаника округлой и овальной формы.

Фауна 4-го горизонта: северный олень (4 особи), мамонт и лошадь (по 1 особи).

Материалы 4-го горизонта аналогичны материалам исследований прошлых лет, что позволяет отнести этот горизонт к позднемадленскому времени.

Третий горизонт (глубина — 1,6—1,8 м) в 1955 г. исследовался на площади 175 кв. м. Обнаружено 2 пятна скопления находок с остатками кострищ в пределах этих пятен. Первое — овальное по форме, размером 3,5 × 3,2 м; в пределах его прослеживалась темная окраска суглинка на глубину 5—10 см. В центре пятна находилось овальное кострище (1,2 × 1,1 м) с глубиной лунки 7 см. Второе пятно (размером 4,3 × 3,6 м) — также с темной окраской суглинка. Толщина темной полоски — 3—4 см. Здесь прослежено кострище (1,2 × 1,1 м). Глубина его лунки — 2—10 см; края пологие. Кострище было заполнено черной зольной массой. Эти 2 скопления находок, по-видимому, являются остатками легких шалашеобразных жилых сооружений.

Небольшое скопление находок обнаружено вокруг расположенного отдельно кострища (размерами 0,9 × 0,8 м); толщина линзы кострища — 10 см. Южнее был встречен обломок наконечника из бивня.

Кремневый инвентарь 3-го горизонта, собранный в количестве около 1200 экземпляров, состоит из небольших нуклеусов размерами по 40—50 мм, тонких небольших пластин, резцов (угловых, срединных, боковых, двойных, супоневского типа, тройных, плоских, билатеральных, нуклеовидных), скребков (среди них один — двойной на отщепе), резца-скребка, пластины со скошенным краем, пластин с мелкой ретушью по краю. Встречены также поделки из камня: 15 терок овальной и округлой формы шириной от 45 до 145 мм; 29 обломков плиток сланца и песчаника.

Среди поделок из кости и рога отметим обломок тонкого стержня из бивня мамонта, фрагмент проколки из бивня, обломок сделанного из бивня наконечника с прорезьями, обломки 2 стержней, мотыгообразное орудие из рога оленя и схематизированную антропоморфную статуэтку из бивня (размер $95 \times 15 \times 15$ мм), в форме конического стержня.

Фауна 3-го горизонта: северный олень (остатки 4 особей), мамонт (от 1 особи), лошадь (от 2 особей), олень неуточненного вида (от 1 особи), бык (от 1 особи), песец (найден зуб), заяц (от 1 особи).

Собранный кремневый инвентарь характеризуется короткими скребками, небольшими боковыми, угловыми, срединными резцами, небольшими нуклеусами и пластинами, что позволяет отнести стоябище 3-го горизонта к позднемадленскому времени.

Второй горизонт (глубина — 1,2—1,4 м) прослежен в виде небольшого количества разрозненных находок. Обнаружено кострище размерами $1,2 \times 0,65$ м с глубиной лунки в 6 см. В кострище находилась черная зольная масса. Очажное пятно было окружено обломками костей.

Кремневый инвентарь 2-го горизонта состоит из 14 небольших нуклеусов, 2 отбойников, пластин и обломков пластин, отбросов, небольших скребков на пластинах и отщепов, резцов на пластинах и кремневом сколе (двойных, боковых, тройного, срединных и билатерального), обломка пластины со следами ретуши и подтеской по брюшку. В этом горизонте встречены также обломки камней (15 экземпляров) и 4 терки из песчаника. Поделок из кости не было.

Фауна 2-го горизонта: северный олень (остатки 4 особей), бык мелкой породы (от 1 особи), лошадь (от 1 особи), лось (от 1 особи). Во 2-м горизонте, как и в предшествующие годы, среди фауны не было встречено остатков мамонта.

Собранный инвентарь аналогичен материалам из раскопок предшествующих лет, относящимся к концу мадленского времени.

Выше, в горизонте 1а (глубина 0,9—1,1 м) находилось стоябище горизонта 1а. На исследованной площади наблюдалось 4 скопления находок вокруг остатков кострищ. Первое пятно — 4×6 м, овальной формы. В центре его находилось кострище — $1,8 \times 0,65$ м с лункой глубиной 12 см и кострище — $1 \times 0,8$ м с лункой глубиной 7 см. Очажные пятна были заполнены черной зольной почвой. Во втором пятне ($3,8 \times 2,8$ м) наблюдалось кострище величиной $1,5 \times 1,2$ м с лункой глубиной 9 см. На площади третьего пятна (4×4 м) зафиксированы остатки 2 очажных пятен: первого — $1 \times 0,6$ м с лункой глубиной 8 см и второго — $1,3 \times 0,6$ м с лункой глубиной 15 см. Четвертое скопление находок прослежено вокруг овального очажного пятна размерами $1,25 \times 0,8$ м с лункой глубиной 10 см.

Культурные остатки локализовались преимущественно в пределах пятен скоплений находок, а на остальной площади лишь иногда встречались отдельные предметы. В пределах пятен на 1 кв. м площади зафиксировано до 300—400 находок. Как и в предшествующих горизонтах, эти скопления раздробленных костей животных, кремневых обломков и орудий, кусочков краски, камней и т. д., видимо, являлись остатками шалашеобразных наземных жилищ. Наличие обломков кремня и отщепов свидетельствует, что на этих участках изготовлялись кремневые орудия.

В горизонте 1а обнаружено около 4000 кремневых находок, в том числе 50 нуклеусов, 1100 пластин, 74 резца (угловые, срединные, боковые, двойные, нуклевидные, тройные, билатеральные), 17 скребков, 20 пластин с притупленным краем, орудия со скошенным краем, пластины с боковыми выемками, проколки, скребки-резцы, скребок-проколка (рис. 17—25—43). Особенностью кремневого инвентаря являются небольшие размеры поделок и значительное количество орудий на отщепов и обломках (около 50%). Среди других категорий материалов отметим куски камня, 8 терок

из песчаника и обломок рога (молодого оленя) со следами продольного разрезывания.

Фауна горизонта 1а: северный олень (много), лошадь (остатки 3 особей), олень неуточненного вида (от 1 особи), волк (от 1 особи), птица (от 1 особи). Кроме того, найдено несколько зубов носорога.

Стойбища горизонта 1а можно датировать началом эпохи мезолита. Об этом свидетельствуют мелкие кремневые поделки, наличие пластин с боковыми выемками, резцов с дугообразно отретушированными краями, мелких пластин со скошенными краями, небольших скребков на отщепках и пластинах, большого количества орудий на отщепках. В этом горизонте в предшествующем году был обнаружен плоский, с отверстием в нижнем конце гарпун из рога благородного оленя⁹.

В 1-м горизонте (глубина — 0,5—0,80 м) прослежены остатки 4 кострищ, вокруг которых концентрировались обломки костей, кремневые находки. Размеры первого кострища — 1,2 × 0,8 м, глубина лунки — 15 см; второго — 0,7 × 0,6 м, глубина лунки — 8 см; третьего — 1,05 × 1,3 м, глубина лунки — 15—20 см; четвертого — 56 × 85 см; глубина лунки — 5—8 см. Блюдцеобразные лунки были заполнены черной зольной массой. Остатки кострищ наблюдались на площади овального (7 × 6 м) пятна скопления находок, за пределами которого встречались лишь отдельные предметы.

Здесь обнаружено около 1300 кремневых орудий и отходов их производства: 54 нуклеуса, 265 пластин, 75 резцов (угловых, боковых, двойных, срединных, билатеральных, тройных), скребки на пластинах и отщепках, пластины со следами ретуши, скребки-резцы, проколки, удлиненное сегментообразное орудие (рис. 17 — 1—24).

Кремневые орудия изготовлялись из того же сырья, что и в предшествующих горизонтах, — из мелового и галечного кремня. Среди находок преобладают небольшие нуклеусы (33 нуклеуса — менее 50 мм), небольшие пластины и прослежено больше, чем в предшествующем горизонте, орудий на отщепках и обломках — 75%. Эта черта, как известно, — одна из специфичных для мезолитических памятников особенностей.

В числе поделок из кости и рога отметим рог оленя, орнаментированный тонкими параллельными кольцевыми нарезками, олений рог с обрезанным концом. Здесь также были встречены остатки краски, терки и камни.

Фауна 1-го горизонта: северный олень (от 9 особей), лошадь (много), лось (от 1 особи), олень неуточненного вида (от 1 особи). Для этого горизонта, как и для предыдущего, характерны находки обломков рогов молодых оленей.

Кремневый инвентарь состоит из небольших нуклеусов и пластин: преобладают орудия на отщепках и обломках; встречаются узкие скребки с притупленными краями, скребки на миниатюрных пластинах, сегментообразные поделки. Эти особенности, а также стратиграфическое положение горизонта по сравнению с горизонтом, где найден плоский гарпун, — позволяют отнести 1-й горизонт к ранней поре мезолита.

Таким образом, в результате исследований 1955 г. получено много новых данных для характеристики остатков разновременных охотничьих стойбищ позднепалеолитического и мезолитического времени, находившихся на мысу правого берега Днестра у с. Молодова. Выяснено, что остатки стойбищ не всегда располагались на одних и тех же участках мыса.

Исследования 1955 г. показали, что на стоянке существовали поселения различного характера: более продолжительные и кратковременные.

⁹ А. П. Черныш. Новые находки из раскопок стоянки Молодова V на Днестре. КСИИМК, вып. 63, 1956.

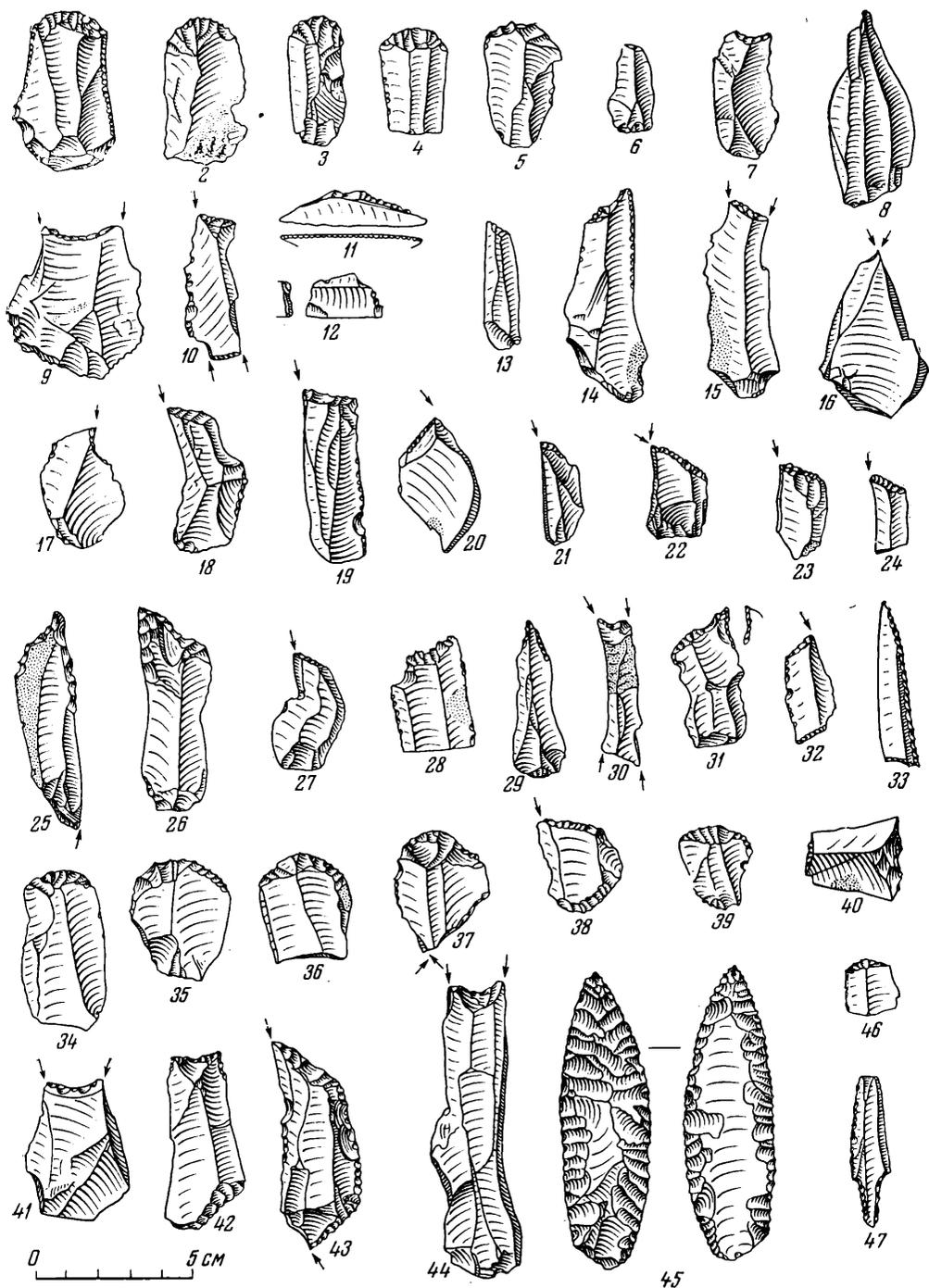

Рис. 17. Кремневые поделки из верхних горизонтов стоянки Молодова V и стоянки Оселивка.

1—6, 33—36, 39, 46 — скребки; 7 — выемчатый скребок; 8, 29 — проколки; 9, 10, 15—24, 27, 30, 32, 41, 43, 44 — резцы; 11 — сегментообразное орудие; 12 — пластина с отретушированными основанием и вершиной; 13, 14 — пластины со скошенным краем; 25 — резец-проковка; 26, 31 — угловые проколки; 28 — скобель; 37, 38 — резцы-скребки; 40 — трапециевидное орудие; 42 — выемчатый скребок; 45 — наконечник дротика; 47 — наконечник стрелы (1—24 — из 1-го горизонта стоянки Молодова V; 25—43 — из горизонта 1а стоянки Молодова V; 44—47 — подъемные находки 1955 г. со стоянки Оселивка).

Раскопки дают возможность говорить о высоком уровне техники обработки кости и рога на Поднестровье. Собранные находки свидетельствуют о постепенном усовершенствовании обработки кремня, кости и рога, о постепенном исчезновении в технике изготовления орудий, особенностей, свойственных нижним горизонтам стоянки, и появлении новых черт, характерных для более поздних периодов. Материалы стоянки удостоверяют развитие вкладышевой техники в конце палеолита и возникновение свойственных раннему мезолиту особенностей, которые в этом районе заключаются в увеличении количества орудий на отщепах и обломках, появлении миниатюрных скребков на пластинах и отщепах, узких скребков с притупленными краями, остриёв со скошенными краями и гарпунов с отверстием на нижнем конце.

Необходимо отметить, что одновременно в составе охотничьей добычи этого времени увеличилось количество остатков северного оленя, который в верхних горизонтах стоянки резко преобладает среди других видов.

Материалы многослойной стоянки Молодова V имеют много общего с материалами памятников других районов приледниковой зоны и особенно со стоянками Центральной Европы. Это свидетельствует о сходности культуры позднего палеолита в рассматриваемой зоне.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ВАЛУКИНСКОГО
(КОСТЕНКИ XIX) в 1956 году

Как известно, подавляющее большинство Костенковско-Боршевских палеолитических поселений связано с отложениями второй надпойменной террасы Дона; к первой относятся Боршево II, Костенки IV и Костенки III. В 1956 г. нам удалось открыть еще одно палеолитическое поселение, связанное с отложениями первой надпойменной террасы правого берега Дона. Оно названо нами, в память выдающегося исследователя археологических памятников Воронежской области Николая Васильевича Валукинского, стоянкой Валукинского (Костенки XIX).

Стоянка расположена к северу от большинства известных до сих пор Костенковских палеолитических поселений, у северной окраины с. Костенки, всего лишь в 200 м к северо-северо-западу от стоянки Костенки III, раскопывавшейся в 1923 и 1927 гг. П. П. Ефименко и С. Н. Замятниным; от последней она отделена небольшим впадающим в Дон ручьем и приурочена к мысу, образованному долинами ручья и Дона. Открыть стоянку удалось главным образом благодаря содействию костенковской колхозницы А. А. Багно, сообщившей в сельсовет о найденных ею костях мамонта. Костенковским палеолитическим отрядом ИИМК в 1956 г. здесь было вскрыто одним раскопом, вытянутым вдоль берега Дона, 132 кв. м¹.

М. Н. Грищенко, побывавший на месте раскопок, следующим образом характеризует геологические условия стоянки Валукинского: «Стоянка расположена на первой надпойменной террасе. Поверхность ее несколько повышена по сравнению с местом стоянки Костенки III. В стенке раскопа выступают:

	Г л у б и н а, м
1. Насыпной грунт и почва	0,5
2. Суглинок бурый, известковый, пористый, с крупными конкрециями углекислого кальция и кротовинами, неслойный, местами песчаный	2,0
3. Суглинок бурый, более светлой окраски и более плотный, менее песчаный, по сравнению с суглинком слоя 2	2,5

В этом суглинке (слой 3) залегают палеолитические культурные отложения».

М. Н. Грищенко отмечает, что на стоянке верхняя часть террасы несколько срезана в результате хозяйственных работ недавнего времени. В полном разрезе террасы под почвой следует ввести суглинок, белесый от извести, с кротовинами. Далее идет приведенный разрез (слои 2 и 3).

¹ В раскопках 1956 г., производившихся под руководством автора статьи, принимали участие Н. Д. Прасолов, И. И. Коробков, М. Битири, Ю. В. Горностаева, Н. А. Попова, магистр В. Хмелевский (Лодзь), а также группа студентов-практикантов Ленинградского и Воронежского университетов.

Палеолитический культурный слой стоянки Валукинского залегает на глубине от 1 до 3 м от поверхности², примерно на 6 м выше августовского уровня Дона.

Для культурного слоя характерны очень неравномерное распространение находок и довольно строгая их локализация. Большинство участков содержит мало находок; на 1 кв. м приходится 5—10 костей, не образующих нагромождений, и 2—3 кремня, а порой и меньше. Изредка встречаются крупинки красной охры и угольки. Культурный слой на этих участках не окрашен, не прослеживается по стенкам раскопа в виде окрашенной в красноватый или темный цвет ленты, а представляет собой горизонт залегания отдельных костей и кремней. Поэтому трудно определить его верхнюю и нижнюю поверхность; толщина его, достигающая 20—30 см, складывается из разницы высотных отметок находок, залегающих недалеко друг от друга, но на разных уровнях. Однако рядом с участками, бедными находками, встречены четыре весьма выразительных палеолитических культурных комплекса (рис. 18).

Первый из них, расположенный в северной части раскопа, представлял собой скопление золы и угольков, это пятно было расплывчатым, неправильных очертаний, около 2 м в поперечнике и 3—4 см толщиной. В центре его находилась вырытая в суглинке хорошо выраженная очажная яма, в плане неправильных округлых очертаний, 0,6—0,7 м в поперечнике, около 0,25 м глубиной. Стенки ямы были довольно крутыми; ее верхний край частично даже нависал над дном. На дне располагался ряд выпуклостей, разделенных желобками. Стенки и дно докрасна обожжены, что очень редко наблюдается в палеолитических очагах. Очажная яма доверху заполнена слоем пережженных костей, угольков и золы, имеющим до 0,3 м толщины; в этом заполнении встречен комок обожженного суглинка, достигающий 0,2 м в поперечнике, и, возможно, представлявший часть обвалившегося перекрытия очага. От очажной ямы в северо-западном направлении отходила узкая, глубокая, изогнутая канавка, заполненная той же массой — обломками пережженных костей, угольками, золой. Стенки канавки вертикальные и, в отличие от стенок ямы, не обожжены. Канавка примыкала к одному из желобков, располагавшихся на дне очага. За пределами очага она полого выходила на поверхность. Желобки на дне, вероятно, облегчали приток воздуха к горевшим в яме костям. Сходное явление отмечено П. П. Ефименко в некоторых очагах Костенок I. Воздух мог проникать в закрытый сверху очаг через примыкавшую к нему канавку. Очаг подобного сложного устройства, почти не отмечавшегося ранее в палеолите, вероятнее всего горел не на открытом воздухе, а в каком-то помещении, хотя бы в шалаше.

Второй комплекс располагался в 4 м к юго-юго-западу от первого. Это такое же скопление золы и угольков, расплывчатых, неправильных очертаний, но без четко выраженной очажной ямы в центре, вытянутое в направлении с севера на юг и достигавшее в поперечнике 4 и 2 м и до 4 см толщины. В юго-западной части дно его несколько углублялось наподобие линзы или блюда; верхняя поверхность тоже становилась вогнутой, а мощность углистого слоя достигала 10 см. В этой же юго-западной части под углистыми наслоениями расчищено 5 ямок размером до 30 см в поперечнике и 10—20 см глубиной. Они были заполнены золой, угольками, чешуйками кремня, а в некоторых ямках вертикально располагались необожженные кости, прислоненные к стенкам. Вероятно, ямки служили для запекания пищи.

² Культурный слой залегает в общем в горизонтальной плоскости, лишь незначительно опускаясь по направлению к реке. Большая же разница приводимых нами цифр глубин объясняется тем, что стоянка расположена на довольно крутом современном склоне.

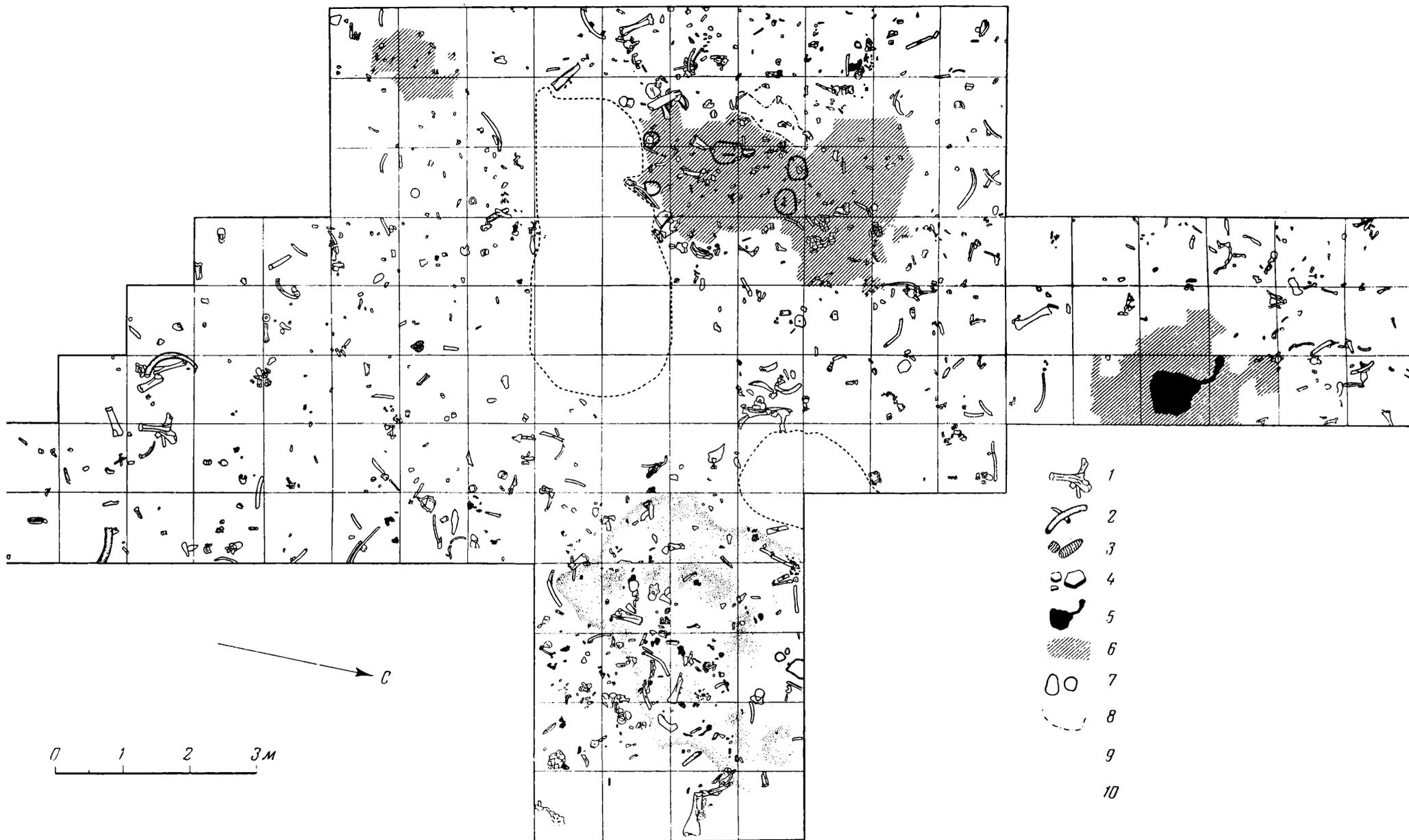

Рис. 18. Стоянка Валукинского (Костенки XIX). План раскопа 1956 г.

1 — кости животных; 2 — бивни мамонта; 3 — зубы мамонта; 4 — камни; 5 — очажная яма в первом комплексе; 6 — углистые скопления (первый, второй и третий комплексы); 7 — ямки (второй комплекс); 8 — скопление охры (второй комплекс); 9 — место обработки кремня (четвертый комплекс); 10 — современные хозяйственные ямы.

Характерно в этом комплексе обилие красной охры и расколотых кремней. С 8 кв. м его площади собрано около 1000 кремней; преобладает черный меловой непатинизированный и непережженный кремль. Встречались большие куски песчаника и кварцита. За юго-западным краем скопления располагалось несколько вертикально врытых в суглинок костей конечностей мамонта, образовывавших элемент какой-то конструкции; верхними концами кости были слегка наклонены по направлению к центру костра.

Третье углистое скопление располагалось в 3 м к югу от второго; оно также было неправильных, расплывчатых очертаний, но гораздо слабее выражено, чем первые два. Это скопление имело около 1 м в поперечнике, до 1 см толщины и почти не содержало кремней.

Четвертый комплекс раскрыт в восточной части раскопа, в 4 м к востоку от второго углистого скопления. Это было место раскалывания и обработки кремня. Здесь на площади около 11 кв. м залегало свыше 12 тыс. кремней [на один метровый квадрат (№ 110) приходилось 3500 кремней!]. Преобладал цветной валунный кремль местного происхождения. Основную массу составляли отщепы, осколки и чешуйки, но было найдено также свыше 100 краевых отщепов резцов, 13 нуклеусов и около 30 орудий; типичные отбойники здесь, как и в других частях раскопанной площади, отсутствовали. Несколько кремней пережжено (возможно, огонь использовался для раскалывания желваков). Толщина слоя скопления колеблется в пределах от 10 до 20 см. В нем, как и в предыдущих комплексах, встречаются отдельные кости, главным образом — мамонта.

Место обработки кремня вскрыто не целиком; оно уходило в северную стену раскопа. Строгая локализация находок (тот факт, что рядом с входившими в скопление метровыми квадратами, содержащими по несколько сотен кремней, располагались, уже за пределами скопления, квадраты, где обнаружено по 2—3 кремня) позволяет предполагать, что обработка кремня производилась в каком-то помещении, может быть в шалаше.

Южная часть раскопа площадью свыше 30 кв. м содержала лишь единичные кости и кремни.

Культурный слой на стоянке Валукинского (Костенки XIX) сильно отличается от залегающего в сходных стратиграфических условиях верхнего культурного слоя Боршева II³ строгой локализацией находок и четкой выраженностью скоплений культурных остатков. Стоянка Валукинского гораздо более долговременна, с какими-то жилищами на ее территории. Локализация находок и полное отсутствие на кремнях признаков окатанности дают основание утверждать, что остатки поселения не были сколько-нибудь значительно смещены и перетолжены водами Дона.

В кремневом инвентаре, полученном в результате раскопок 1956 г., насчитывается около 13700 экземпляров: около 1000 приходится на второе скопление, свыше 12 тыс. — на четвертое, а на всю остальную площадь раскопа (свыше 100 кв. м) — лишь около 700 экземпляров⁴. Цветной кремль составляет 94% всего материала; в большинстве своем он светло-желтый, плитчатый, покрыт свежей, невыветренной коркой. В культурном слое встречено много плиток такого кремня; чаще всего они тонкие, мало-пригодные для обработки; этим, вероятно, объясняется очень большое количество мелких чешуек, отщепов и осколков цветного кремня, найденных при раскопках.

³ П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. МИА, № 39, 1953.

⁴ Культурный слой стоянки на площади 8 кв. м поврежден современными хозяйственными ямами. Поэтому мы даем приблизительные цифры количества кремней; точные цифры дезориентировали бы читателя.

В очень небольшом количестве встречается кварцит; темно-серого прозрачного мелового кремня — только 6% (около 800 кремней). Из этого числа приблизительно 650 кремней найдено во втором скоплении, тогда как на 12 тыс. цветных из четвертого скопления приходится только 120 меловых. Таким образом, во втором скоплении — 65% мелового кремня, в четвертом же — 1%.

Обращает на себя внимание то, что весь меловой кремень не патинирован. В отличие от других костенковско-боршевских палеолитических стоянок, здесь много меловых кремней, сохранивших на своей поверхности известковую корку, причем свежую, невыветренную. Следовательно, здесь не только производились вторичная обработка принесенных откуда-то заготовок из мелового кремня и переделка сломанных орудий, но желваки мелового кремня, имевшиеся, видимо, в достаточном количестве, подвергались первичному раскалыванию. Вместе с тем можно высказать предположение, что второе и четвертое скопления несколько разнятся во времени. В тот период, когда образовывалось четвертое скопление, месторождения хорошего мелового кремня не были доступны обитателям стоянки. Иначе нельзя объяснить то, что в четвертом скоплении почти совершенно отсутствует высококачественный меловой кремень и почти все орудия сделаны из тонких, плохих плиток цветного кремня, тогда как во втором меловой преобладает.

Кремневый инвентарь стоянки довольно своеобразен. Больше всего здесь нуклевидных орудий и резцов. Последних собрано 45 экземпляров (рис. 19). Это срединные резцы на пластинах, чаще всего из мелового кремня, и массивные многофасеточные резцы на концах или на углах плиток и осколков главным образом цветного кремня, имеющих неправильные очертания. Боковые резцы отсутствуют. Для резцов стоянки характерны в общем грубость, аморфность, отсутствие устойчивых серий, повторяющих то или другое орудие. Такая же грубость, аморфность типична и для нуклевидных орудий (их около 30 экземпляров). Затруднительно дать обобщенное описание всей их группы. Это куски, плитки и нуклеусы, преимущественно из цветного кремня, превращенные несколькими стесами в нуклевидный многофасеточный резец, в нуклевидный скобель или же в двусторонне отесанное рубящее орудие (рис. 20). К ним примыкает найденное во втором скоплении массивное, отесанное с двух сторон рубящее орудие из кварцита, в точности напоминающее шельские ручные рубила; оно достигает 21 см длины, 9 см толщины и 1800 г веса.

Кроме резцов и нуклевидных орудий, в культурном слое стоянки Валукинского найдено лишь 2 концевых скребка, 2 пластины с подтеской с брюшка и несколько пластин с ретушью по краю (рис. 20 — 1, 2, 4). Призматических нуклеусов — около 20, в том числе 4 экземпляра — из мелового кремня; это довольно большой процент для костенковских палеолитических стоянок. Краевых отщепов резцов — около 200. Основную же массу инвентаря образуют отщепы, осколки, плитки и мельчайшие чешуйки главным образом цветного кремня.

Костяной инвентарь представлен плоским, с заостренным основанием наконечником (длиной 13,5 см) из бивня мамонта, костяным шилом, обломком шила или наконечника и рядом костей со следами резания и раскалывания.

Фаунистические остатки принадлежат, по определению Н. К. Верещагина, мамонту, лошади, волку, песцу, тушканчику, степной пеструшке, полевке-экономке, полевке обыкновенной, полевке узкочерепной.

О возрасте стоянки Валукинского можно сказать немного. В кремневом инвентаре этой стоянки отсутствуют элементы солотрейской техники, представленные хотя бы в таких стоянках, как Костенки I и Тельманская, а также микролитические элементы, отмечаемые в Боршеве II. Предпо-

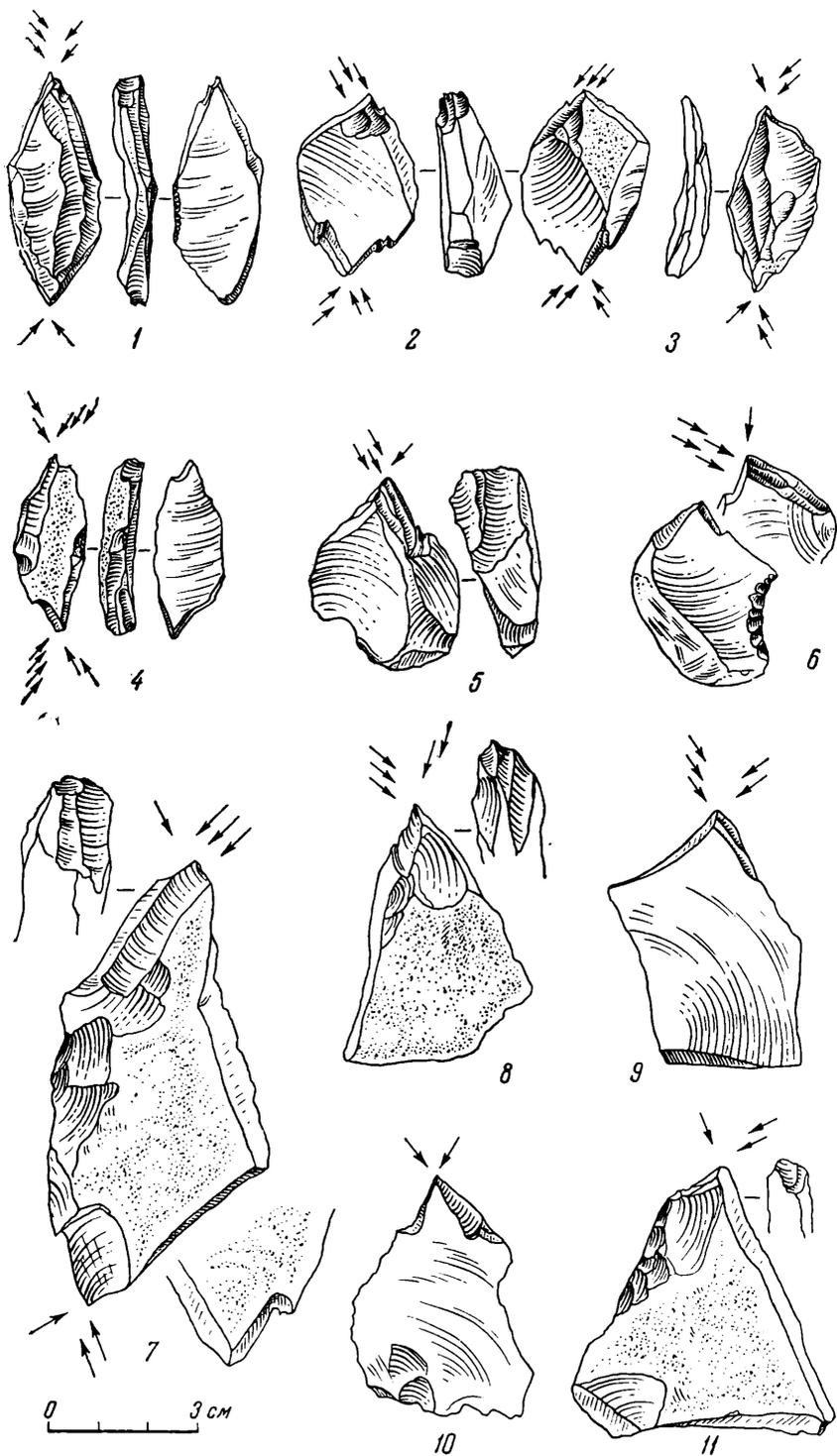

Рис. 19. Кремневые резцы (1—11). Стоянка Валужинского (Костенки XIX).

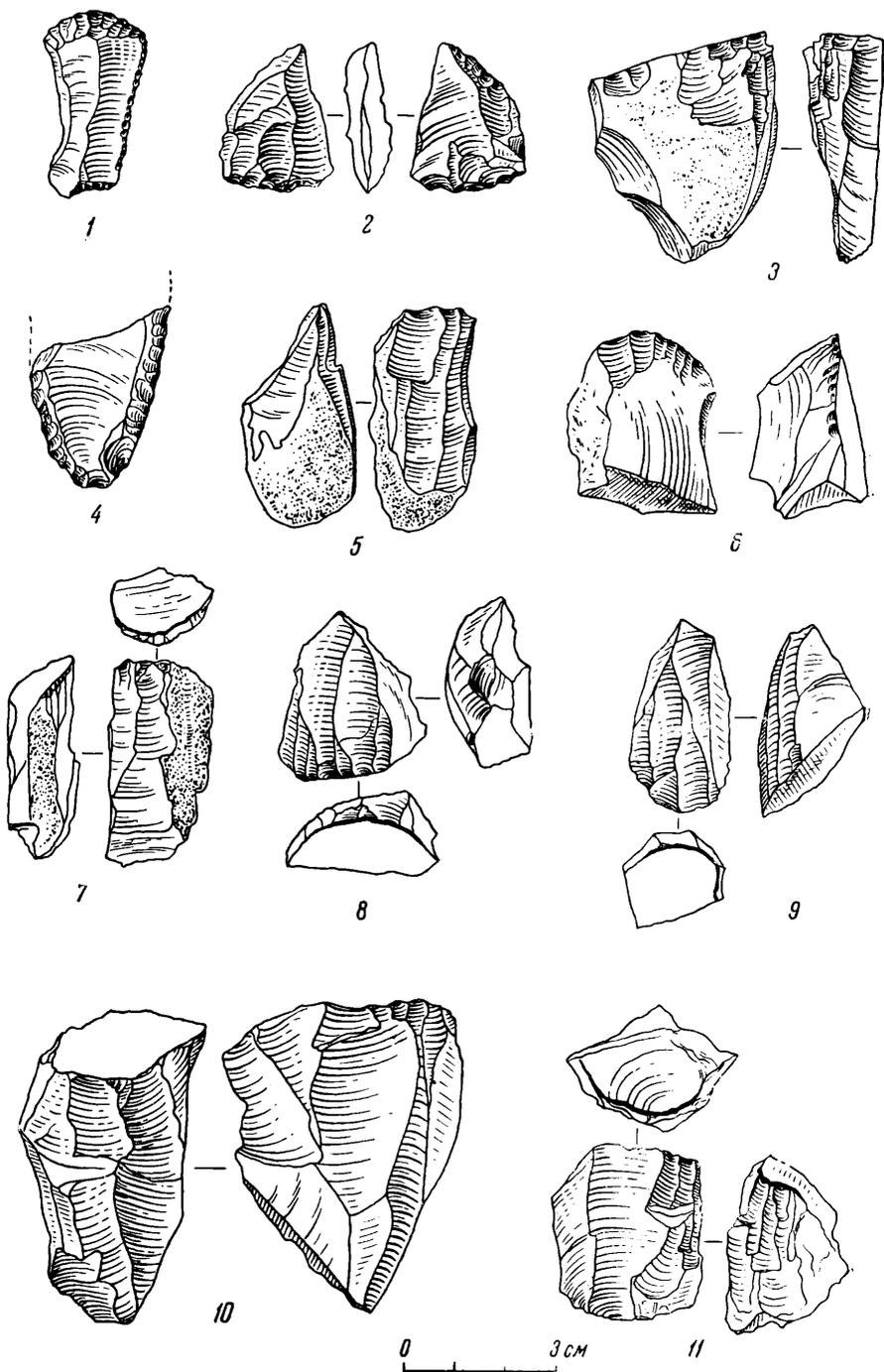

Рис. 20. Кремневые орудия. Стоянка Валукинского (Костенки XIX).

1 — скребок; 2 — пластина с подтеской с брышка; 3, 5, 6, 8, 9 — нуклеовидные орудия; 4 — пластина с ретушью по краям; 7, 10, 11 — нуклеусы.

жительно стоянку Валукинского можно отнести к средней поре позднего палеолита — к тому же времени, что и Костенки III и II.

Стоянка интересна во многих отношениях, в частности — как новый, своеобразный тип позднепалеолитического поселения. Здесь отсутствуют остатки постоянных жилищ с конструкциями из костей мамонта. Но стоянка существовала достаточно долго, включала шалаши, очаг сложного устройства и прекрасно выраженную кремневую мастерскую, находившуюся в закрытом помещении. Стоянка Валукинского отличается от таких позднепалеолитических местонахождений, где (как, например, верхний слой Костенок I) на всех участках представлен один и тот же кремневый инвентарь. В стоянке Валукинского разные ее части резко различаются по кремневому инвентарю. Другой пример подобного поселения — нижний культурный слой Боршева II⁵.

⁵ В 1957 г. раскопки стоянки Валукинского были продолжены. Общая площадь основного раскопа доведена до 217 кв. м. Кроме того, 12 кв. м вскрыто шурфами.

Н. Н. ГУРИНА

РАБОТА НЕОЛИТИЧЕСКОГО ОТРЯДА ПРИБАЛТИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ в 1956 году

Неолитическим отрядом Прибалтийской экспедиции летом 1956 г. было продолжено археологическое обследование районов, прилегающих к Прибалтике (Псковская, Великолукская, Калининская и Новгородская области), начатое в 1955 г., а также произведены раскопки неолитического поселения (Усть-Рыбежна) и стоянки эпохи раннего металла (Усть-Рыбежна II), расположенных в Ленинградской области.

Археологическому обследованию с целью поисков памятников эпохи неолита были подвергнуты главные водные бассейны — р. Великая (от г. Острова до г. Опочки) и озера: Себежское, Ороно, Мидино, Жижицкое, Селигер (частично), Валдай и Пирос (частично).

В процессе разведки обнаружено довольно много неолитических памятников и — попутно — славянских селищ. Выяснилось, что западная часть указанного района (р. Великая и Себежские озера) не богата неолитическими памятниками (в отличие от памятников средневековых), тогда как восточные районы изобилуют ими. При обследовании озер Пирос, Селигер и Валдай открыто значительное количество неолитических поселений, позволяющих впервые выявить характер материальной культуры населения в неолитическую эпоху. Некоторые памятники, несомненно, интересны для будущих раскопок.

В результате изучения ряда вновь обнаруженных и хорошо документированных памятников на территории Великолукской, Калининской и Новгородской областей появилась возможность классифицировать многочисленные археологические материалы этих районов, полученные в прежние годы путем сборов и хранящиеся ныне в музеях — Государственном Эрмитаже, Отделе археологии МАЭ и Историческом музее.

Удается выявить особую валдайскую неолитическую культуру с ее характерными особенностями, уточнить границы ее распространения и составить определенные суждения о взаимоотношении прибалтийских племен в эпоху неолита с восточными соседями¹.

Отрядом в 1956 г. были продолжены археологические изыскания в Ленинградской области и раскопки 2 поселений, расположенных вблизи дер. Усть-Рыбежна на р. Паше в Ленинградской области, а также разведки по р. Свири и на западном побережье Онежского озера.

Поселения у дер. Усть-Рыбежна имеют особо важное значение. Они разновременны и, находясь, вместе с тем, в непосредственной близости друг от друга, позволяют отчетливее уловить характерные особенности

¹ Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. СА, № 3, 1958, стр. 31—45.

материальной культуры древнего населения, жившего здесь в эпоху неолита и раннего металла.

Неолитическое поселение у дер. Усть-Рыбежна обнаружено нами в 1952 г., а в 1953—1954 гг. подвергнуто раскопкам. Поселение расположено на стрелке, образованной р. Пашей и ее правым притоком — речкой Рыбежкой. Сравнительно ровный берег, возвышающийся не более 6 м над современным уровнем реки, в настоящее время занят огородами. Площадь древнего поселения весьма значительна; насколько удастся проследить, культурный слой, залегая под огородами, заходит и под крайние дома деревни.

За 3 года работ на поселении Усть-Рыбежна вскрыто более 600 кв. м. По своей стратиграфии оно резко отличается от всех известных неолитических поселений Севера², культурный слой которых, окрашенный, как правило, в красноватый цвет, залегает на глубине не более 10 см от поверхности. Темный, местами почти черный культурный слой поселения Усть-Рыбежна перекрыт пластом (мощность — до 1,5 м) отчетливо выраженных озерных отложений, в котором слои глины перемежаются тонкими полосами песка. Правильный порядок прослоек на всей площади поселения не был нарушен. Культурный слой сохранился нетронутым.

В 1956 г. на поселении вскрыта площадь в 300 кв. м. Наблюдения предшествующих лет над мощностью аллювиального слоя и его структурой позволили применить механизацию — аллювий был снят скрепером со всей площади раскопа и вывезен на место старого раскопа. С целью предохранить культурный слой от повреждений над ним был оставлен пласт тяжелой глины, толщиной 0,4 м, чего оказалось вполне достаточно; после его удаления вручную обнаружилось, что даже верхний культурный горизонт нигде не потревожен скрепером.

Культурный слой поселения — супесь темного, почти черного цвета, мощностью до 0,6 м — был обильно насыщен обломками глиняных сосудов, каменными орудиями и отщепами кремня.

Каменный инвентарь представлен прекрасно отшлифованными сланцевыми орудиями различной величины — от крупных топоров до мельчайших стамесок (рис. 21 — 1—5). Изготовление кремневых орудий не менее совершенно. Наконечники стрел — листовидной или слегка ромбовидной формы (рис. 21 — 6, 7); края одного из них обработаны тончайшей пильчатой ретушью (рис. 21 — 8). Обращает на себя внимание крупный кремневый наконечник копья или кинжала, по форме приближающийся к ромбическому³, изготовленный с помощью тщательной, очень плоской отжимной ретуши, придающей орудию заметную уплощенность (рис. 21 — 9). Количество мелких кремневых орудий (скребков, проколов, ножей), так же как и отщепов, сравнительно невелико, причем скребки и проколки не имеют какой-либо определенной, строго выработанной формы.

Из прочих предметов следует указать на 2 янтарных украшения в виде колец (одно из них — в обломках) и бесформенные кусочки янтаря.

Наиболее многочисленна керамика (рис. 22 — 1—8). Несмотря на некоторые отличительные черты композиции узора, сосуды очень сходны: они крупные (в большинстве случаев — до 60 см в диаметре), край всегда

² За исключением приладожской стоянки или, вернее, группы стоянок, исследовавшихся А. А. Иностранцевым при прорытии Сясьского канала (А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882). На территории, занятой древним поселением Усть-Рыбежна, насыпаны 2 кургана, один из них — свыше 10 м в диаметре и около 4 м высоты. В 1878—1884 гг. раскопки курганов были произведены Н. Е. Бранденбургом (Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895, стр. 102), однако эти курганы раскапывали колодезь, и насыпи их сохранились.

³ Короткая ось его проходит не на середине орудия, а ближе к одному из концов.

прямой, днище — яйцевидной формы⁴, она хорошо отмучена, обжиг сильный.

Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Наиболее характерные черты его — рельефность, и зональное расположение узора.

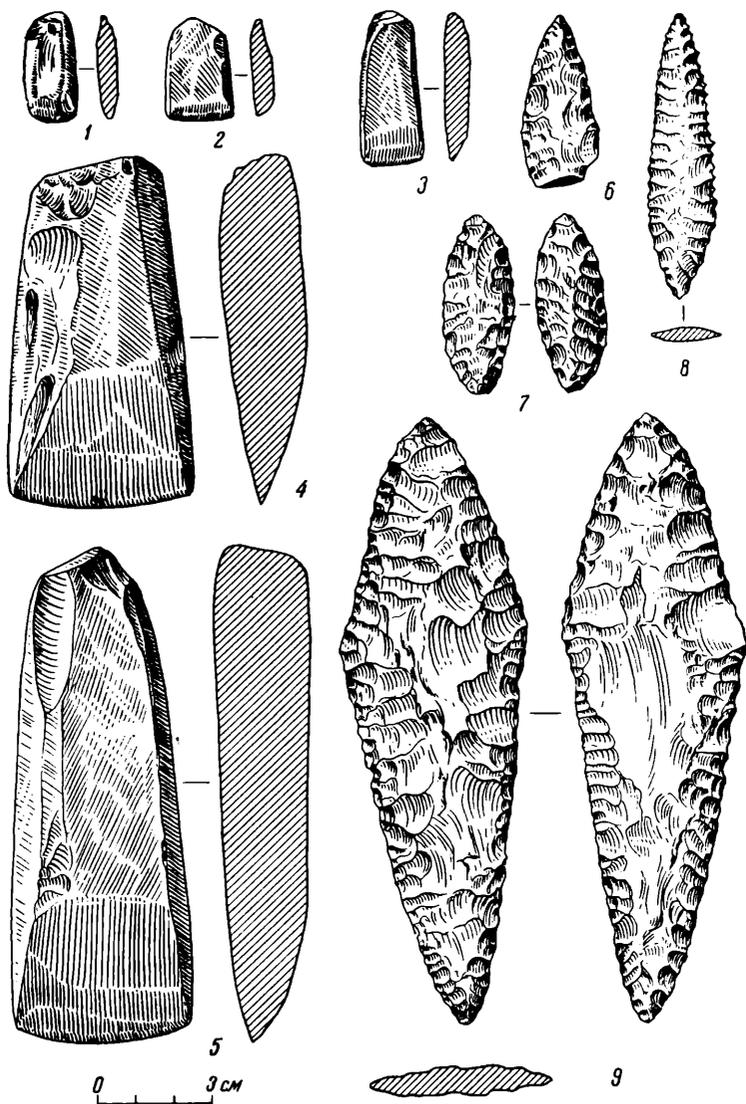

Рис. 21. Находки с неолитического поселения
Усть-Рыбежна I.

1—5 — каменные шлифованные топоры и тесла; 6—8 — кремневые наконечники стрел; 9 — наконечник копья (или крижал).

Составными элементами орнамента служат правильные круглые конические ямки, четкие отгиски гребенки (реже веревочки) и глубокие нарезки. Все эти элементы образуют несложные узоры: преимущественно полосы

⁴ Только единичные фрагменты (не более 20) имеют в качестве примеси толченый роговообманковый асбест.

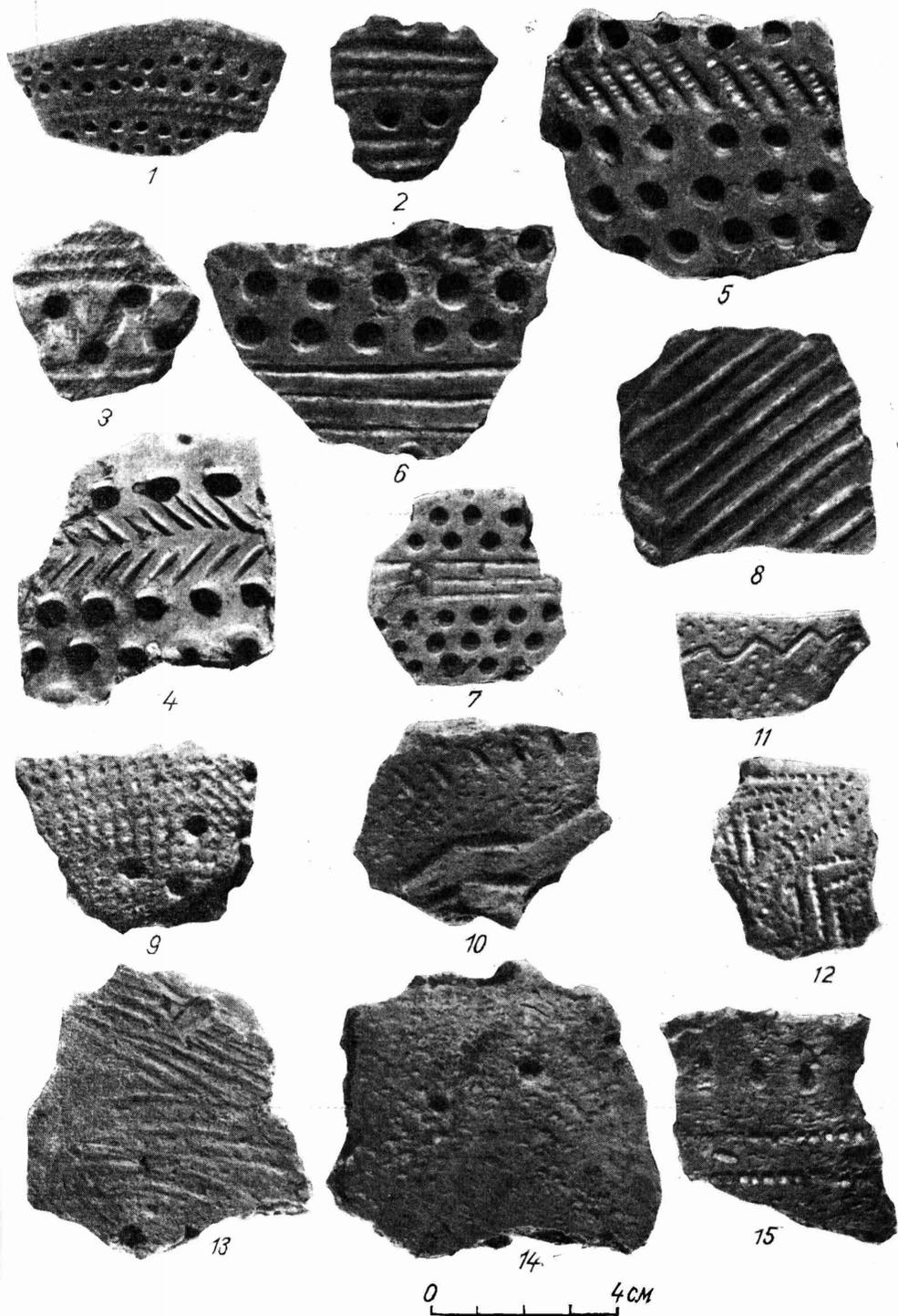

Рис. 22. Керамика с поселений Усть-Рыбежна I и Усть-Рыбежна II.
 1—8 — с неолитического поселения Усть-Рыбежна I; 9—15 — с поселения эпохи раннего металла
 Усть-Рыбежна II.

из ямок, расположенных в шахматном порядке близко друг к другу, и отпечатков, нанесенных гребенчатым чеканом или оттисками веревочки. Бережок сосуда и срез наиболее часто орнаментированы косыми отпечатками короткой гребенки. Следует отметить несколько обломков сосудов с прочерченным орнаментом (рис. 22—8).

Из остатков жилого комплекса на поселении наиболее отчетливо выражены 2 очага, сложенные из камней, и хозяйственная яма с находившимся в ней сосудом⁵. Очаги различны. Один состоял из 7 крупных камней со следами сильного огня, лежавших в контурах пятна из песка интенсивного черного цвета, с включением некоторого количества золы и мелких угольков. Первоначальная конструкция очага частично нарушена — в непотревоженном состоянии находились, по-видимому, лишь 4 камня, три остальных скатились в сторону. Вероятно, это был очаг открытого типа.

Второй очаг — иной конструкции. Он сохранился в виде груды очень сильно обожженных камней⁶ средней величины. Развалины были округлых очертаний, с выступом на одной из сторон. По внешнему краю, приблизительно до половины окружности, располагались заметно более крупные камни.

Диаметр очага по длинной оси равнялся 1,2 м. Пространство между камнями было заполнено зольным слоем с вкраплением мелких углей. Видимо, это была сложенная из некрупных камней печь-каменка с устьем, несколько выступавшим вперед. Данный тип очага-печи удивительно сходен с очагом, исследованным нами на неолитическом поселении Нарва II⁷.

Как говорилось выше, неолитическое поселение Усть-Рыбежна является для северо-запада Европейской части СССР единственным памятником с такой четкой стратиграфией. Его можно сравнить лишь до некоторой степени с приладожскими стоянками, исследованными А. А. Инностранцевым⁸, и поселением Негежма на р. Свири, раскопанным в 1927 г. Б. Ф. Земляковым⁹. Однако в обоих случаях слой, перекрывавший культурный, не имел столь отчетливой структуры.

Исключительно хорошо выраженный озерный характер отложений, под которым оказался погребенным культурный слой поселения Усть-Рыбежна, указывает, что оно было затоплено большой массой воды. Правильное многократное чередование слоев песка и глины свидетельствует, что вода держалась значительное число летних и зимних сезонов. Бесспорен и тот факт, что затопление произошло сравнительно спокойными водами, поскольку целостность комплексов на поселении (очагов и хозяйственной ямы, содержавшей сосуда) не нарушена, а находки не окатаны.

По всей вероятности, такое сильное и длительное повышение уровня воды следует связывать с трансгрессией Ладожского озера. Таким образом, существование неолитического поселения Усть-Рыбежна нужно относить ко времени, предшествующему трансгрессии, которая заставила население покинуть обжитые места и переселиться на другие, более высокие участки. Это обстоятельство позволяет сравнивать исследованное нами поселение в хронологическом отношении с приладожскими стоянками, изученными А. А. Инностранцевым, и поселением Негежма на р. Свири, с которым Усть-Рыбежна сближается тождеством керамики и янтарных поделок.

⁵ Сосуд оказался раздавленным, но был собран и склеен.

⁶ Некоторые из них распались на дресву.

⁷ Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. Древние поселения и городища. Сборник статей по археологии Эстонской ССР и соседних районов. Таллин, 1955, стр. 153—175.

⁸ А. А. Инностранцев. Указ. соч.

⁹ Б. Ф. Земляков. Негежемская неолитическая стоянка. Труды КИЧП, вып. II, 1932, стр. 47—68.

В абсолютных цифрах поселение Усть-Рыбежна может быть датировано не ранее III тысячелетия до н. э.

Вторым объектом исследования было поселение, расположенное на расстоянии 1,3 км от дер. Усть-Рыбежна. Раскопками, начатыми на Усть-Рыбежна II в 1954 г. и продолженными в 1956 г., была вскрыта площадь около 200 кв. м. Местоположение этого поселения — иное, чем неолитического, описанного выше. Оно находится на расстоянии не менее 1 км от современного берега р. Паши, на берегу ныне почти пересохшего ручья, вытекающего из сильно заросшего озера¹⁰.

Иная по сравнению с первым памятником и стратиграфия поселения. Культурный слой, состоящий из желтого песка, отличающегося от подстилающего светло-желтого песка лишь более темной окраской, залегает на глубине не более 5—10 см от дневной поверхности и перекрыт растительным слоем и тонкой прослойкой серого подзола. Мощность самого слоя в среднем не превышает 30—35 см.

Количество находок, собранных в результате раскопок на протяжении 2 лет, весьма значительно. Обращает на себя внимание состав инвентаря — большое количество мелких кремневых орудий, преимущественно скребков, и многочисленные отщепы кремня. Форма наконечников стрел своеобразна; наряду с листовидными, есть наконечники, близкие сейминскому типу. Крупные каменные орудия поражают небрежностью формы и техники изготовления. Тщательно зашлифованные сланцевые орудия отсутствуют; вместо этого встречаются топоры и долота, сделанные из различных пород камня, в частности — гранита. Найдены топор с неоконченным сверлением и небольшие камни с пришлифованными гранями. Керамика, несмотря на некоторое отличие в композиции узора, в целом однотипна. Общими чертами для нее являются: средняя величина сосудов, округлость днищ, профилировка и характер орнамента — отпечатки ткани на внешней поверхности, сочетающиеся с редкими ямками, наколотыми поверх сетки, и оттисками тонкой гребенки, расположенной в верхней части сосуда (рис. 22—9—15).

Среди инвентаря обнаружены предметы, свидетельствующие о знакомстве населения с металлом; в числе их — бронзовая пластина, обломки глиняных льячек с приставшей к ним бронзой, и шлак.

Из жилых остатков вскрыты 2 ямы диаметром около 4 м, в середине которых располагались очаги, сложенные из камней, носивших следы сильного огня.

Топография и материал поселения Усть-Рыбежна II свидетельствуют о значительно более позднем возрасте по сравнению с неолитическим — Усть-Рыбежна I и дают основание отнести его к эпохе раннего металла.

Разведка, проведенная по р. Свири и западному побережью Онежского озера, позволила обнаружить ряд новых неолитических стоянок.

¹⁰ В настоящий момент вся поверхность поселения поросла крупным лесом, по которому проходит дорога, в значительной степени разрушившая памятник.

В. М. МАССОН

ИЗУЧЕНИЕ АНАУСКИХ КУЛЬТУР в 1956 году

В 1956 г. продолжалось изучение так называемых анауских культур Южного Туркменистана. Работы велись объединенным отрядом ЛОИИМК и ЮТАКЭ в два сезона — весенний и осенний¹. Весной изучались памятники раннеанауских культур — Джейтун, Геоксюр и Кара-депе у Артыка.

Значительный интерес представляет неолитическая культура древних земледельцев, которую по наиболее характерному памятнику можно назвать джейтунской. Основная задача при исследовании Джейтуна состояла в изучении жилищ, обнаруженных здесь еще в 1955 г.² Раскоп 1956 г. был заложен на площади 100 кв. м в северной части поселения. Вскрыты остатки строений верхнего слоя. Северную часть раскопа, видимо, занимал двор, почти лишенный находок и засыпанный желтоватым барханным песком. Во дворе находилось глинобитное возвышение пятиугольной формы, возможно, — остатки суфы. С юга, востока и запада ко двору примыкали жилые помещения с глинобитными стенами. Пол помещений покрыт обмазкой из глины с саманом. В западной части двора располагались 2 глинобитных «ванночки», игравших какую-то хозяйственную роль (хранение припасов?). Древние помещения заполнены или плотным завалом из кусков глины с саманом (рухнувшие верхние части стен), или серым песком с кусками такой же глины. Культурный слой сильно нарушен поздними ямами, легко отличимыми по заполняющему их желтому барханному песку, а также современными кострищами, вкопанными в землю.

В пределах раскопа культурный слой был сравнительно мало насыщен; это частично можно объяснить тем, что раскоп заложен на территории двора. В различных местах найдены кремневые пластины, служившие в ряде случаев вкладышами для серпов. На полу одного из помещений обнаружены вместе 18 кремневых пластин и отщелпов. Среди керамики следует отметить 2 целых сосуда: крупный цилиндро-конический, покрытый высококачественным красным лощением, и небольшую чашечку с росписью по бортику чередующимися вертикальными и горизонтальными штрихами. Роспись нанесена коричневатой краской по кремовому фону.

К югу от раскопа заложен шурф, который прошел культурные слои мощностью 2,5 м и не достиг материка. Следовательно, мощность культурных наслоений Джейтуна значительно больше, чем это предполагалось ранее.

Помимо раскопок на Джейтуне, обследовано близкое по времени поселение Чопан-депе, расположенное к востоку от поселка Геок-депе. На Чо-

¹ В работах, помимо автора, принимали участие археологи В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопин, С. Н. Юренин и коллектор И. А. Баишев.

² В. М. М а с с о н. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1.

пан-депе осмотрен шурф С. А. Ершова, заложенный в 1953 г.³ В верхних слоях шурфа расчищены остатки древней стены, не замеченной С. А. Ершовым, который пришел к выводу, что на Чопан-депе глинобитных строений не было. Стена сложена из продолговатых глиняных комков с поперечным сечением около 18×10 см; промежутки между ними заполнены промазкой из глины с саманом. Подобная кладка была установлена в 1955 г. на Джейтуне. Она, несомненно, предшествовала постройкам из прямоугольного сырцового кирпича, известным уже в нижних слоях северного холма Анау. При расчистке стены найдены два раздавленных хума с красновато-коричневой росписью на кремевом фоне кремневые пластины, костяные проколки и костяной вкладышевый серп. Серпы подобного типа известны из нижних слоев Тепе-Сялал⁴. По характеру расписной керамики можно заключить, что Чопан-депе — памятник неолитической культуры; он относится, — во всяком случае в верхних слоях, — к несколько более позднему времени, чем Джейтун.

В 1956 г. начато систематическое исследование группы раннеананских поселений, расположенных к югу от станции Геокюр (18 км к востоку от г. Теджена). Здесь, вне зоны современного земледелия, в древности располагался небольшой оазис, в котором наиболее крупным поселением и, видимо, своеобразным центром был холм Геокюр (Геокюр 1). Холм этот с сильно оплывшими покатыми склонами достигает в высоту 10 м. В плане поселение подтреугольное и занимает площадь около 10 га. Другие памятники (Геокюр 2, 3, 4, 5, 6 и 7) значительно меньше; площадь наиболее крупных (Геокюр 5 и 7) не превышает 1—1,5 га. Интересно Ялангач-депе (Геокюр 3), выделяющееся богатым подъемным материалом, среди которого следует отметить бусы, терракотовые статуэтки и кремневые орудия (пилку, наконечник стрелы и т. п.). Почти все мелкие поселения прекратили свое существование в период «позднего Намазга I», представленного здесь расписной керамикой, своеобразной по сравнению с сосудами Анау и Намазга-депе, причем характерной особенностью является роспись параллельными линиями вдоль венчика сосуда.

Не вполне ясен вопрос о древнем орошении этого района. В 4—5 км к западу от древнего оазиса в настоящее время в меридиональном направлении проходят несколько сухих русел, возможно, связанных с древней дельтой Теджена. Современная дельта Теджена сравнительно молода: древняя, как утверждает И. П. Герасимов, была много южнее современной⁵. Это позволяет предположить, что орошение поселений было связано с древней дельтой, а перемещение ее на север, возможно, и было причиной запустения геокюрского оазиса.

Широкие раскопочные работы под руководством В. И. Сарияниди проведены на главном поселении Геокюр 1. Основной задачей являлось исследование жилых домов на большой площади. С этой целью в юго-западной части поселения был заложен раскоп I (580 кв. м), где выявлены остатки трех многокомнатных жилых домов, построенных из сырцового кирпича 43×23 (24) \times 10 (12) см и отделенных друг от друга узкими улочками. В помещениях найдены расписная и нерасписная керамика, терракотовые статуэтки женщин и животных, фрагменты каменных сосудов и несколько мелких медных предметов — игла и головки булавок. Расписная керамика в основном принадлежит к восточному (геокюрскому) варианту полихромной керамики комплекса Намазга II. В пору Намазга III жизнь на поселении прекратилась. Очень интересна находка

³ С. А. Ершов. Холм Чопан-депе. Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР, II, Ашхабад, 1956.

⁴ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. I. Paris, 1938, табл. VII, VIII и LV.

⁵ И. П. Герасимов. Геоморфологические районы юго-восточных Кара-Кумов. Природные ресурсы Кара-Кумов, ч. IV, М.—Л., 1940, стр. 13, 14.

в одном из домов керамики типа западного варианта расписной посуды Намазга II. По кара-депинской стратиграфии, рассматриваемой ниже, эта керамика может быть отнесена к слоям Кара 2 и 3. Она резко отличается по орнаменту от основной массы геоксюрской посуды. Чем это объясняется — результатом хронологических изменений, или тем, что данная керамика привезена из более западных районов (гончарные изделия геоксюрского варианта встречаются, начиная с района Душака), — решить пока трудно.

Значительные по объему работы были проведены на поселении Кара-депе у Артыка, где продолжены раскопки, начатые в 1955 г. Преследовались две цели: изучение стратиграфии и вскрытие на обширной площади зданий верхнего культурного слоя. Поэтому прежде всего был продолжен стратиграфический раскоп (раскоп I, 400 кв. м). Счет слоев в нем был принят сверху вниз, по строительным комплексам, с отнесением погребений к тому дому, под полами которого они находились. Соотношение раскапываемых слоев было первоначально проконтролировано разведочным шурфом. С целью сравнения терминологии, которая в анауских культурах в настоящее время, к сожалению, страдает разнообразием, мы приводим таблицу. Следует оговориться, что количество строительных комплексов, относящихся к поре Намазга I, еще не выяснено, но, судя по мощности этого слоя (не менее 7 м), должно быть весьма значительно.

Стратиграфия раскопа I, слои	Терминология по отчету 1955 г. ⁶	Стратиграфия по Б. А. Куфтину
Кара 1А	Намазга IIIБ	} Намазга III
Кара 1Б	Намазга IIIА	
Кара 2	Намазга IIБ	} Намазга II
Кара 3	} Намазга IIА	
Кара 4		
Кара 5	Намазга I	Намазга I

В 1955 г. были исследованы строения Кара 1 и Кара 2 и могильник Кара 1, опущенный в здание Кара 2. При этом могильник оказался более ранним, чем Кара 1, что послужило основой к выделению слоев Кара 1А (здание) и Кара 1Б (могильник). В 1956 г. снесены стены Кара 2 и ниже их расчищено здание Кара 3 с впускными погребениями Кара 2. Вскрытие слоя Кара 4 еще не завершено.

В могильнике Кара 2 на площади раскопа обнаружено 29 погребений. Иногда при захоронении прорубались стены здания Кара 3. На дне могил встречались следы истлевшей растительной подстилки (буера). Для некоторых погребений можно говорить о посыпании покойников красной краской (охрой?). Основная ориентация погребений — головой на юго-юго-запад с редкими колебаниями до юга и юго-запада; лишь одно ориентировано на запад. Захороненные в основном лежали на правом боку, со скорченными или согнутыми ногами. Показательно почти полное отсутствие инвентаря. Только у трети погребенных были бусы, а у одного — глиняный горшочек. В одном погребении собрано в общей сложности — на руках, шее и голове (диадема?) — 800 бус, что, возможно, следует считать признаком более состоятельного положения покойного. Большинство найденных в могильнике бус сделано из гипса, но встречались бусы из лазурита, сердолика, халцедона, белого мраморовидного камня и др.

Здание Кара 3 было построено из прямоугольного сырцового кирпича 23 (24) × 47 (48) × 10 см и частично повторяет планировку здания

⁶ В. М. Массон. Указ. соч.

Кара 2, при постройке которого старые стены (Кара 3) были либо срублены, либо сохранены и, возможно, надстроены. В юго-западной части раскопа находился двор, куда выходили стены толщиной от 0,6 до 1 м. Внутренние же помещения часто разделялись лишь тонкими перегородками толщиной 0,3 м. В помещениях стояли хумча, зернотерки, собрана разнообразная керамика. Находки сравнительно ограничены и свидетельствуют о сознательном оставлении дома, когда все более или менее ценное было взято его прежними обитателями, построившими здание Кара 2.

Расписная керамика из здания Кара 3 в основном монохромная, хотя количество полихромной росписи заметно увеличивается по сравнению с найденной в слое Кара 2. Расписывались чаши с профилировкой нескольких вариантов и, — много реже, — горшкообразные сосуды с невысокой шейкой. Роспись наносили черной или темно-коричневой краской по желто-розовому или, — что более редко, — зеленовато-белому фону. Роспись носит геометрический характер, хотя иногда встречаются схематические линейные изображения козлов, распространенные в керамике слоя Кара 3 в значительно меньшем количестве, чем в комплексе Кара 2. Характерным элементом геометрической росписи являются треугольники и прямоугольники, заполненные отрезками прямых или волнистых линий. Широко распространены также две параллельных линии, соединенные прямыми или зигзагообразными черточками. Последний мотив — один из ведущих для полихромной керамики Кара-депе. Это обстоятельство раскрывает одну из характерных черт монохромной керамики комплекса Кара 3: ее орнамент полностью повторяет мотивы полихромной керамики, особенно часто встречающейся в слое Кара 4. Наряду с расписной керамикой собрана краснолощенная нерасписная посуда: шарообразные хумчи с прямым венчиком, биконические кубки, миски с ребристым изломом стенок ниже венчика.

Удачным для разрешения второй задачи оказался раскоп III (600 кв. м), в юго-восточной части Кара-депе (рис. 23), где высота стен верхних зданий достигала 0,35—0,6 м. Здания построены из сырцового кирпича $45 \times 24 \times 10$ см. Встречены остатки трех многокомнатных зданий или трех различных жилых комплексов, но пока ни один из них не вскрыт полностью. Крайний с востока комплекс А включает 3—4 крупных комнаты, в двух из которых — углубленные в пол очаги. Вдоль комнат располагалось 12 небольших помещений, причем некоторые были без дверей и, видимо, служили своеобразными хранилищами. В одной такой комнате найдено 14 целых расписных сосудов, 3 женских статуэтки из необожженной и одна из обожженной глины. Комнаты расположены вдоль коридорообразного помещения шириной 0,7—0,9 м, которое разграничивает комплексы А и Б и, видимо, является остатками улочки. Центральную часть комплекса Б занимал двор, в котором находилась суфа. С юго-запада к двору примыкали одно подквадратное и одно продолговатое помещения и 2 небольших комнатки, — вероятно, хранилища. На северо-востоке часть двора, видимо, была отгорожена так, что образовались новые помещения. В этом же направлении вне двора раскопаны еще 2 комнаты, более крупных, причем одна из них — с очагом. Комплекс Б отделен от комплекса В толстой стеной (толщиной 1,2—1,5 м); стена идет параллельно отмеченной выше улочке, что указывает на некоторые общие принципы планировки. В комплексе В раскопано 6 крупных комнат, вероятно, жилых. В одной из них на полу стоял хум, в четырех других расчищены углубленные в пол очаги.

Время существования всех 3 жилых комплексов относится к поре Кара 1А (по терминологии стратиграфического раскопа)⁷.

⁷ См. приведенную выше таблицу.

На раскопе III собран разнообразный материал: глиняные (рис. 24) и каменные сосуды, пряслица, зернотерки, каменные диски с ручкой (так называемые гири) и глиняные статуэтки, на которых следует остановиться особо (рис. 25). Повторяются находки 1955 г. — схематические муж-

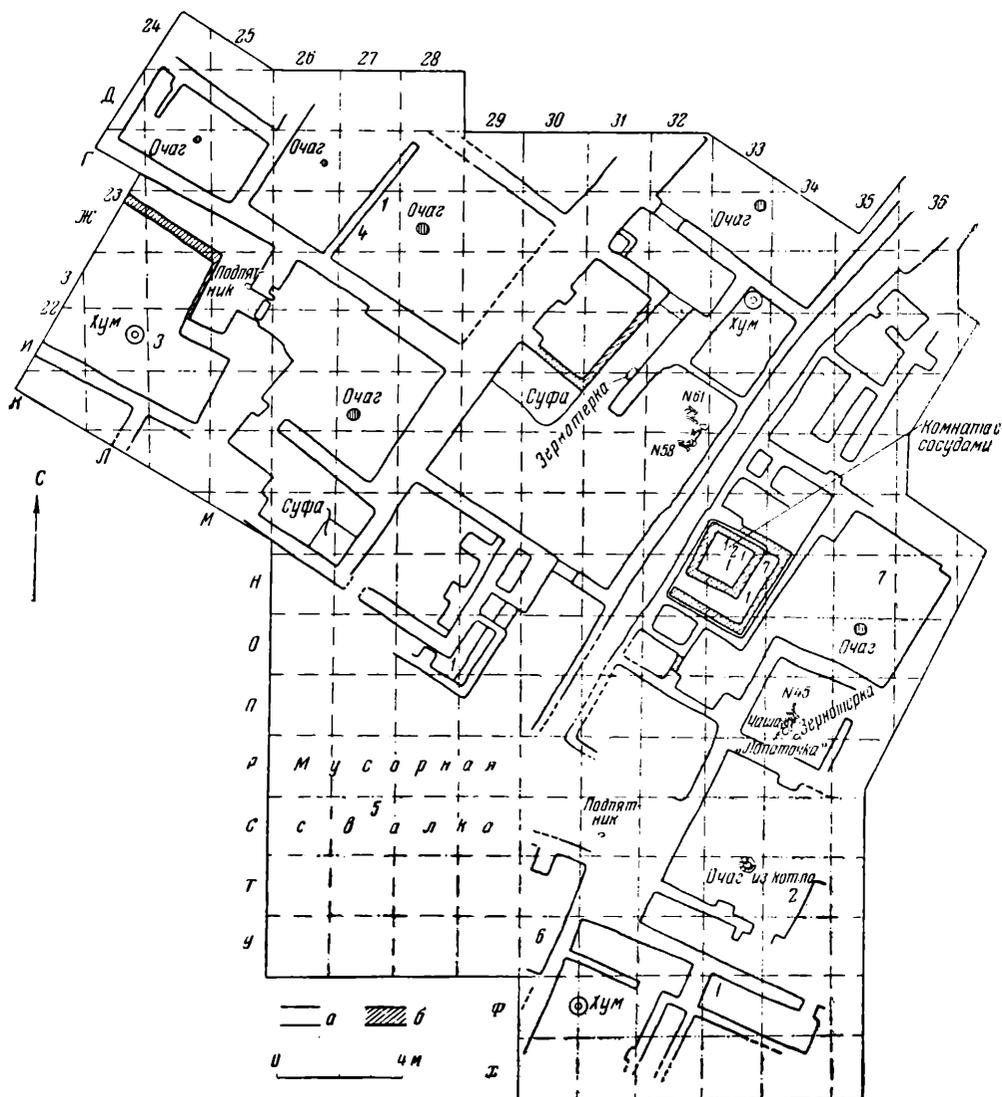

Рис. 23. Кара-депе. План раскопа III.

1 — глиняные женские статуэтки; 2 — фрагменты с изображением людей; 3 — головка «воинна»; 4 — головка с росписью; 5 — глиняная мужская статуэтка; 6 — глиняный амулет; 7 — глиняные статуэтки животных; а — стены 1-го периода; б — стены 2-го периода.

ские фигурки («сапожки») и фигурки животных. Наиболее интересны 2 терракотовых головки, видимо, от мужских статуэток. Одна вылеплена более схематично и имела горбоносый профиль и удлиненные глаза. Темно-коричневой краской подчеркнуты брови и волосы на голове или головной убор вроде тубетейки. У второй — удлиненные, миндалевидные глаза и узкая бородка, свисающая на шею двумя длинными прядями. На голову

надет шлем с наушниками. Женские статуэтки в основном — двух типов, но в обоих случаях изображены сидящие женщины⁸.

Приблизительно в центре восточной части Кара-депе был заложен раскоп IV (100 кв. м). Здесь расчищено несколько помещений, содержав-

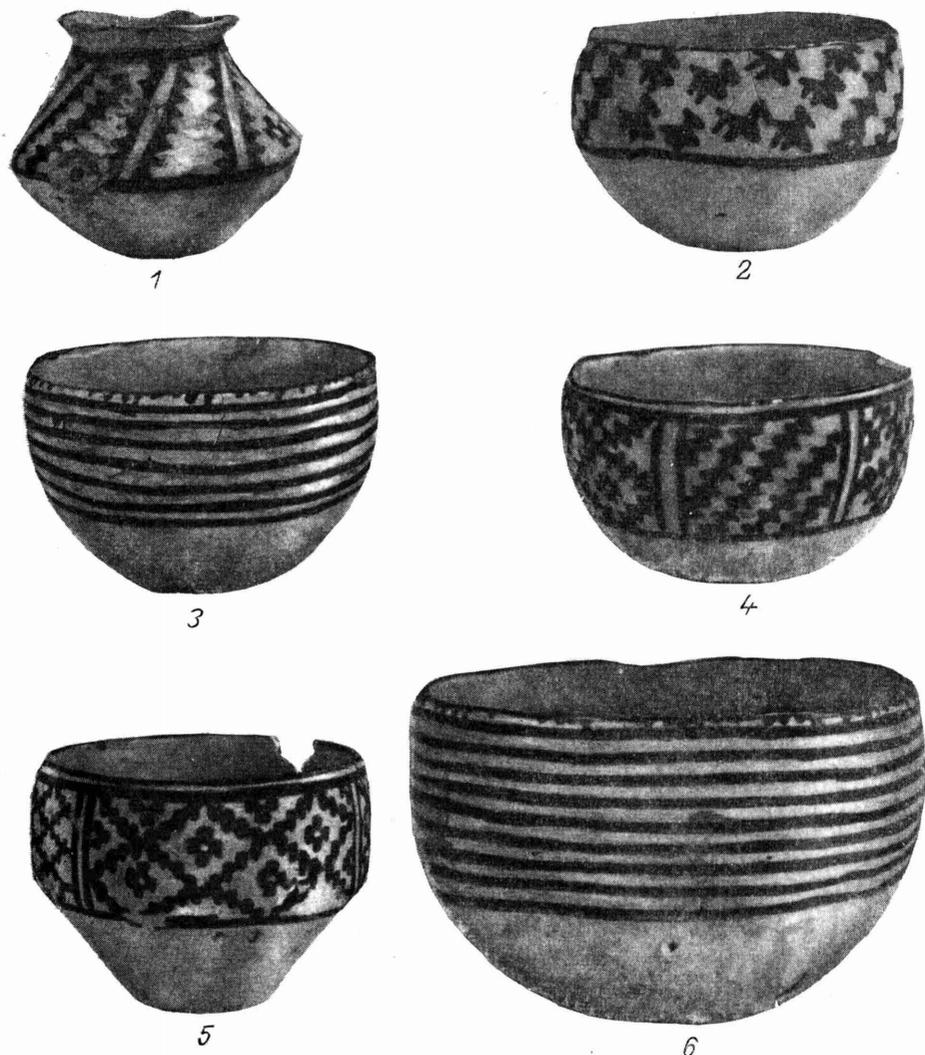

Рис. 24. Кара-депе. Глиняные сосуды типа керамики Намазга III.

ших характерный для слоя Кара 1А материал. Уникальной находкой можно считать статуэтку быка (длиной 13 см), сделанную из белого мраморовидного камня. Работы показали, что здания здесь — с хорошей сохранностью стен, и поэтому задачей ближайших лет явится соединение раскопов III и IV.

Если вопросы относительной хронологии памятников энеолита и бронзового века получают все большее разрешение, то проблема абсолютных датировок представляет наибольшие трудности. Решение этой проблемы

⁸ Подробнее см. в статье «О культе женского божества у анауских племен», публикуемой в настоящем сборнике, стр. 14—20.

осуществляется путем сопоставления с иранскими памятниками, датирующимися в свою очередь на основании месопотамской хронологии. Проведенное сравнение материала ясно показывает, что комплекс Намазга III соответствует в Иране слоям Сиалк III и Гисар IV—IIA⁹. Как известно, слой Сиалк IV обычно датируется периодом Джемдетнаسر, и, принимая такое сопоставление, мы должны были бы относить Кара-депе целиком к IV тысячелетию до н. э. Однако составленная для Южного Туркмени-

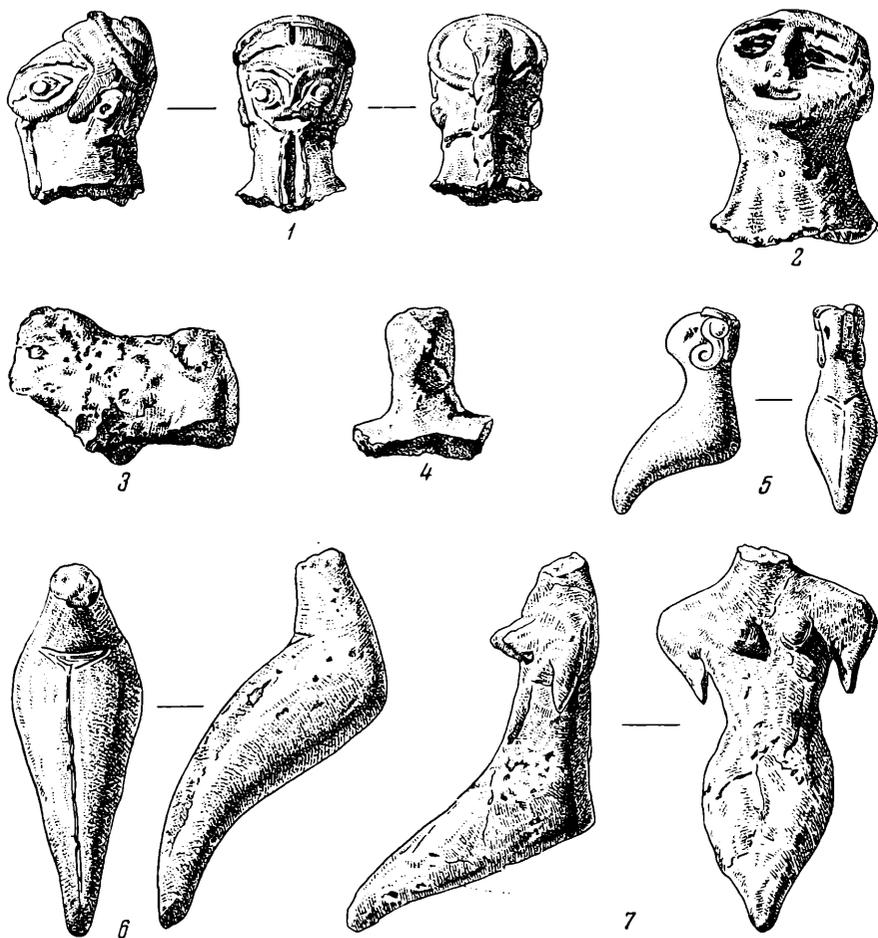

Рис. 25. Кара-депе. Терракотовые статуэтки (1—7 — раскоп III, слой Кара 1А).

стана сквозная стратиграфическая колонка, доходящая до ахеменидского периода, как будто не позволяет такое чрезмерное углубление датировки. Кроме того, отдельные мотивы росписи керамики типа Намазга III находят аналогии в таких культурах III тысячелетия до н. э., как Кулли и Сузы D¹⁰. Эти соображения общего порядка заставили датировать комплекс Намазга III первой половиной III тысячелетия до н. э.

Однако детальное рассмотрение вопроса датировок должно быть предметом специального исследования в связи с общей проблемой стратигра-

⁹ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

¹⁰ И. Н. Хлопин. Изображение коровы на сосуде из Кара-депе. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 136—138.

фии и хронологии Ирана, где в последнее время получила господствующее значение «длинная хронология» Мак Кауна, абсолютная правильность которой вызывает у нас большие сомнения¹¹.

В осенний период работы были сосредоточены в дельте Мургаба, где изучались памятники поздней бронзы и раннего железа. Стационарные работы проведены на поселении Яз-депе. Кроме раскопок, совершено несколько разведывательных маршрутов. Обнаружено интересное погребение в полуразвеянном культурном слое поселения Аучин. Скелет лежал скорченно, на правом боку и ориентирован на северо-северо-запад. Погребение выделяется относительно богатым инвентарем, в составе которого 14 глиняных сосудов, 51 бусина из гипса, сердолика, лазурита, бирюзы, восьмиконечная гипсовая подвеска-звезда, бронзовые браслет и ушная подвеска, биконическое пряслице (или крупная бусина) из белого камня и плоская печать-подвеска из яшмовидного камня с двусторонним изображением: с одной стороны — змея, с другой — геометрический орнамент. Большинство сосудов по своим формам, так же как и бронзовый браслет, можно отнести к комплексу Намазга VI, но часть сосудов в форме глубоких конусовидных чаш восходит еще к керамике типа Намазга V. Это позволяет относить аучинское погребение к ранней поре комплекса Намазга VI и датировать ориентировочно серединой или второй четвертью II тысячелетия до н. э. Учитывая, что погребения времени Намазга VI, известные в Южном Туркменистане в количестве свыше 30, или лишены инвентаря вовсе или содержат 2—3 глиняных сосуда, — в богатстве инвентаря аучинского погребения нельзя не видеть указания на имущественную дифференциацию. В ходе разведок изучена северная часть Яз-депинского оазиса, где обнаружено 9 древнемаргианских поселений, протянувшихся на север до колодцев Хаятлы (в 12 км к югу от колодца Таип). На большинстве поселений обнаружена керамика типа Яз I и Яз II (первая половина I тысячелетия до н. э.), а судя по отсутствию характерной посуды типа Яз III, эта часть оазиса пришла в запустение уже в V в. до н. э.

На Яз-депе раскопки были сосредоточены на цитадели, в южной ее части, где завершалось начатое еще в 1954—1955 гг. изучение монументального здания¹². В 1956 г. сохранившиеся остатки здания почти полностью вскрыты (общая площадь раскопов за 3 года — 1000 кв. м), причем особенно четко выделались 2 периода его существования. В первый период здание состояло из большого продолговатого зала и ряда параллельных коридорообразных помещений, разделенных узкими проходами. На севере эти помещения, видимо, выходили в большой двор. Во второй период, наряду с существенной перестройкой большого зала закладывается и забуровывается часть коридорообразных помещений. Перестраивается и двор, где появляется новый уровень пола — на 0,5 м выше старого. Материал, связанный с вторым периодом, характеризуется увеличением количества посуды, сделанной на круге, и все большим распространением форм типа керамики Яз II.

Небольшой раскоп (100 кв. м) заложен в северной части цитадели, но культурный слой оказался невелик — 0,4—0,5 м; ниже начиналась кладка платформы. Здесь, видимо, находились небольшие постройки с тонкими стенами из сырцового кирпича. Таким образом, здание в южной части было единственной монументальной постройкой, которую, вероятно, следует считать остатками дворца.

¹¹ См., например, последнюю сводку Мак Кауна в сборнике «Relative Chronologies in Old World Archaeology». Washington, 1954. Здесь даже Гисар III датирован временем около 2300 г. до н. э., что противоречит сплошной стратиграфической колонке южнотуркменстанской стратиграфии, свидетельствующей в пользу «короткой хронологии».

¹² О работах 1954—1955 гг. См. В. М. Массон. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956.

А. А. ИЕССЕН

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ в 1956 году

Четвертый год работ экспедиции, осуществляемой совместно Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР и Институтом истории Академии наук Азербайджанской ССР, проходил в несколько затрудненных условиях. Восстановление сгоревшей в 1955 г. базы экспедиции около городища Орен-кала в Мильской степи затянулось до конца 1956 г.; поэтому не было возможности организовать сколько-нибудь значительные работы на основном пункте стационарных раскопок.

Тем не менее экспедиция продолжала начатое ранее изучение разновременных памятников южных районов Азербайджанской ССР и по ряду вопросов получила существенный новый материал. Как и прежде, одной из основных задач было накопление данных для сводной стратиграфической колонки культурных слоев поселений, обнимающей возможно больший отрезок времени — от энеолита до развитого средневековья; это необходимо и для более отчетливой характеристики последовательно сменявшихся этапов в развитии материальной культуры, и для уточнения их датировок, а также датировок известных нам памятников. Особенно важно будет увязать установленную по культурным слоям поселений последовательность развития с преимущественно до сих пор изучавшимися погребальными памятниками, на которые в основном опирается схема развития местной культуры, разработанная для смежного с изучаемым нами района Мингечаурской экспедицией Академии наук Азербайджанской ССР. Решение этой чисто археологической задачи в итоге значительно облегчит правильное понимание исторических процессов, протекавших на территории Азербайджана в далеком прошлом. В частности, получат более полное и конкретное освещение такие важные проблемы, как возникновение и развитие древней земледельческо-скотоводческой культуры в эпохи энеолита (а может быть, и еще раньше, в неолите) и бронзы, как вопрос о появлении полукочевого скотоводческого хозяйства и его сосуществовании с оседлым, а временами, может быть, и с чисто кочевым укладом, как проблема возникновения городов и больших оросительных систем.

В 1956 г. работы велись в 4 пунктах. На поселении Кюль-тепе около Нахичевани работал Нахичеванский отряд (руководитель — О. А. Абибуллаев, Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР), Агдамский отряд (руководитель — К. Х. Кушнарева, ИИМК) продолжал исследование на поселении эпохи бронзы — Узерлик-тепе. В Мильской степи работал отряд под руководством О. Ш. Исмизаде (Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР) на поселении I тысячелетия до н. э. Кара-тепе, а на средневековом городище Орен-кала — отряд под руководством Н. В. Минкевич (Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР). Кроме того, в небольшом объеме продолжалась ра-

бота по территориальному обследованию (начальник экспедиции — А. А. Иессен).

Рассмотрим кратко итоги исследований в хронологической последовательности памятников.

На поселении Кюль-тепе (рис. 26) раскопки были начаты еще в 1951 г. и продолжены в 1953 г. В 1955 г.¹ был доведен до материка разведочный раскоп III, причем общая мощность культурного слоя оказалась равной 21,1 м. Ясная стратиграфия памятника позволила различить

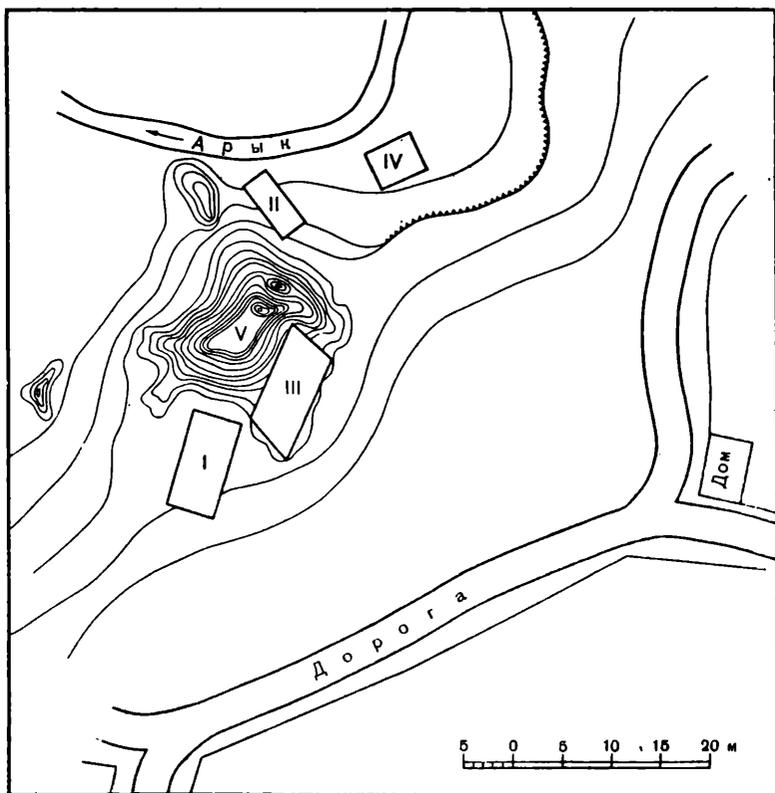

Рис. 26. План холма Кюль-тепе.

I—VI — раскопы.

4 основных слоя. Два верхних, относящихся к эпохе раннего железа и бронзы, вместе имели мощность до 4,5 м; третий энеолитический залегал до глубины 12,4—12,5 м; ниже обнаружена стерильная прослойка, а с 12,8 до 21,1 м шли напластования четвертого слоя раннеэнеолитического, а отчасти, может быть, и неолитического времени. Открытие этого слоя, резко отличающегося по керамике от вышележащего третьего, подтвердило исключительную важность памятника для детального изучения древнейших этапов в развитии земледельческо-скотоводческой культуры Закавказья, так как до сих пор слои этого времени нигде в Закавказье еще не были обнаружены в стратиграфически бесспорном залегании. К тому же есть все основания считать, что четвертый слой на Кюль-тепе может быть

¹ О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-тепа. КСИИМК, вып. 51, 1953; его же. К изучению холма Кюль-тепе. ТИИФ, т. IX, 1956; его же. Раскопки холма Кюль-тепе близ Нахичевани в 1955 г. (помещено в Трудах Азербайджанской экспедиции, т. I).

исследован на значительно большей площади, чем три верхних, сохранившихся лишь в виде останца, так как большая часть тепе скрыта местным населением. Ввиду этого было решено снять весь остаток трех верхних слоев целиком, чтобы на широкой площади подойти к четвертому.

Осенью 1955 г. О. А. Абибуллаев приступил к снятию верхних слоев (первого и второго) и закончил эту работу в 1956 г. (раскоп V). Основное внимание в 1956 г. было обращено на тщательное стратиграфическое изучение третьего слоя, относящегося к типичному южнокавказскому энеолиту. Мощность слоя (около 8 м) позволяла рассчитывать, что здесь можно будет установить ряд горизонтов, характеризующихся видоизменяющимися комплексами материальной культуры. До сих пор на энеолитических памятниках Южного Закавказья проследить такую детальную стратиграфию не удалось. Исследование слоя еще не закончено; достигнута глубина около 10—10,3 м и остается снять еще до 2,5 м нижней его части. Площадь раскопа, со всех сторон ограниченного обрытыми краями центрального останца тепе, к концу работ достигла приблизительно 100 кв. м.

В изученной толще третьего слоя резких изменений материальной культуры не прослежено, но детальное исследование собранного материала по горизонтам, несомненно, позволит сделать интересные наблюдения относительно эволюции отдельных его элементов. Вся толща характеризуется преобладанием чернолощеной керамики при полном отсутствии расписной. Очень типичны полушарные ручки (рис. 27—1—5), форма которых отчетливо видоизменяется, постепенно утрачивая свой «классический» облик, характерный для находок в нижней части вскрытых слоев. Множество зернотерок, остатки зерна, кости домашних животных свидетельствуют о земледелии и скотоводстве. Важна находка двух глиняных литейных форм для отливки заготовок, подвергавшихся затем обработке ковкой. Встречены также медные булавка и колючко.

Самым важным результатом работ 1956 г. на Кюль-тепе была расчистка оснований жилищ, залежавших на разных глубинах. Жилища круглые, диаметром около 6—8 м (рис. 28—1); кольцевое основание стен глинобитное или сложенное из камня; в отдельных случаях к нему примыкали обрывки прямых стенок. К сожалению, незначительная площадь сохранившейся части останца не позволила вскрыть жилые комплексы полностью. Внутри жилищ обнаружены остатки очагов.

Таким образом, на Кюль-тепе сейчас установлено наличие жилых сооружений того же типа, что и на Шенгавитском поселении около Еревана² и на некоторых других памятниках Закавказья, как, например, на поселении Квацхелеби около Урбниси³.

Энеолитический третий слой Кюль-тепе, несомненно, в основном соответствует слою К на поселении Геой-тепе около Урмии (Резайе). Там этот слой достигал мощности около 6,65 м⁴, т. е. очень близкой к толщине третьего слоя Кюль-тепе.

Близость слоя К третьему на Кюль-тепе, помимо основного сходства керамики⁵, документируется наличием обрывков закругленных стен жилищ

² Раскопки Е. А. Байбуртяна. См. Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. Вестник Музея Грузии, XIII-V, 1944, стр. 113—115; Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 171—173.

³ Л. И. Глonti. Доклад 26 октября 1956 г. на конференции по археологии Кавказа в Ереване.

⁴ T. Burton Brown. Excavations in Azerbaijan. 1948, London, 1951, стр. 34.

⁵ Там же, стр. 35. В отличие от Кюль-тепе, на Геой-тепе среди основной массы черной и серой лощеной керамики встречены 3 единичных расписных черепка (стр. 45 и рис. 1249 на стр. 46).

наряду с прямолинейными⁶, а также обломком глиняной литейной формы для заготовки медного изделия⁷. На Геой-тепе слой К вскрыт на площади около 80 кв. м; стратиграфически и на основании видоизменений форм керамики он расчленен на 3 хронологических горизонта (К¹, К² и К³). Детальное сопоставление с ними станет возможным по окончании раскопок и обработки материалов из третьего слоя Кюль-тепе.

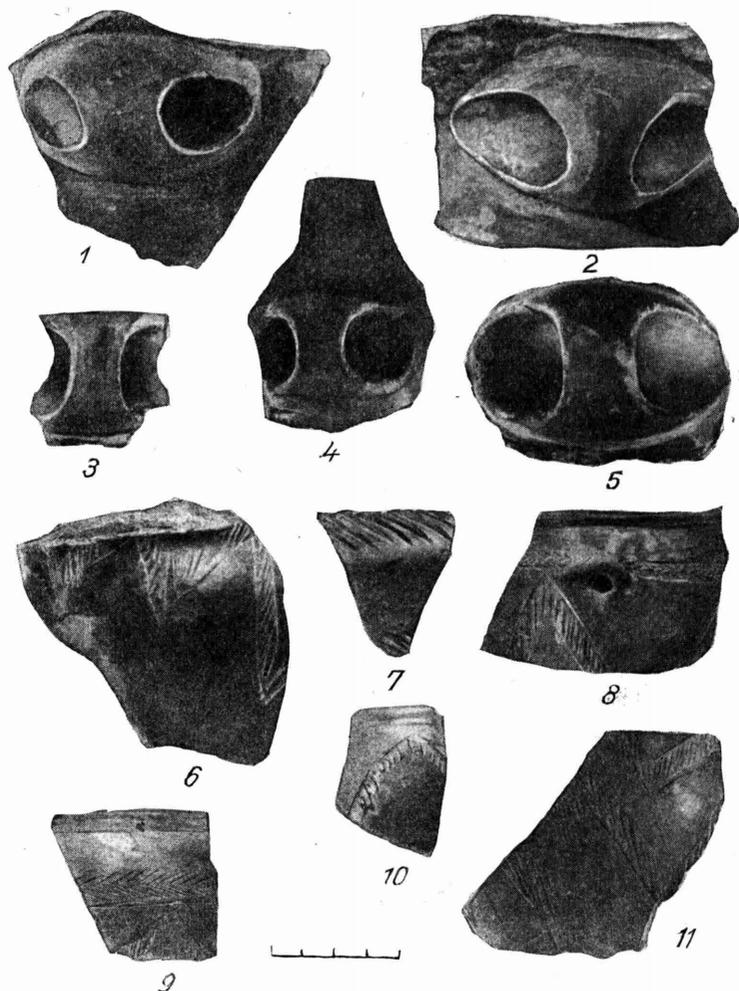

Рис. 27. Керамика из Кюль-тепе (слой III) и Узерлик-тепе (нижний горизонт).

1—5 — ручки черволащенных сосудов из Кюль-тепе; 6—11 — орнаментированные черепки из Узерлик-тепе.

Вместе с тем Геой-тепе до настоящего времени остается единственным исследованным памятником, где под слоями развитого энеолита южно-кавказского облика обнаружены более древние отложения. К сожалению, раскопки не доведены до материка, и мощность вскрытой ниже толщи составила только 1,1 м. Хорошо выраженный здесь слой М сближается с четвертым слоем Кюль-тепе по наличию светло-глиняной керамики

⁶ Т. Burton Brown. Указ. соч., стр. 34.

⁷ Там же, стр. 56 и табл. III, 222.

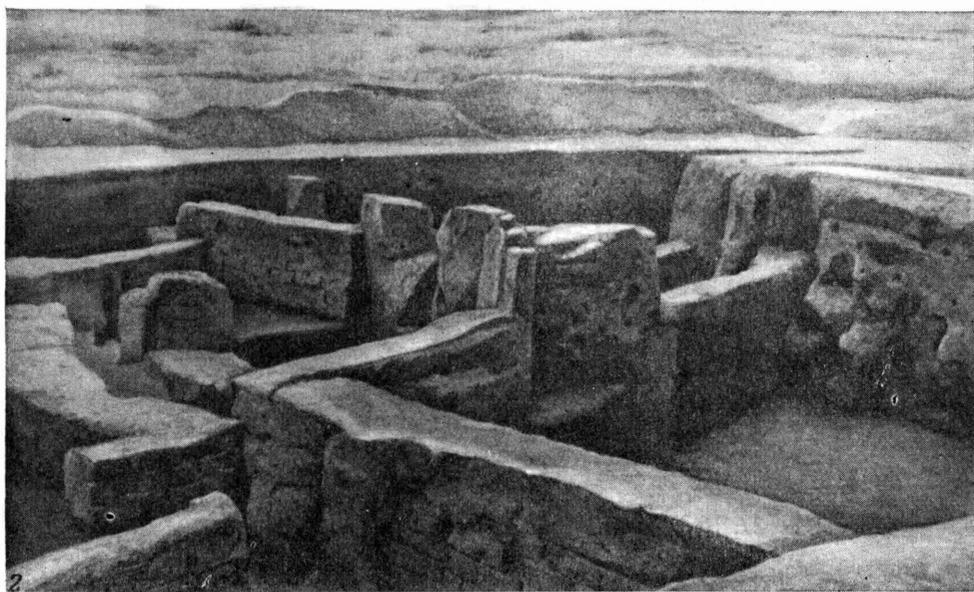

Рис. 28. Кюль-тепе. Круглое жилище с глинобитным основанием стены (1). Кара-тепе. Вид северо-восточной части раскопа (2).

с примесью в глине соломы или травы. Однако эта керамика отличается от сосудов из Кюль-тепе широким распространением росписи и некоторыми формами.

Более близка керамике слоя М по росписи и по содержанию соломы в тесте, по-видимому, керамика верхнего слоя холма Шамирамалти (теперь Тилки-тепе, около Вана), исследованного в 1899 г. В. Белком, в 1937 г. — Е. Б. Рейли, а в 1939 г. — К. Лэком⁸. Очень существенный вопрос о соотношении четвертого слоя Кюль-тепе с разрезами Геой-тепе и Тилки-тепе может быть разрешен по получении новых дополнительных материалов.

На холме Узерлик-тепе продолжались и закончены раскопки, начатые в 1954 и 1955 гг.⁹

В 1956 г. в южной части раскопа был прирезан дополнительный участок для вскрытия продолжения оборонительной стены из сырцового кирпича. Стена прослежена до ее перекрытия дорогой, проходящей вдоль современного кладбища, занимающего всю верхнюю часть холма. Теперь уже совершенно очевидно, что эта стена толщиной около 2 м опоясывала все древнее поселение и служила для его обороны.

На площади раскопа, достигшего 484 кв. м, вскрыт нижний горизонт до материка.

Раскопки подтвердили, что поселение было обитаемо в течение длительного времени во II тысячелетии до н. э., причем можно выделить 3 хронологических периода, видимо, не разделенных существенными перерывами. Нижний слой, изобилующий врезанными в материк хозяйственными ямами (рис. 29), характеризуется наличием, наряду с грубой «кухонной» посудой, обломками коричневой, серой и черной лощеной керамики с тонким резным орнаментом (рис. 27 — 6—11). В одном из очагов встречена плавильная глиняная чашка с остатками меди на дне

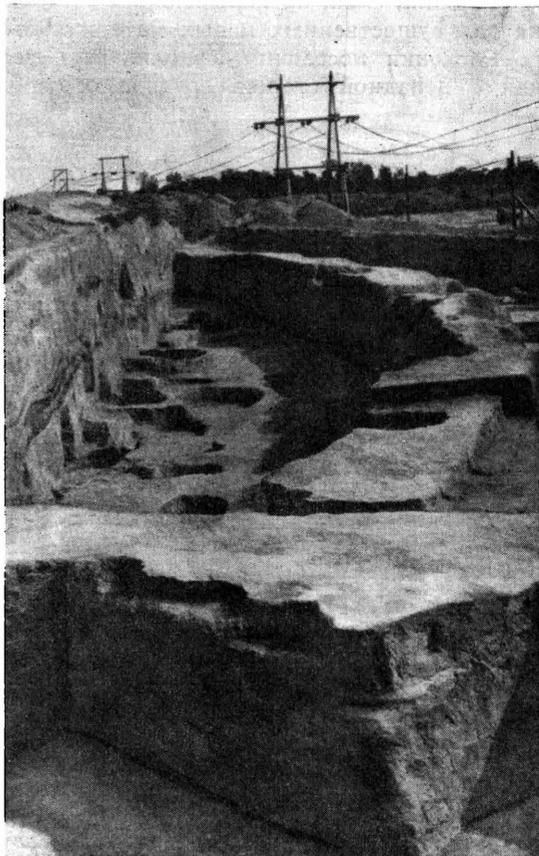

Рис. 29. Узерлик-тепе. Оборонительная стена и часть раскопа.

⁸ Материал из дилетантских раскопок В. Белка опубликован: W. A. Jenney. Schamiramalti. PZ, XIX, № 3/4, 1928, стр. 280—304; о раскопках Е. Б. Рейли мне известно по сводке: K. Bittel. Archäologische Funde aus der Türkei 1934—1938. AA, 1939, стр. 108—109; о работах К. Лэка лишь кратко упомянуто у K. Bittel. Archäologische Funde aus der Türkei im Jahre 1939. AA, 1940, стр. 584. Работами 1937 и 1939 гг. стратиграфически выделены 3 слоя, недостаточно охарактеризованных в упомянутых информациях.

⁹ К. Х. Кушнарёва. Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама. КСИИМК, вып. 69, 1957.

(рис. 30). Ко второму слою относятся оборонительная стена, вскрытая теперь на протяжении 35 м, и остатки жилых комплексов. Слои характеризуется черной лощеной и расписной керамикой с черной росписью по красному ангобу, что позволяет датировать его временем основной массы богатых курганов в Триалети и Кировакане, т. е. около середины II тысячелетия до н. э. или несколько раньше этой даты. Дальнейшее уточнение датировки должно опираться на тщательный анализ всего быстро растущего археологического материала по культуре Закавказья во II тысячелетии до н. э.

Верхний слой, перекрывающий остатки оборонительной стены, в 1956 г. не дал существенных новых материалов.

Раскопки поселения Узерлик-тепе можно считать законченными, так как с западной стороны раскоп ограничен современными кладбищем и дорогой; ниже по склону, с восточной и южной сторон находятся участки, расположенные вне древней оборонительной стены, не представляющие значительного интереса.

В дальнейшем необходимо будет искать поселение, на котором можно было бы установить стратиграфическую последовательность культуры типа Узерлик-тепе и более поздней культуры конца II тысячелетия—начала I тысячелетия до н. э., т. е. периода развитого и позднего бронзового века. Пока при наших разведочных работах в Мильско-Карабахской степи такого поселения, с поверхностным залеганием слоев, относящихся к позднебронзовой эпохе, обнаружить не удалось.

Однако в этих районах очень многочисленны холмы—тепе, на поверхности которых встречен подъемный материал I тысячелетия до н. э., особенно второй его

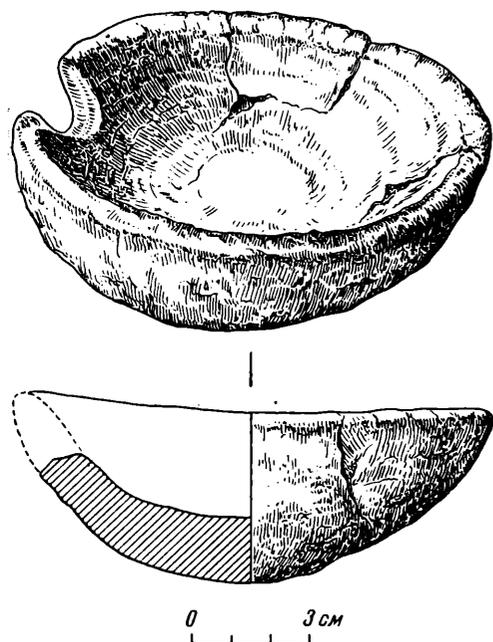

Рис. 30. Плавильная чашка. Узерлик-тепе.

половины. Одно из таких поселений—Кара-тепе, находящееся в 4 км к северо-западу от городища Орен-кала, было осмотрено в 1954 г.

Холм Кара-тепе представляет собой курганообразную возвышенность, высотой около 4 м и диаметром около 70 м. В 1954 г. пробным шурфом вскрыты остатки сырцовых кладок и культурный слой мощностью до 4 м, относящийся в нижней части к VII—V вв. до н. э., а в верхней—к III—II вв. до н. э. Эти наслоения перекрыты незначительным средневековым слоем, насыщенным материалом XII—XIII вв. В 1955 г. на холме начаты раскопки, продолженные в 1956 г. Вскрывается часть большого, сложенного из сырцового кирпича сооружения с целым рядом помещений (рис. 28—2). Площадь раскопа достигла 256 кв. м, но еще не обнаружены наружные стены здания, назначение которого пока недостаточно ясно. Кажется наиболее вероятным, что сооружение это было приспособлено для обороны. Время первоначальной постройки, по-видимому, соответствует периоду пребывания в Азербайджане, по обе стороны Аракса, скифских кочевых орд. Для истории края было бы исключительно важно выяснить, кому же принадлежало исследуемое здание—местному или пришлому,

скифскому населению. Видимо, здание было заброшено и его стены использованы для обитания в более позднее время, о чем свидетельствует заполнение помещений культурными отложениями со многими тондирами и очагами. Раскопки на Кара-тепе будут продолжены.

На городище Орен-кала, как уже упомянуто, велись только небольшие работы на раскопе IV, с юго-западной стороны городища, где в 1955 г.

Рис. 31. Клеймо мастера Фадлуна в Байлакане на бракованном сферо-коническом сосуде. Орен-кала.

открыты 4 гончарных печи IX—XII вв. н. э. Тогда же здесь среди бракованных сферо-конических сосудов, обжигавшихся в двух из этих печей, найдены обломки с клеймом мастера Фадлуна в Байлакане, что окончательно решило спор об отождествлении городища Орен-кала с древним Байлаканом. В 1956 г. найден еще один обломок с таким же клеймом (рис. 31). О работах на этом участке опубликована специальная статья Н. В. Минкевич¹⁰. Дальнейшие раскопки на городище Орен-кала обещают дать еще много нового для истории средневековой городской культуры в Азербайджане.

¹⁰ Н. В. Минкевич. К изучению ремесленного квартала города Байлакана. СА, 1958, № 4. О надписях и клеймах на керамике из Орен-кала помещена работа Л. Т. Гюзальяна в Трудах Азербайджанской экспедиции, т. I.

Л. И. АЛЬБАУМ

РАСКОПКИ БАЛАЛЫК-ТЕПЕ в 1955 году¹

В 1955 г. одним из отрядов Узбекской археологической экспедиции Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР было начато изучение археологических памятников южной части Узбекистана на территории Сурхан-Дарьинской области.

Среди большого количества памятников Сурхан-Дарьинской области, относящихся к различным периодам, нами была выделена особая группа, датируемая V—VI вв. н. э., т. е. временем начала сложения на территории Средней Азии феодальных отношений. Выявлению этой группы предшествовали разведки 1949—1952 гг., а в 1953 г. начаты раскопки развалин одного из памятников — Балалык-тепе, полностью завершённые осенью 1955 г.²

Балалык-тепе находится в 30 км к северо-северо-западу от Термеза. Помещения замка на Балалык-тепе были возведены на высокой пахсовой платформе (толщина каждого ряда пахсы — около 1 м). Стены помещений сложены из сырцового кирпича размером 50 × 25 × 10 см, 45 × 25 × 10 см. Раскопками установлено, что замок неоднократно подвергался перестройкам. По первоначальному плану он имел квадратный дворик, вокруг которого проходили коридорообразные помещения с арочными перекрытиями, выходом во внутреннюю часть дворика и 2 бойницами во внешней стене каждой комнаты.

Второй строительный период связан с закладкой ряда дверных проходов и застройкой внутреннего пространства дворика. Замок был превращен в храм. На территории дворика сооружены 3 больших комнаты и 2 коридора. Самое большое помещение имеет 10,5 м в длину и 6 м в ширину. Вдоль стен устроены лежанки (суфы), а в южной части расположен алтарь. Из помещения ведут 2 выхода: один — на север, другой, более парадный, — на запад.

На лежанках найдено большое количество разбитых и целых сосудов очень хорошего качества, покрытых сплошным лощением по красной краске, а в некоторых случаях — дополнительно красным ангобом. Тут же обнаружены части деревянных музыкальных инструментов, семена различных растений, косточки плодовых деревьев, коробочки хлопка, кусочки шелковых тканей, челюсти собак и другие предметы.

С южной и юго-западной сторон этого помещения расположена Г-образная комната. Пол и суфы были устланы камышовыми циновками.

В одном из помещений открыты настенные росписи. Это небольшая, квадратная в плане комната; длина стен ее в среднем — 4,85 м. Вдоль стен устроена лежанка — суфа шириной 1,1—1,3 м при высоте 0,35—0,4 м.

¹ Доклад на секции археологии Средней Азии, пленум ИИМК, 1956 г.

² Весной 1953 г. в работах приняли участие Л. И. Альбаум и лаборант Т. Агзамходжаев, в 1954 г. — архитектор В. А. Нильсен и художник В. Н. Кедрин.

Рис. 32. Сцена из пастешной респеси в Балаалк-теле

Поверхность стен на высоту 1,2—1,4 м от суфы покрыта живописью, изображающей сцену культового пиршества: сидящих с кубками в руках мужчин и женщин, одетых в богато орнаментированные одежды. Живопись плоскостная, но двухплановая. На первом плане изображены крупные фигуры, а на втором, в меньшем масштабе — слуги с опахалами в руках (рис. 32). Мужчины одеты в кафтаны, отороченные каймой, проходящей по нижнему краю, вдоль середины туловища по бортам и на обшлагах. Кафтаны — с треугольными правосторонними отворотами; узкая талия перетянута поясом, к которому с левой стороны подвешен небольшой нож.

Орнаментация одежды очень разнообразная — от чисто геометрического орнамента до сюжетного. Так, например, костюм одного из персонажей в центре западной стены украшен рядами кругов, а в середину каждого круга вписано изображение головы фантастического животного.

У женщин, поверх нижней одежды с широкими рукавами, на плечи наброшена накидка-халат с треугольным отворотом и каймой по краям. Эти халаты, так же как и мужские одежды, богато орнаментированы. Один из женских халатов (фигуры, находящейся на северной стене) украшен кругами, внутри которых изображены мужские головки в маленьких круглых шапочках, с пышной растительностью на лице и с серьгой в ухе. В ушах у женщин — разнообразные серьги. У большинства мужчин и женщин в руках, кроме кубков разной величины и формы, имеются какие-то предметы, напоминающие круглые зеркала с длинными ручками.

В верхних частях росписей на втором плане изображены спускающиеся разноцветные ленты; в некоторых случаях к ним подвешены бубенчики. Гамма цветов росписей не очень разнообразна: общий фон черно-синий, на нем яркими пятнами выступают фигуры, окрашенные в белые, желтые и красные тона. Благодаря тому, что фон темный, создается определенная глубина изображения — светлые фигуры как бы выступают вперед. Игре светотени, вероятно, способствовал также полумрак, царивший в помещении, так как в стенах его нет световых проемов. Перекрытие помещения, судя по сохранившимся в южной стене гнездам, было балочное; балки лежали через каждые 0,5 м; если даже предположить, что в потолке было световое окно, то и тогда света было далеко не достаточно. Источником освещения служила, возможно, курильница-лампада, обнаруженная в одном из помещений храма.

В обряде, который изображен в росписях, определенную роль, видимо, играл напиток из виноградного сока. Интересно отметить, что выжимки винограда обнаружены при расчистке полов одного из помещений. Надо полагать, что выжимки считались священными и не выбрасывались, а раскладывались по полу и затем смазывались тонким слоем глины, как это обнаружено при вскрытии полов одного из северных помещений. В центральном зале находился алтарь. Интересно, что зола из алтаря также не выбрасывалась, а сохранялась в коридоре, находящемся с восточной стороны, и в помещении — с южной.

Над росписями, по-видимому, был деревянный карниз, украшенный лепными глиняными и деревянными украшениями. От карниза сохранились следы в верхней части стен и несколько фрагментов глиняных украшений, обнаруженных в завале.

Совокупность всех данных заставляет нас предполагать, что во второй строительный период замок был приспособлен под культовое сооружение³.

Датировка Балалык-тепе устанавливается на основании изучения строительных материалов, относящихся к послекушанскому периоду, и по раскопкам на цитадели городища Хайрабад-тепе (находящегося в 5 км

³ Л. И. А л ь б а у м. Некоторые результаты изучения Ангарской группы археологических памятников за 1953—1954 гг. Известия АН УзССР, 1955, № 7, стр. 75.

к северо-западу от Балалык-тепе), где обнаружен материал, позволивший уточнить датировку памятников.

Стратиграфический разрез цитадели выявил 3 основных периода. К последнему периоду жизни на цитадели были отнесены остатки помещений, находящихся в верхней части и сложенных из сырцового кирпича тех же размеров, что и постройки Балалык-тепе. Керамика, обнаруженная в верхних помещениях Хайрабад-тепе, аналогична керамике Балалык-тепе. В этих помещениях найдены 2 серебряных монеты, одну из которых М. Е. Массон определил как типичный низкопробный дирхем среднеазиатского, эфталитского чекана второй половины V в. н. э., битый в подражание монетам Фируза (457—483 гг.). Монет, относящихся к более позднему периоду, при раскопках и на поверхности городища Хайрабад-тепе не обнаружено. На основании этого весь комплекс верхних помещений цитадели Хайрабад-тепе, а также замок и храм Балалык-тепе мы датируем не ранее, чем концом V в. или VI в. н. э.

Росписи замка Балалык-тепе имеют большое историко-культурное и художественное значение; они отражают один из этапов в развитии монументальной живописи самобытной древней культуры народов Средней Азии.

На территории Средней Азии монументальная живопись впервые обнаружена в 1913 г. В. Л. Вяткиным на городище древнего Самарканда (Афрасиабе). В 1938 г. В. А. Шишкин открыл росписи VII—VIII вв. н. э. на городище Варахша⁴. Семиреченская археологическая экспедиция в 1940 г. отметила небольшие фрагменты, датированные VIII—X вв. н. э.⁵ В 1945 г. на городище Топрак-кала обнаружена живопись древнего Хорезма, датируемая III в. н. э.⁶ Спустя 10 лет после открытия варахшских росписей, в 1948 г. были обнаружены росписи древнего Пенджикента⁷.

Памятники монументальной живописи известны и в сопредельных странах; для нас особый интерес представляет живопись Афганистана⁸ и Восточного Туркестана⁹. Эти районы, особенно Синьцзян, имели экономические и культурные связи со Средней Азией.

В живописи пещеры «меченосцев» и «художников»¹⁰ мы находим некоторые общие с Балалык-тепе черты в трактовке мужских костюмов, почти те же кафтаны с треугольными правосторонними отворотами. Некоторое сходство есть и в орнаментации тканей. При сравнении этих изображений с фигурами на росписях Балалык-тепе следует отметить, что последние выполнены тщательнее и с большим художественным мастерством.

Территория Афганистана и юг Средней Азии в первые века нашей эры входили в государство кушан, а в V—VI вв. находились под властью эфталитов. Эти политические связи отразились и на культурной общности населения Северного Тохаристана и Афганистана. Для примера можно

⁴ В. А. Шишкин. Варахша. СА, XXIII, 1955, стр. 101—130; его же. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956.

⁵ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 95.

⁶ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1947 года. ИАН, серия ист. и филос., 1948, т. V, № 2.

⁷ «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954.

⁸ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin. Les antiquités bouddhiques de Bamiyan. MDAFA, vol. II, Paris et Bruxelles, 1928; J. Hackin, J. Carl. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan. MDAFA, vol. III, Paris, 1933.

⁹ С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914; A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesischen Turkestan. Berlin, 1912; его же. Alt-Kutscha. Berlin, 1920; A. Stein. Serindia, tt. I—IV. Oxford, 1921; Le Coq. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925 и мн. др.

¹⁰ A. Grünwedel. Alt-Kutscha, табл. XIX, XX, XLVI—XLIX.

взять росписи Бамиана, где на одной из фресок, как мы считаем, изображены представители различных народов, несущих дары Будде. Среди них, судя по костюмам, помещены представители сасанидского Ирана, Индии, Северного Тохаристана, одетые в кафтаны с правосторонними отворотами, несущие в руках цветы и зеркала (?)¹¹.

Выявленный в росписях иконографический материал при его детальном изучении позволит получить новые данные для разрешения вопроса об этногенезе народов Узбекистана и Таджикистана.

Для изучения предметов торевтики также могут иметь большое значение. Сасанидское происхождение изделий торевтики, обнаруженных в основном за пределами территории Ирана, неоднократно подвергалось сомнению. Археологические памятники на территории Средней Азии в дореволюционный период оставались малоизученными, поэтому серебряные или золотые вещи, обнаруженные на территории России, считались произведениями «сасанидского» искусства. В. В. Бартольд еще в 1922 г. указывал на возможность сложения на территории Средней Азии под воздействием Индии и Дальнего Востока культуры, отличной от культуры Среднего Востока, которая сама могла влиять на культуру переднеазиатских стран¹². В изучении восточного серебра значительную роль сыграла работа Я. И. Смирнова, опубликовавшего большое количество различных серебряных сосудов¹³. Часть из них К. В. Тревер позднее выделила как предметы греко-бактрийского искусства¹⁴.

Предположение о среднеазиатском происхождении некоторых предметов торевтики высказал еще в 1924 г. И. А. Орбели¹⁵. В 1938 г. на этот вопрос обратил внимание С. П. Толстов¹⁶, а позже — А. И. Тереножкин¹⁷ и другие исследователи. Особенно подробно на этом остановился М. М. Дьяконов, который на основании аналогии изображений в росписях Пенджикента с предметами торевтики определенную их группу относит к согдийскому искусству¹⁸.

Открытие росписей Балалык-тепе позволяет изменить дату одной из групп изделий торевтики, а другую, приписывавшуюся до настоящего времени искусству сасанидов, можно отнести к произведениям среднеазиатского искусства.

Остановимся на описании чаши с изображением «свадебной сцены»¹⁹. С внутренней стороны поверхность сосуда гладкая, а с наружной — покрыта рельефным рисунком. Вокруг центрального медальона, изображенного на поддоне чаши, расположен ряд фигур. Основную группу составляют сидящие на коврикe мужчина и женщина (рис. 33—1). Мужчина изображен слева от женщины совершенно в той же позе, как одна из мужских фигур на росписях Балалык-тепе (рис. 33—2); в одной руке его — кубок, вторая опущена на бедро и придерживает ножны. Кафтан повторяет одежду, известную по росписям, — тот же треугольный

¹¹ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin. Указ. соч., стр. 23—24, табл. XXIII.

¹² В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос. Изв. РАИМК, т. II, Пгр., 1922, стр. 361.

¹³ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909.

¹⁴ К. В. Тревер. Проблема греко-бактрийского искусства. Труды III Конгресса по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939; ее же. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.

¹⁵ И. А. Орбели. Сасанидское искусство. «Восток», кн. 4, 1924.

¹⁶ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4, (5), стр. 139.

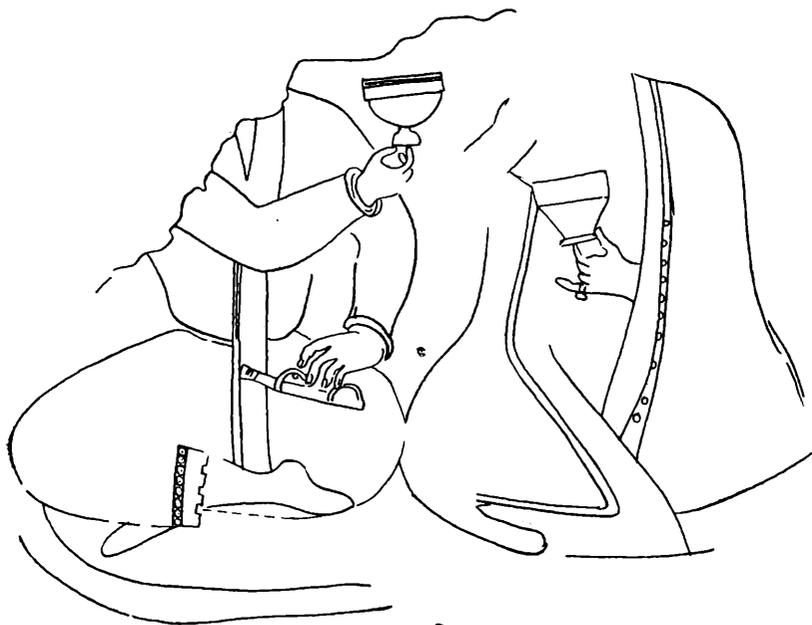
¹⁷ А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма. «Искусство», 1939, № 2.

¹⁸ М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. В кн. «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, стр. 134—139.

¹⁹ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. XXXVIII, № 67; К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 81, табл. 18—21. Хранится в Эрмитаже.

1

2

Рис. 33. Свадебная сцена на чаше (1) и фигуры из росписей в Балалык-тепе (2). Прорисовки.

правосторонний отворот с каймой, талия перетянута поясом. На голове мужчины — шапочка или волосы, закрывающие уши; на шее — гривна. Изображение женщины также аналогично фигурам росписей: широкое овальное лицо, пухлые губы, на шее — бусы; на плечи наброшен плащ с правосторонним отворотом; правая рука, с каким-то предметом в ней, высовывается из-под плаща, левая — приподнята, причем указательный и средний пальцы вытянуты вверх так же, как у одной из фигур росписей (рис. 32). Все это указывает на тождество изображений на росписях Балалык-тепе и на чаше.

М. М. Дьяконов²⁰ в свое время высказывал сомнение в правильности прежней датировки чаши, основанное на характере вырезанной до позолоты

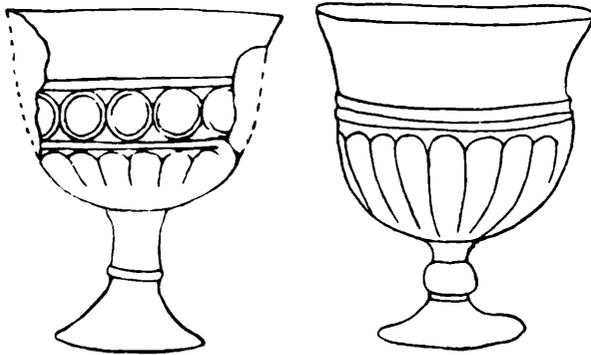

Рис. 34. Кубки из с. Малая Перещепина.

надписи; он датировал ее периодом не ранее VI в. Теперь эта датировка получила веское подтверждение. Явное сходство изображений основных фигур росписи и чаши позволяет, как нам кажется, изменить датировку чаши и определить ее не I в. н. э.²¹, а V—VI вв., т. е. временем существования росписей Балалык-тепе.

Вторую группу предметов торевтики, которой мы хотели бы коснуться, составляют золотые и серебряные кубки, обнаруженные в 1911 г. в с. Малая Перещепина, Полтавской губернии²². Кубки, изображенные на росписях Балалык-тепе, имеют аналогичную форму и орнаментацию (рис. 34). На основании сопоставления изображения кубков на росписях Балалык-тепе с найденными в Перещепиной, можно поставить вопрос о среднеазиатском происхождении последних.

Таким образом, росписи и материалы, собранные при раскопках храма Балалык-тепе, уточняют общие представления об идеологии населения Северного Тохаристана; изучение иконографического материала может дать новое для разрешения проблемы этногенеза узбекского и таджикского народов в V—VI вв. н. э. Росписи позволяют также уточнить датировку некоторых изделий торевтики и, возможно, отнести часть их к предметам среднеазиатского искусства.

Обнаруженные в Балалык-тепе росписи служат связующим звеном между монументальной живописью Восточного Туркестана и Северного Афганистана, с одной стороны, и монументальной живописью Средней Азии, — с другой. Они дают новый материал для изучения местной школы среднеазиатской монументальной живописи.

²⁰ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 139.

²¹ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 87.

²² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 60.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

РАБОТЫ ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
в 1956 году *

В 1956 г. Таджикская археологическая экспедиция работала в составе 9 отрядов.

1. Палеолитический отряд (начальник отряда — А. П. Окладников) ¹ продолжал исследования палеолитических местонахождений в Кайрак-Кумах и соседних районах Ферганской долины.

Выявлены новые местонахождения, давшие обильный материал, относящийся к ашельско-мустьерскому времени. В работах приняли участие геологи Ю. А. Скворцов и Г. Ф. Тетюхин, которые помогли разобраться в геологической обстановке района исследований.

Осеню работы отряда были продолжены в районе г. Сталинабада, где обнаружено несколько новых местонахождений, относимых к гиссарской культуре, с обильными находками каменных изделий, главным образом галечных нуклеусов. Затем была осуществлена поездка в Куляб. Здесь открыто несколько новых памятников культуры, близкой гиссарской. Особенно интересны 2 поселения (у поселка Тоткаул и у колхоза имени Димитрова), в которых вместе с галечными нуклеусами и обработанным кремнем найдены грубая лепная керамика и примитивные зернотерки. Среди кремневых изделий есть превосходные призматические нуклеусы и соответствующие им пластины. Таким образом, устанавливается наличие в бассейне рр. Вахша и Пянджа памятников неолита или ранней бронзы, обладающих своеобразными чертами культуры древнейших земледельцев и скотоводов горных районов Таджикистана.

Выделенная из состава отряда группа (руководитель — В. А. Ранов) провела дообследование палеолитических местонахождений на правом берегу р. Сыр-Дарьи. Открыто 4 пункта, на которых собран значительный материал; часть его относится к мустьерскому времени, другая — к более ранним этапам нижнего палеолита. Для датировки раннего комплекса кайрак-кумских коллекций очень важна находка вблизи мазара Ходжи-Ягона рубила ашельского типа.

Интересный материал, в том числе превосходные пластины леваллуа мустьерского типа, собран на новооткрытом, самом западном местонахождении Кайрак-Кумов — у оз. Шор-куль.

2. Во время работ Памирского отряда (начальник отряда — А. Н. Бернштам) группе впервые удалось обнаружить стоянки каменного века на Восточном Памире. Зафиксировано 6 местонахождений, расположенных на террасах рек Ак-су, Ак-байтал и др. Наиболее обильны сборы на стоянке Каратамшук вблизи поселка Тахтамыш.

* Составлено по предварительным отчетам начальников отрядов.

¹ Отряд работал в составе В. Ранова, Э. Абрамовой, В. Ларичева, В. Сенчукова и геологов Г. Тетюхина, Ю. Скворцова.

Среди подъемного материала — нуклеидные гальки, ножевидные пластины, нуклеусы-скребки, концевые скребки и т. д.

В целом материалы, найденные на Восточном Памире, близки выделенной А. П. Окладниковым гиссарской культуре, однако наличие некоторых архаичных вещей позволяет считать памирские каменные орудия более ранними. Они, по-видимому, относятся к неолиту и могут быть сближены с позднепалеолитическими и неолитическими материалами Монголии, Забайкалья и, возможно, Восточной Сибири.

3. Кайрак-кумский отряд (начальник отряда — Б. А. Литвинский)² производил исследования в урочище Кайрак-Кумы (правый берег р. Сыр-Дарья, между городами Ленинабадом и Канибадамом), продолжая стационарные исследования и разведочные работы по изучению поселений эпохи бронзы и раннего железа, открытых в 1954 г. А. П. Окладниковым.

Велись раскопки в пункте № 12, где вскрыто углубление, заполненное культурным слоем (землянка?).

Разведочным маршрутом пройдено свыше 500 км; в результате открыто более 30 новых пунктов с остатками поселений эпохи бронзы и раннего железа. Большой интерес представляют остатки рудоплавильного центра, отмеченного вблизи поселений.

подавляющая часть материалов, полученных здесь, обнаружена на поверхности такыров. В условиях пустыни, вследствие разрушительной деятельности постоянных ветров, культурные остатки эпохи бронзы и раннего железа полностью обнажены.

Среди находок — большое количество керамики (фрагментированной), позволяющей выделить несколько типологических групп; некоторое количество бронзовых вещей; большая коллекция бронзовых и каменных наконечников стрел.

Впервые для этой части Ферганы удалось обнаружить могильник эпохи бронзы (вблизи кишлака Дохана, Аштского района).

Кайрак-кумская культура бронзы может быть выделена в самостоятельную культуру, генетически связанную с открытой в том же районе якертской культурой раннежелезного века.

4. Отряд по изучению памятников кочевников Северного Таджикистана (начальник — Б. А. Литвинский)³ вел раскопки на окраине г. Исфары, близ кишлака Навгилем (могильник Усть-Мукло и Калангар-хона).

Работа являлась продолжением археологического изучения курганных могильников Северного Таджикистана, начатого в 1952 г. Вскрыто около 40 курганов и собрана большая коллекция глиняных сосудов, бронзовых и железных изделий. Керамика представлена преимущественно узкогорлыми горшками с грушевидным, сферическим и овально-вытянутым туловом. Следует отметить также тонкостенные красно- и сероглиняные чашки, фляги-мустахара, сосуды с «даваньским» прочерченным и процарапанным орнаментом и маленькие глиняные сосудики. Среди железных изделий — ножи с прямым и кривым лезвием, наконечники стрел и другие предметы. Интересны бронзовые зеркала с ручками, бронзовая витая булавка, костяная обкладка лука.

Полученный материал имеет важное значение для решения вопросов, связанных с жизнью племен и народностей Северного Таджикистана в первой четверти I тысячелетия н. э.

5. Основными работами Ходжентско-Усрушанского отряда (начальник отряда — Н. Негматов) были раскопки главного холма городища II в Шахристане. В 1955 г. здесь был раскопан верхний ярус холма, представляющий собой остатки четырехкомнатного здания. Центральное и

² В работе отряда принимали участие Э. А. Гулямова, В. В. Ранов.

³ Состав отряда: Э. А. Гулямова, В. А. Ранов, И. А. Беленицкая.

переднее помещения были украшены настенной многокрасочной росписью по штукатурке. Деревянное плоское перекрытие и колонны центрального помещения украшены разнообразной резьбой — геометрическим и растительным орнаментом и изображениями человеческих и фантастических фигур. Здание погибло в результате пожара, который уничтожил почти полностью настенные росписи. Однако фрагменты обуглившегося резного дерева сохранились вполне удовлетворительно.

В 1956 г. вскрыты средний и часть нижнего ярусов. Средний ярус здания расположен на выровненной площадке восточного ската холма. Комплекс включает длинный коридор (около 11 м длины), идущий с севера на юг, небольшое продолговатое помещение со своеобразной жаровней-очагом (кухню), помещение хозяйственно-жилого назначения с широкими суфами вдоль южной и западной стен. Стены помещений верхнего яруса возведены целиком из продолговатых сырцовых кирпичей (в среднем — $52 \times 26 \times 11$ см), а стены среднего яруса — из крупных глинобитных блоков. Комнаты среднего яруса были перекрыты сводами. В южном конце коридора — пандус, ведущий на крышу дома. На северном конце — второй пандус, соединяющий этот ярус одновременно с верхним и нижним.

Нижний ярус дома расположен на уровне поверхности двора у восточного подножия холма. Здесь полностью вскрыто большое помещение со сводчатым перекрытием, от которого сохранились пяты свода. Три проема из помещения выводят во двор (на север), в пандус (на запад) и в комнату нижнего яруса, расположенную к югу.

Из находок 1956 г. следует отметить обломки железных ножей, целые и фрагментированные кухонные глиняные котлы, неполивные чираги, поливной горшок (бледно-синего цвета) с ручкой-петелькой, кувшин, несколько крупных сосудов и кожаную заготовку для сапога. Но особенно важна находка под сохранившимися сводами двух пролетов пандуса костных остатков от 67 человеческих костяков. Извлечено 50 целых черепов. Вместе с костями обнаружены глиняные сосуды. Археологические наблюдения свидетельствуют о том, что массовое захоронение трупов произошло одновременно с пожаром здания. Весь полученный материал (роспись, резное дерево, керамика), так же как и архитектура, датируются VII—VIII вв. или началом IX в.

Помимо указанных работ, в Шахристане на юго-западном холме городища I был заложен раскоп, которым вскрыт длинный коридор (16 м длины). В стенах коридора на север и на юг зачищено 8 дверных проемов, ведущих в не раскопанные еще помещения.

В том же полевом сезоне производилась работа в городе Ленинабаде (средневековом Ходженте) и в его окрестностях. На территории города заложены шурфы № 8—11. Они дали позднесредневековую керамику и свидетельствуют о росте города в северо-восточном направлении, в сторону Сыр-Дарьи.

В 8 км к востоку от Ленинабада на правом берегу Сыр-Дарьи зачищены сильно размытые силевыми водами остатки постройки типа каравансарая с обширным двором. Собрано много разнообразной неполивной керамики; в небольшом количестве есть фрагменты позднеантичной посуды, красноглиняной, с ангобом и небрежным лощением. Кроме того, разведками зафиксировано около 40 памятников (тепе и комплексов тепе) в Шахристанском и Ура-тюбинском районах.

6. Пенджикентский отряд (начальник отряда — А. М. Беленицкий)⁴ основное внимание сосредоточил на исследовании восточной части Шахри-

⁴ Состав отряда: Б. Я. Ставиский, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, К. Г. Большакова, В. Л. Луконин, Е. Зеймаль, П. И. Костров, Е. Г. Шейнина, М. П. Винокурова.

Рис. 35. Пенджикент. Деталь росписи. Объект VI.

Рис. 35. Пенджикент. Деталь росписи. Объект VI.

стана — объектов III, VI, VIII. На первом из них продолжались раскопки по восточному фасаду, где ранее был открыт парадный айван. В 1956 г. вскрыт ряд новых помещений, идущих дальше на юг вдоль фасадной стороны. Помещения эти бытовые. В северной части объекта уточнен план нескольких помещений, раскопки которых были начаты в предыдущем году.

Очень интересны результаты раскопок в южной части объекта, где открыт еще один квадратный зал (седьмой на этом объекте), погибший во время пожара. Здесь сохранилось в обугленном виде много деревянных архитектурных деталей. Удалось полностью закрепить одну из колонн, на которых покоилось перекрытие, — начиная от базы и до резной капители включительно. Таким образом, мы получаем полное представление о форме и резьбе доаравской деревянной колонны в Согде.

Объекты VI и XIII практически слились. Оба они, как можно сейчас полагать, составляли единый, очень крупный массив (квартал) города. Здесь вскрыто около двух десятков новых помещений. Исключительно интересно помещение № 41 (объект VI), где открыты замечательные памятники живописи. Это крупный квадратный зал площадью более 60 кв. м, раскопанный сейчас приблизительно на $\frac{2}{3}$ всей площади. Впервые открыты участки росписи, по которым мы можем судить о первоначальной ее высоте. В северо-западном углу она достигает почти 3,5 м. Живописное покрытие стен делилось на 4 яруса, из которых нижние три сохранились на всю первоначальную высоту; верхний, четвертый уцелел лишь частично. В третьем ярусе представлены сцена боя и сцена проводов двух всадников. Особо интересна роспись второго (снизу) яруса. На открытых участках стен — северной и западной — развертывается композиция, состоящая из ряда эпизодов, в которых участвуют в различных ситуациях одни и те же персонажи. Сюжет мифологический. Центральные эпизоды изображают борьбу героев с чудовищами — девом или драконом (аждахо), представленным в виде гибридного существа с головой льва, человеческой (женской) половиной туловища и хвостом змеи (рис. 35).

В несколько худшем состоянии нижний, первый ярус. Однако по содержанию он, пожалуй, наиболее интересен. Весь ярус делился на множество отдельных небольших сценок. Первоначально таких сценок было, по меньшей мере, около 30. Но их можно будет полностью выявить лишь после камеральной обработки живописи. В нескольких местах поверх росписи обнаружены 4 надписи на согдийском языке.

Всего снято со стен в этом сезоне более 20 кв. м живописи. Напомню, что помещение вскрыто лишь частично и можно ожидать немало находок интересных фрагментов.

Помимо раскопок на перечисленных объектах, продолжались исследования нижнего горизонта (Пенджикента I) на XII объекте, открытом в 1955 г., которые дали новые, ценные наблюдения.

В 1956 г. в работу Пенджикентского отряда включился Сталинабадский республиканский музей. Опыт совместной работы оказался успешным. На новом объекте (XIV), где начаты раскопки на средства музея, вскрыт комплекс жилых помещений с интересной четкой планировкой. Прослежены новые архитектурные детали, в частности оригинально оформленной культовой (?) ниши, очагов и т. п. Местоположение объекта вблизи городской стены дает возможность приступить к систематическому изучению фортификационной системы (стен, башен и ворот).

Раскопки 1956 г. дали много интересных находок. Как и в прошлые годы, встречено много керамических изделий, монет, железных и медных поделок. Обнаружено несколько терракот (рис. 36). Особо следует отметить крупные налепы в виде женской и мужской головок. Последняя украшена венком из виноградных побегов — мотив, неожиданный в мелкой

Рис. 36. Терракотовые изделия. Пенджикент.
1 — савв сосуда; 2 — головка лошади; 3 — головка-налеп на сосуде.

скульптуре для кануна арабского завоевания. Уникальна находка бронзовой печати с четкой надписью на согдийском языке, — по-видимому, с именем и титулом владельца дома (рис. 37).

В целом работы подтвердили, что городище древнего Пенджикента исключительно интересно как памятник древней высокой культуры таджикского народа.

7. Кобадиянский отряд (начальник отряда — А. М. Мандельштам)⁵ провел небольшие раскопки на «Каменном городище», расположенном у слияния рр. Вахша и Пянджа. Этот памятник скрывает остатки какого-то крупного сооружения из тесаного камня: отдельные фрагменты архитектурных деталей лежат на поверхности городища и, как показали раскопки, использовались в фундаментах и стенах построек верхних слоев. Городище оказалось очень сложным по стратиграфии; в исследованной части выделяется не менее 4 строительных периодов.

В результате работ уточнены некоторые вопросы хронологии, более четко выявлены черты отдельных этапов кушанского периода.

Отрядом было проведено также предварительное исследование отдельных памятников в южной части долины р. Кафирнигана. На одном из тепе (Тулхор) в шурфе в комплексе, относящемся к кушанскому периоду, найден черепок с нанесенным на нем черной краской рисунком (сценой охоты?), очень сходным по стилю с некоторыми наскальными изображениями.

8. Кафирниганский отряд (начальник отряда — А. М. Мандельштам)⁶ продолжал исследование могильника Арук-Тау I в Бишкендской долине. Могильник, как показало более пристальное его изучение, делится на 2 части — южную и северную, из которых вторая больше первой и по занимаемой территории, и по числу курганов.

В 1956 г. был раскопан 81 курган. В подавляющем большинстве из них под насыпями обнаружены погребения в подбоях — в западной стенке прямоугольной ямы, вытянутой с севера на юг с некоторыми отклонениями. Костяки лежали вытянуто, на спине, головой на север; лицо обращено в большинстве случаев на запад, но иногда вверх или на восток. Удалось извлечь более 10 черепов, сравнительно хорошо сохранившихся.

Сопровождающий инвентарь состоял главным образом из керамики: один или два (очень редко — три) глиняных сосуда стояли в изголовье. Основную массу посуды составляли кувшины; при этом закономерным оказалось сочетание кувшина с бокаловидным сосудом, перевернутым и покрывавшим кувшин. В погребениях найдены бронзовые серьги, браслеты, перстни, пряжки, гвоздики, различные бусы. Железные изделия встречены в ограниченном количестве. В одном детском погребении обнаружены золотые серьги с алебастровыми вставками, окрашенными под золото.

Полностью подтвердилось сделанное в 1955 г. наблюдение, что на западной окраине могильника преобладают кенотафы; как оказалось, они здесь нескольких видов, что особенно интересно.

В нескольких курганах вскрыты погребения на древнем горизонте, причем в 3 случаях — скорченные, сопровождавшиеся посудой иных форм, чем в основной массе. Есть основания относить эти захоронения к несколько иному периоду.

Несмотря на сравнительно большое количество находок, вопрос о датировке могильника еще не вполне ясен. В рамках существующей хроно-

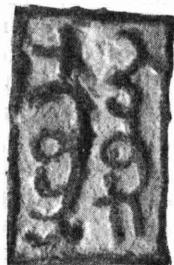

Рис. 37. Бронзовая печать. Пенджикент.

⁵ Состав отряда: Е. А. Мончадская, И. А. Зайтов.

⁶ Состав отряда: Т. П. Кияткина, Е. Д. Салтовская и Г. В. Свинцова.

логической схемы, разработанной М. М. Дьяконовым и подкрепленной материалами раскопок 1953 г. на городище Кей-кобад-шах, керамика из могильника Арук-Тау I должна быть отнесена ко времени после II в. н. э. Уточнение датировки особенно важно, ибо могильник приобретает перво-степенный интерес как памятник так называемого «темного периода» в истории Средней Азии.

Наряду с работами на Арук-Тау I велись раскопки на небольших могильниках, лежащих в западной части Бишкендской долины. Однако из 17 раскопанных курганов ни один не содержал сохранившегося полностью погребения: преобладающими оказались кенотафы, прочие же были ограблены в древности.

9. Отряд по составлению археологической карты (начальник отряда — Б. А. Литвинский)⁷ проводил стационарные исследования, помимо мелких выездов, связанных с археологическими находками или строительными работами, в процессе которых отмечаются те или иные находки или памятники (Орджоникидзеабадский район, Гиссарский район и г. Сталинабад). На тепе Кафыр-кала был заложен разведывательный раскоп, обнаружено большое количество керамики и несколько медных монет с круглым отверстием посередине.

Близ районного центра Шахринау, на тепе Хаит-Гуше тоже был заложен разведывательный раскоп. Керамика здесь относится к позднекушанскому времени. В шурфе обнаружен также фрагмент базы (колонны) из белого мраморного камня.

10. Восточнопамирский отряд (начальник отряда — А. Н. Бернштам)⁸ работал на Акбейтском могильнике сакского времени (V—III вв. до н. э.). Вскрыто более 20 курганов и собран большой материал для характеристики культуры сакского периода. Отряд провел разведку по Западному Памиру, где были обнаружены многочисленные наскальные изображения. Кроме того, в Алайской долине велись раскопки на могильнике Кара-Уван и Чан второй половины I тысячелетия до н. э. и продолжались исследования Дараут-курганского селища, также относящегося к этому периоду.

В целом следует подчеркнуть, что работами Таджикской археологической экспедиции за 1956 г. внесен новый, большой вклад в дело дальнейшего археологического изучения территории Средней Азии. Особенно важно открытие новых памятников каменного века и эпохи бронзы. Остатки поселений эпохи бронзы, исследованные в Кайрак-Кумах, заполняют важную лауну в изучении первобытно-общинного строя и представляют интерес, далеко выходящий за пределы территории собственно Северного Таджикистана. Открытие это должно рассматриваться как успех, достигнутый в результате той систематичности, с которой обследуется территория Таджикской ССР за последнее десятилетие.

Большое значение приобретают и результаты раскопок могильника Арук-Тау в низовьях р. Кафирнигана, материалы которого характеризуют остающийся до сих пор «темный период» (III—V вв.) в истории Средней Азии.

Весьма важный материал получен и в Пенджикенте. Новые памятники искусства, открытые здесь, по содержанию и художественной ценности подтверждают значение древнего Пенджикента как замечательного центра художественной культуры Средней Азии в раннем средневековье.

⁷ Состав отряда: Т. И. Зеймаль, Э. А. Гулямова.

⁸ Состав отряда: Г. Г. Бабанская, Ю. А. Заднепровский, В. А. Ранов.

С. С. ЧЕРНИКОВ

РАБОТЫ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ в 1956 году

В 1956 г. Восточно-Казахстанской экспедицией закончены археологические работы в зоне затопления при Бухтарминской ГЭС¹.

В задачи экспедиции входило окончание раскопок поселений у деревень Усть-Нарым и Трушниково, раскопки курганного могильника Усть-Буконь (не обследованного в прошлые годы), исследование могильника Кула-Журга и выяснение условий залегания палеолитических орудий в галечниках р. Нарыма.

1. Поселение у дер. Усть-Нарым². Установлено, что поселение трехслойное. Нижний, очень четко выраженный слой относится к неолиту, средний — к раннему этапу андроновской культуры и верхний — к послеандроновскому. Поселения андроновского и послеандроновского периодов были небольшими, видимо, кратковременными и стратиграфически почти не различаются.

В неолитическом слое обнаружены 8 очагов в виде круглых вымоеток из небольших камней, многочисленные круглые ямы (в материке) глубиной до 0,8 м, темные пятна и отдельные скопления костей животных. Отчетливых следов каких-либо построек, в отличие от прошлых раскопок, — нет. Интересно, что почти на материке обнаружены длинные и узкие, с очень малым количеством находок полосы и площадки плотно убитой земли, в которых можно предполагать тропинки, утопанные жителями поселения.

Насыщенность слоя очень велика. Так, например, одних кремневых отщепов без ретуши только в 1956 г. зарегистрировано около 40 000, что окончательно подтверждает высказывавшуюся раньше мысль о наличии здесь крупной мастерской по изготовлению каменных орудий, которых найдено свыше 15 000. Наибольший процент их составляют скребки различных форм, ножевидные пластины (частично с ретушью) и призматические нуклеусы. Обнаружены в большом количестве ножи на массивных пластинах с закругленным и острым концом, прямые лезвия на отщепах, обломки наконечников копий, наконечники стрел и дротиков, ретушированные вкладыши, проколки и отщепы с ретушью.

Из отдельных находок упомянем основания рыболовных крючков китойского типа (один — из камня, другой — из кости); так называемые

¹ Экспедиция работала в составе 4 отрядов: 1) Усть-Нарымский (раскопки неолитического поселения, руководитель — И. М. Павлюченко); 2) Трушниковский (раскопки андроновского поселения, руководитель — А. Н. Богданова); 3) Курганский (руководитель — А. М. Оразбаев); 4) Палеолитический (руководитель — А. А. Крылова).

² Всего за 1952—1956 гг. вскрыто около 900 кв. м.

«утюжки» или «выпрямилки» с одним или двумя поперечными зашлифованными желобками, иногда с линейным орнаментом; обломок каменного топорика с пришлифованным краем, заготовку массивного клиновидного топора, костяную проколку, обломок костяного ножа и каменные подвески с отверстием (рис. 38 и 39).

Керамика, как и в прошлые годы, встречалась лишь в мелких обломках, не позволяющих судить о форме сосуда. Черепки тонкостенные, тесто — с большой примесью мелких чешуек слюды. Орнамент в виде горизонтальных линий, коротких оттисков «елочки» и др., нанесен главным образом гребенчатым и гладким штампом.

Материал, окончательно далеко еще не обработанный, позволяет уже сейчас с полной определенностью говорить о наличии новой неолитической культуры не известного до сих пор облика. Отдельные аналогии можно найти в Забайкалье (широкие вкладыши, рыболовные крючки, некоторые формы ножей), в Туркмении (наконечники стрел) и в Приуралье (костяной вкладышевый кинжал), однако общий облик всего инвентаря имеет своеобразный, местный характер, не позволяющий отнести этот комплекс к уже известным неолитическим культурам. Орнаментация керамики позволяет ставить вопрос о генетической связи культуры Усть-Нарыма с андроновской, что особенно важно в связи с неясностью происхождения последней. Интересно, что и антропологический тип погребенного в этом слое человека — европеоидный, доандроновский (раскопки 1954 г.)³. Неолит Усть-Нарыма, — несомненно, поздний, может быть, даже уже энеолит и предположительно пока датируется концом III тысячелетия — началом II тысячелетия до н. э.

К раннеандроновскому слою относится шалашеобразное жилище⁴. В 1956 г. в этом же слое найдены большое количество керамики раннеандроновского типа, зернотерки, 2 костяных «тупика», обломок широкого бронзового ножа казахстанского типа и бабка (лошади) с просверленными 5 углублениями с одной стороны и двумя — с другой, — наверное, антропоморфное изображение. Несмотря на большую площадь раскопа, остатков второго жилища не обнаружено. Вероятнее всего, здесь было временное летнее поселение, судя по многим находкам сельскохозяйственных орудий.

К верхнему слою относятся остатки квадратного в плане сооружения с большим количеством золы. Среди находок — зернотерка с курантом, керамика, представленная обломками больших сосудов с выпуклыми стенками, орнаментированных насечками, вдавлениями, «жемчужинами», врезными линиями и т. п.

Подобная же керамика встречена в Мало-Красноярке и Трушникове, что позволяет датировать слой послеандроновским временем. При раскопках поселения обнаружены 4 погребения; три — без вещей, в четвертом при скелете найден точильный камень с отверстием; на камне лежал железный нож. У головы захороненного обнаружено 5 каменных бусинок. Погребение можно датировать последними веками до нашей эры.

2. Поселение у дер. Трушниково. Был расширен на восток и запад раскоп 1955 г. для выяснения оконтуренного тогда андроновского жилища. С восточной стороны обнаружен ряд хозяйственных ям, с западной — большое прямоугольное углубление, несомненно, также служившее жилищем, но без ям для столбов, которые четко прослеживались в находящемся рядом андроновском жилище. В углублении и близости от него встречено много керамики с орнаментами, не характерными для андронов-

³ В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. Антропологический сборник АН СССР, М., 1956, стр. 240.

⁴ Жилище вскрыто в 1952 г. См. С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 47.

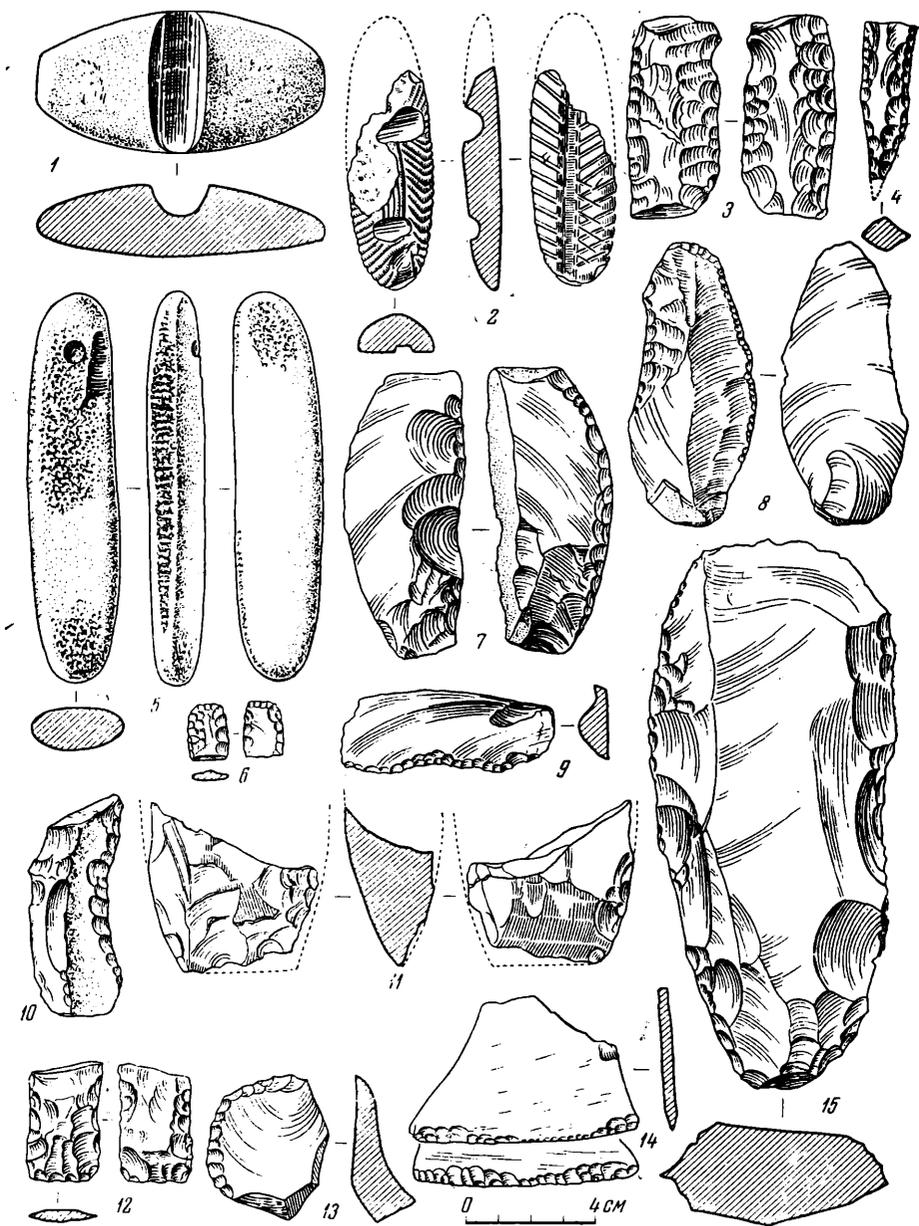

Рис. 38. Каменные предметы из неолитического слоя поселения у дер. Усть-Нарым.

1 — «выпрямляка» или «утюжок»; 2 — «выпрямляка» с орнаментом и продольным желобком; 3, 9, 10 — ножевидные пластины с ретушью; 4 — массивная проколка; 5 — ретушер со следами работы и высверленным углублением; 6, 12 — ретушированные вкладыши; 7, 8 — кремневые ножи; 11 — обломок топора с подшлифованным лезвием; 13 — скребок; 14 — пластина с прямым ретушированным краем; 15 — заготовка топора.

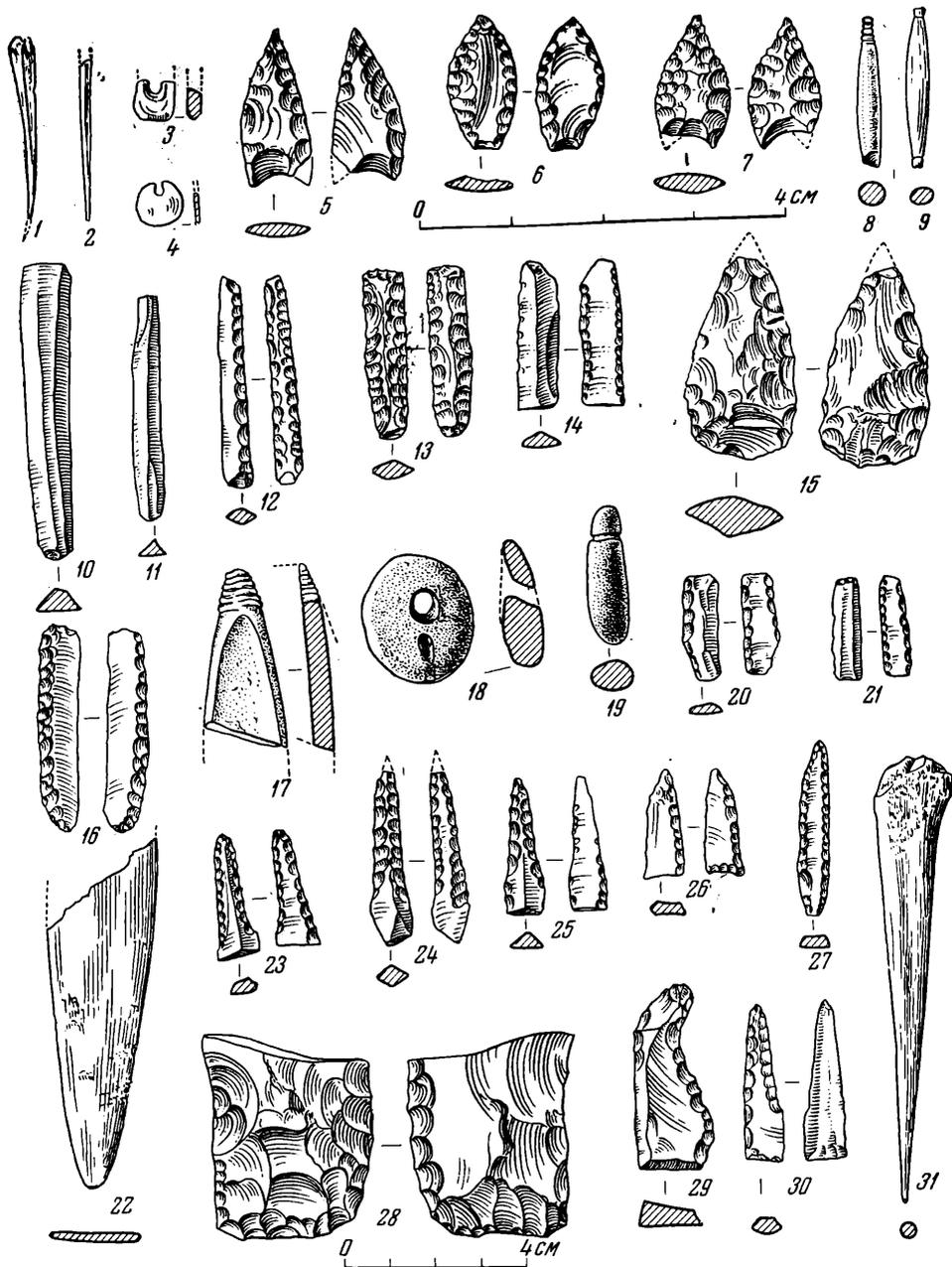

Рис. 39. Костяные и каменные предметы из неолитического слоя поселения у дер. Усть-Нарым.

1, 2 — костяные острья; 3, 4 — каменные подвески; 5—7 — кремневые наконечники стрел; 8, 9 — основания рыболовных крючков; 10, 11 — пластины без ретуши; 12—14, 16, 20, 21 — пластины с ретушью; 15 — заготовка для наконечника стрелы; 17 — обломок костяного орудия; 18, 19 — каменные грузила; 22 — обломок костяного ножала; 23—27, 30 — кремневые проколки; 28 — обломок наконечника копья; 29 — кремневое орудие с вогнутым лезвием; 31 — костяное шило.

ской культуры, — зашпы и ямки на венчике, сетка из врезанных линий, крупные «жемчужины», косые кресты из коротких оттисков, волнистые вертикальные линии в различных сочетаниях. Найдены и целые сосуды, также неандроновских типов. Характерно, что вся эта керамика концентрируется главным образом в районе второго жилища, андроновская же преобладает в первом и южнее его. Необходимо, однако, заметить, что четкого разграничения нет, и керамика обоих типов встречена в большем или меньшем числе во всех раскопанных квадратах. Найдено также большое количество каменных пестиков, терок, мотыг, зернотерок с курантом, «тупик», точильный брусок с отверстием, поделки из кости и рога, обломок широкого бронзового ножа казахстанского типа и бронзовая иголка. Особенно интересны роговая бляшка с тончайшим циркульным орнаментом (рис. 40—4) и фрагмент золотой серьги андроновского типа (рис. 40—5).

Судя по керамике, поселение бытовало дважды. Однако стратиграфически (по вертикали) различить это невозможно, ибо толщина культурного слоя — всего 0,8—0,5 м. Нет разницы и в хозяйственном инвентаре, который весь с полным основанием может быть отнесен к позднеандроновскому времени. Видимо, здесь удалось нащупать тот, — по всей вероятности, кратковременный, — культурный этап, который непосредственно предшествует времени ранних кочевников и синхронен Дындыбаю, Зама-раеву, ирменьской и карасукской культурам. В Восточном Казахстане он имеет своеобразные черты и, бесспорно, теснейшим образом связан с предшествующим временем. Назовем его пока условно послеандроновским, хотя никакой смены населения по нашим материалам проследить нельзя. Сохраняются те же поселения и формы орудий, тот же андроновский антропологический тип и, видимо, в основном та же система хозяйства. Изменения наблюдаются только в керамике, хотя и тут связь с андроновскими сосудами совершенно ясна. Следовательно, можно говорить о развитии одних и тех же племен, которые мы называем андроновскими. Последний этап их развития, перед переходом к кочеванию, как племен еще оседлых, с сохраняющейся пастушеско-земледельческой системой хозяйства и характеризуют поселения в Трушникове, Усть-Нарыме (верхний слой) и Мало-Красноярке. Датировать их можно VIII—VII вв. до н. э.

3. Раскопки курганов. Раскопки производились в 2 пунктах: у аула Кула-Журга и дер. Усть-Буконь. В Кула-Журге доследовались могильники, раскапывавшиеся в 1949 г. Они принадлежат своеобразной локальной группе ранних кочевников, обитавших здесь на рубеже нашей эры. Удалось отождествить эту группу с племенем у-гэ или у-дэ китайских летописей⁵. При доследовании вскрыто 18 курганов. Насыпи их — из земли с камнем; могильная яма — глубиной до 3 м. Часто встречаются ящики, сложенные из больших плит сланца.

Опишем наиболее интересные погребения. В кургане № 54, в каменном ящике найдены 3 детских скелета, рядом с ними — 3 глиняных кувшина, 3 железных ножа, бронзовая бляшка и хвостовые позвонки барана. В кургане № 43 — каменный ящик, рядом с которым находилось захоронение лошади. В ящике — скорченный скелет, сопровождаемый глиняным кувшином с сильно раздутым туловом. Второй скорченный скелет (без вещей) обнаружен в кургане № 56. Захоронение лошади встречено и в кургане № 15, в грунтовой яме, вместе с вытянутым скелетом и кувшином. В грунтовой яме кургана № 52 лежал вытянуто скелет, на котором найдены пастовые бусы и фигурно вырезанная золотая фольга, нашивавшаяся на платье и головной убор. Такая же фольга встречена еще в 2 курганах.

⁵ С. С. Черников. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. 3, Алма-Ата, 1951.

Все курганы можно датировать III—I вв. до н. э. и отнести к кула-жургинской культуре, достаточно выявленной раскопками 1948—1955 гг. в Кула-Журге, Батах, Славянке, Кызыл-Ту, Тускаине и Пчеле.

Могильник у дер. Усть-Буконь, состоящий из 54 курганов, обнаружен еще в 1947 г. По внешнему виду он резко отличается от остальных могильников в долине Иртыша. Все насыпи курганов земляные. Наибольшая из них — курган № 1 — достигала 80 м в диаметре и 5 м высоты; в центре ее — глубокая воронка. Это самый крупный курган во всей долине Иртыша до Семипалатинска. Раскопки его велась с помощью бульдозера, 15-метровой траншеей. Погребение оказалось ограбленным. Рядом с могильной ямой, в галечных речных наносах на глубине 1 м от древней дневной поверхности найден только обломок клыка мамонта.

На территории могильника вскрыт еще 21 курган диаметром от 8 до 15 м. В большинстве их могильная яма имеет двусторонний уступ и во многих случаях перекрыта (как и в погребениях Чиликтинской долины)⁶ накатом из лиственничных бревен. Почти все курганы ограблены вскоре после совершения захоронений, на что указывают сохранившиеся в кургане № 28 остатки древков стрел, из которых были аккуратно вынуты бронзовые наконечники. В не тронутых грабителями курганах обнаружен разнообразный погребальный инвентарь. В кургане № 53 — захоронение мужчины с ребенком примерно 8 лет; у тазовых костей мужского скелета лежали бронзовый кинжал с сохранившимися кожаными ножнами (рис. 40—1), каменный точильный брусок с отверстием (рис. 40—6), небольшой железный нож и бронзовая литая бляшка в виде фигуры пантеры (рис. 40—2). В кургане № 29 рядом с мужским скелетом находились остатки кожаного колчана с 56 стрелами; наконечники их — бронзовые, двух типов: трехперые с черенком и трехгранные со втулкой; 2 наконечника — костяные, трехгранные, с плоским черенком (рис. 40—7); у тазовых костей лежал железный предмет в виде полой полусферы с отверстием в центре, у плеча — золотой листок, служивший обкладкой какого-то узкого предмета (рукоятка плети?) В кургане № 30 у тазовых костей обнаружены 2 просверленных кабаньих клыка, железная бляшка, железная пластинка; в головах — глиняный кувшин. Интересно, что в этом погребении лиственничные бревна положены не накатом, а образуют как бы раму вокруг скелета, что сближает захоронение с памятниками кула-жургинской культуры. Глиняный кувшин, стоявший в головах, также находит аналогии среди кула-жургинской керамики.

Характерно, что ни в одном кургане не встречено погребение лошадей.

Могильник располагался на месте более древнего, андроновского. На это указывают типичная каменная циста рядом с могильной ямой кургана № 9 и крупные обломки андроновских сосудов еще в 3 курганах.

Можно с уверенностью датировать могильник V—IV вв. до н. э. Несомненно, что здесь погребены те, чьи племенные вожди лежат под огромными курганами Чиликтинской долины. Обращает на себя внимание сходство этих курганов со скифскими, что заставляет по-новому взглянуть на сообщение Геродота о переселении скифов с востока на запад. Во всяком случае, здесь мы можем говорить о четко выраженной этнической группе ранних кочевников Восточного Казахстана, отличающейся в погребальном обряде и деталях инвентаря от пазырыкской и кула-жургинской, хотя и имеющей с ними много общего.

4. Обследование галечников р. Нарыма. Здесь в 1955 г. собрана большая серия кремневых орудий верхнепалеолитического облика. Установлено, что неокатанные орудия встречаются только в 2 пунктах —

⁶ С. С. Черников. Работы Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК. вып. XXXVII, 1951, стр. 144—150.

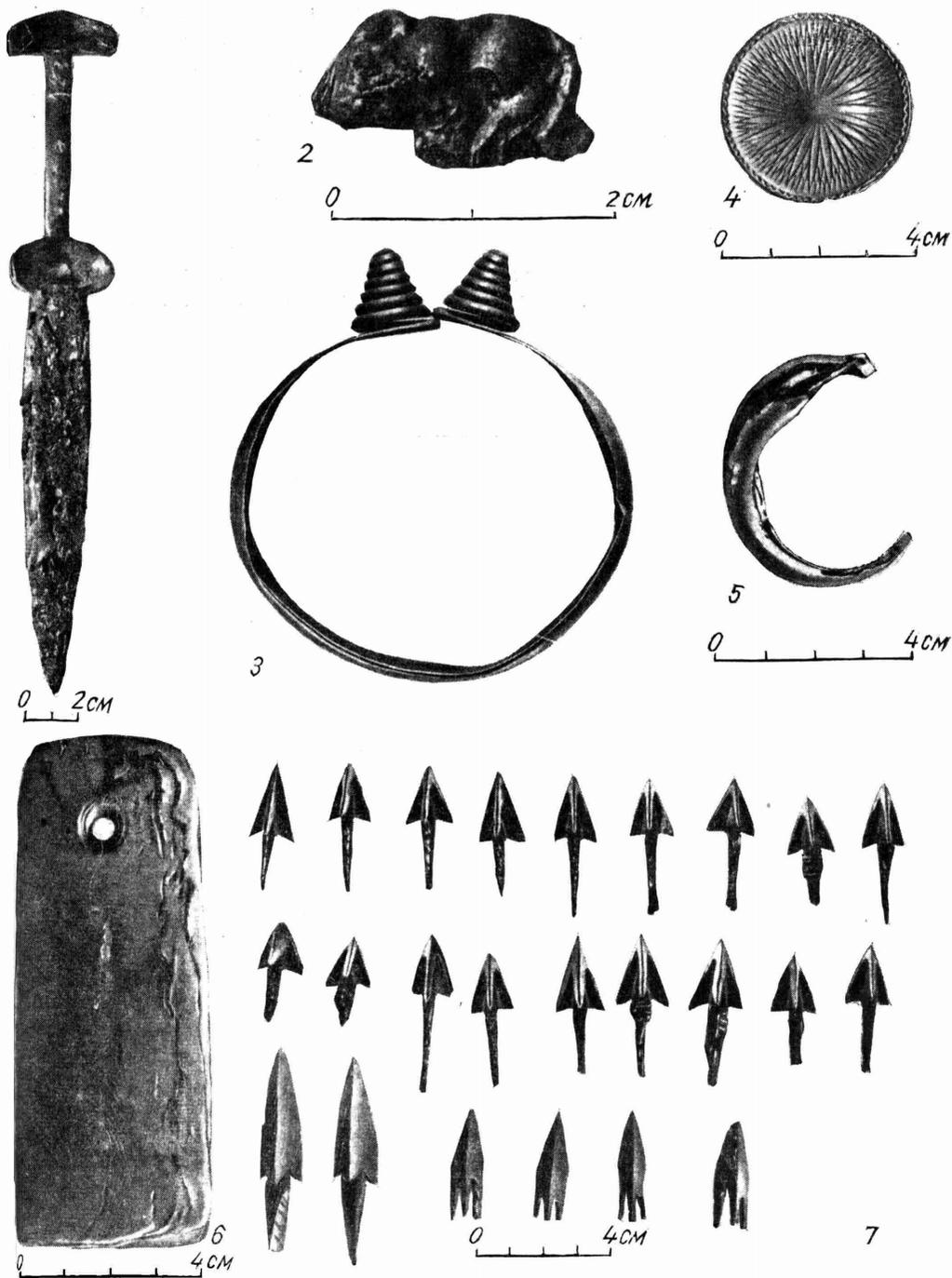

Рис. 40. Находки с поселения у дер. Трушниково, из курганного могильника Усть-Буконь и россыпей на Калбинских горах.

1 — бронзовый кинжал в ножнах (Усть-Буконь, курган № 53); 2 — бронзовая бляшка с фигурой пантеры (там же); 3 — бронзовый браслет (Калбинские горы, находка в россыпях на глубине 2 м); 4 — роговая бляшка с резным орнаментом (дер. Трушниково); 5 — обломок золотой серьги (там же); 6 — каменная точилка (Усть-Буконь, курган № 53); 7 — бронзовые и костяные наконечники стрел из колчана (Усть-Буконь, курган № 29).

выше дер. Хайрюзовка и в среднем течении р. Солоновки (приток р. Нарыма). Это указывает на существование 2 стоянок, возможно, уже совершенно размытых. Собрано большое количество орудий из черной и голубоватой кремнистой породы — массивные пластины с ретушью (их большинство), остроконечники, массивные скребла, скребки, отщепы с ретушью, крупные, неправильной формы нуклеусы. Культурного слоя стоянок обнаружить не удалось. Можно высказать предположение, что здесь мы имеем дело с каким-то новым культурным вариантом верхнего палеолита Азии, отличающимся от сибирского.

Завершающие работы 1956 г. в зоне затопления при Бухтарминской ГЭС заполнили некоторые лакуны в хронологической шкале памятников и дали новый и интересный материал, во многом уточняющий наши сведения о древней истории Восточного Казахстана.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

РАБОТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ в 1956 году

Работы Дальневосточной археологической экспедиции ИИМК в 1956 г.¹, как и прежде, велись в контакте с местными научно-исследовательскими учреждениями, в первую очередь — с сектором истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала Академии наук СССР, а также с Приморским краеведческим музеем имени В. К. Арсеньева. Сахалинский отряд экспедиции вел свои работы в сотрудничестве с Южно-Сахалинским музеем.

Работы были сконцентрированы в основном в районе Владивостока и около г. Уссурийска, т. е. на территории Приморского края. Это объясняется тем, что здесь всего сложнее и интенсивнее шло развитие культуры местного населения и уже в VII—XIII вв. н. э. существовали местные государственные образования. Раскопки в Приморье должны быть ключом к выяснению прошлого также и соседних районов. Но для этого необходимо прежде всего детально изучить хронологическую смену древних культур Приморья, классифицировать археологические памятники этой области и установить их отношение к памятникам соседних стран Восточной и Центральной Азии, в особенности Китая и Кореи. При этом одной из важнейших и первоочередных задач археологических исследований является выяснение относительной хронологии наиболее ранних археологических материалов Приморья, предшествующих памятникам средневековой государственности и культуры.

До недавнего времени на территории Приморья из числа археологических памятников, предшествующих бохайскому и чжурчженскому времени, были известны одни лишь поселения с раковинными кучами, вернее, даже не поселения как таковые, а только скопления раковин с находками характерных каменных и костяных изделий и своеобразной керамики, резко отличающейся от средневековой.

В результате работ Дальневосточной археологической экспедиции уже в первом году ее деятельности (1953 г.) в Приморье обнаружены памятники, позволившие существенно расширить наши представления о древнейшей истории края. В 1953 г. удалось, например, открыть поселения в районе устья р. Гладкой, неподалеку от сс. Краскино и Зайсановка; здесь была найдена не известная в раковинных кучах керамика, орнаментированная преимущественно узором в виде резных вертикальных зигзагов, и орудия из обсидиана, тоже не характерные для раковинных куч².

¹ В экспедиции принимали участие А. П. Окладников (начальник экспедиции), Н. Н. Забелина (заместитель начальника), М. В. Воробьев, Э. В. Шавкунов, Р. В. Чубарова (начальники отрядов).

² А. П. Окладников. Археологические исследования в Приморье в 1953 г. Сообщения ДФАН, вып. 8, 1955, стр. 3—13.

Близкие к этим неолитические находки встречены и в других местах в 1953 г. и последующие годы. Раскопки в Тетюхе дали представление о неолите более северных районов Приморья.

Еще более интересны памятники типа поселения, следы которого открыты в нижнем (третьем сверху) культурном горизонте Осиновского холма, на р. Осиновке, неподалеку от деревни того же названия. Памятники эти, как свидетельствует стратиграфия трехслойного местонахождения в Осиновке, гораздо древнее памятников развитой неолитической культуры Приморья.

Разведками в различных районах края в 1953—1956 гг. выявлены памятники, связывающие неолитическую культуру более ранних этапов с более поздними — с поселениями культуры раковинных куч. Найдены, наконец, и такие, которые занимают промежуточное место между памятниками культуры раковинных куч и средневековыми.

В 1956 г. было продолжено изучение древнейшей, известной сейчас в крае, культуры, следы которой впервые были обнаружены в 1953 г. в Осиновке³.

Разведками в районе г. Уссурийска и в Приханкайском районе открыты два новых местонахождения, давших дополнительный материал для характеристики этой оригинальной и во многом еще загадочной культуры. Первое оказалось в самом г. Уссурийске, на так называемой Ильюшкиной сопке, возвышающейся на западной городской окраине. В седловине на вершине сопки, рыхлые отложения которой сильно размыты и вскрыты в обнажениях овражных русел, удалось собрать каменные отщепы и найти два очень выразительных предмета. Во-первых, — рубящее орудие овальной формы, обработанное сколами с обеих сторон. По общим очертаниям оно близко напоминает обычные нижнепалеолитические рубила, но отличается от них характером сколов, оформляющих его широкие поверхности; фасетки их плоские, узкие и длинные. Второе изделие нуклевидное и очень похоже на некоторые нуклевидные рубящие изделия из нижнего слоя в Осиновке.

Интересно, что на Ильюшкиной сопке, как и в Осиновке, в обрывах оврагов ясно видны красноцветные прослойки, с которыми, вероятно, и должны быть связаны находки древних каменных изделий.

Следующее местонахождение зарегистрировано у сел. Астраханского на пути из г. Уссурийска и поселка Хороль к оз. Ханка, около устья р. Мо, в том месте, где среди низменной долины реки, издавна замечательной своими прериями, одиноко поднимается высокий холм, сложенный рыхлыми отложениями. Кстати, остатки древней культуры обнаруживаются на таких же высоких холмах и в других местах, в том числе и отмеченная стоянка на Ильюшкиной сопке. Здесь найдена точно такая же, как на Осиновской стоянке-мастерской, каменная наковальня из кварцита с многочисленными выемками на поверхности. Особенно интересно, что одна из крупных пластин, похожая на пластины из нижнего слоя Осиновки, оказалась *in situ* и тоже, как в Осиновке, в краснобурой прослойке под слоем подзолистого суглинка. Эти новые находки подтверждают древность «осиновской» культуры и широкое распространение памятников такого рода в южных районах Приморья.

В ходе работ 1956 г. обнаружены и новые памятники неолитического времени, главным образом в Посьетском районе, где было обследовано пространство вдоль шоссе от устья р. Гладкой и до устья

³ Г. С. Ганешин и А. П. Окладников. О некоторых археологических памятниках Приморья и их геологическом значении. Материалы по геологии и полезным ископаемым Восточной Сибири и Дальнего Востока. Материалы ВСЕГЕИ. Геология и полезные ископаемые, вып. 1, М., 1956, стр. 51—53.

р. Туманган, т. е. до самой границы с Кореей. Новые стоянки неолитического облика обнаружены и в долине р. Гладкой.

Эти находки показывают, что здесь во многих местах можно найти следы поселений или временных поселков неолитических племен, у которых вместо обсидиана (из него преимущественно выдвельвали мелкие каменные орудия обитатели неолитического поселения в устье р. Гладкой) столь же широко применялись обычные кремнистые породы. Культура эта, во многом, по-видимому, отличающаяся от той, которая представлена местонахождением в устье р. Гладкой, вероятно, самая ранняя на крайнем юге Приморья.

Богатый материал дало и открытое в 1953 г. неолитическое поселение в устье р. Гладкой. Новые находки вместе с прежними выразительно рисуют облик этой яркой и характерной культуры. Они подтверждают высказанное мной ранее положение о тесных культурных связях обитателей этого поселения с их современниками в соседних приморских областях Восточной Азии. В первую очередь такие связи прослеживаются в позднем неолите соседней Северной, а также и Южной Кореи, в неолите Японских островов, особенно на тех его этапах, которые непосредственно предшествуют распространению культуры яёй.

Не менее интересно и другое, столь же естественное направление этих связей с неолитом Северо-Восточного Китая, где точно так же обнаруживаются на относительно раннем его этапе (III тысячелетие—начало II тысячелетия до н. э.) одинаковые «воронкообразные» сосуды и характерная орнаментация их поверхности вертикальными резными зигзагами; эти зигзаги образуют в целом нечто вроде елочного узора (рис. 41—1, 2) — по терминологии, принятой в европейской археологии, или, как его называют японские археологи, орнамента в виде «рыбьего позвоночника».

Не менее важно и интересно открытие в долине р. Чапигоу, т. е. в континентальной части Приморья, в районе г. Уссурийска, — еще одного древнего поселения, двуслойного с предельно четко выраженной стратиграфией. В верхней части отложений речной террасы, подмытой рекой, залежали многочисленные крупные обломки толстостенных глиняных сосудов характерной формы, в том числе с высокими поддонами. Глубже залегал второй культурный слой с керамикой иного вида, чем найденная в верхнем. Больше всего в нижнем слое было обломков довольно крупных грубых сосудов с хорошо выраженной шейкой и выпуклым брюшком. Сосуды эти, однако, несмотря на различие в форме, украшены таким же, как на поселении в устье р. Гладкой резным линейным узором в виде вертикальных зигзагов. В том же, втором культурном слое обнаружены фрагменты глиняных сосудов совершенно иного вида: небольших по размеру, изготовленных из хорошо отмученной глины и украшенных очень тонко выполненным резным меандровым узором.

Третья группа керамики представлена в нижнем слое обломками сосудов с опоясывающими налепными валиками, какие обычны на посуде из раковинных куч. Эти черепки напоминают сосуды из раковинных куч и характером лощеной поверхности.

Из каменных изделий, сопровождавших керамику, в слое оказался один обломанный топорик, овальный в поперечнике и очень тщательно отшлифованный. Найдена также часть зернотерки обычного ладьевидного типа.

Таким образом, можно сделать вывод, что находками в нижнем слое на р. Чапигоу представлена та, до сих пор остававшаяся загадочной культура, которая должна была непосредственно предшествовать культуре раковинных куч в прибрежных районах Приморья или совпадать с ней по времени. Что касается самой «культуры раковинных куч», то нельзя не отметить обнаруженных в 1956 г. находок на р. Гладкой, в самом ее устье,

но уже не на правом берегу, а на левом. Здесь вместе с обычной для раковинных куч керамикой оказались крупные шлифованные орудия типа топоров, но не совсем обычные, не плоские и не прямоугольные в поперечнике, а симметрично-выпуклые, овальные в поперечном сечении. Сравнивая их со шлифованными рубящими орудиями из других древних поселений Приморья, можно констатировать, что сходные вещи встречаются в неолитическом поселении в устье р. Гладкой. Однако есть они и в древнем

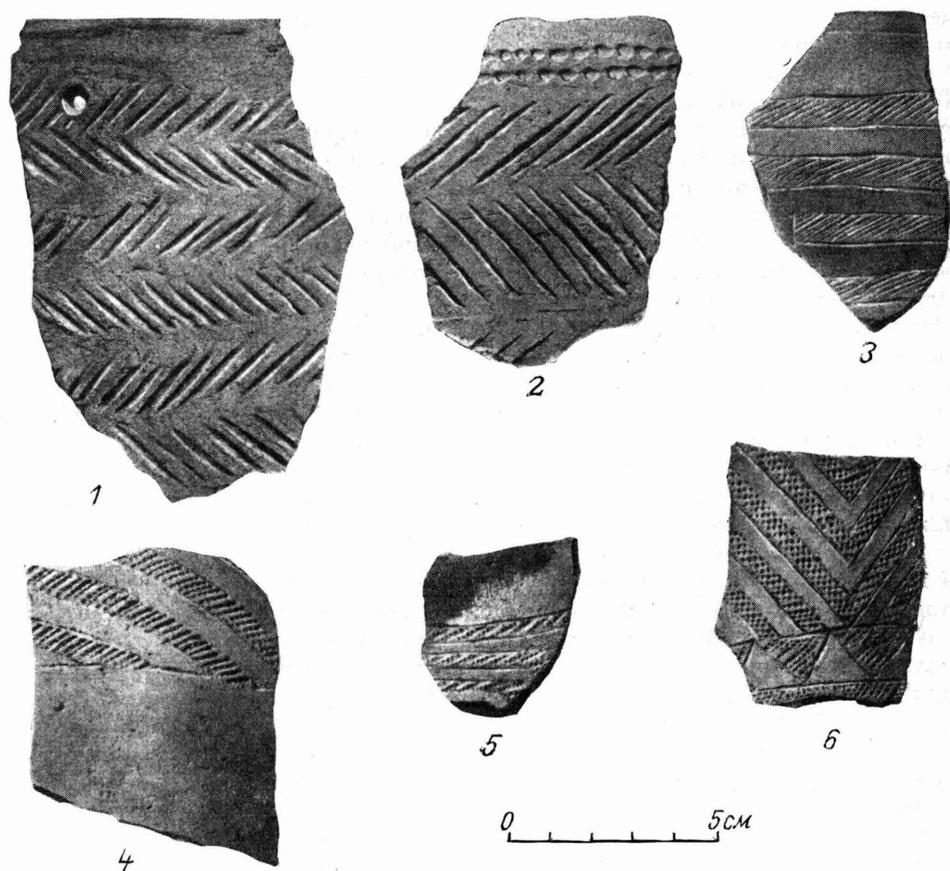

Рис. 41. Керамика из раскопок в устье р. Гладкой.

1, 2 — фрагменты сосудов с резным орнаментом в виде вертикальных анзагов (или «слочным»);
3—6 — орнаментированные черепки сосудов.

поселении в бухте М. Улисс около Владивостока, где керамика сходна с обычной для поселений с раковинными кучами, но обнаружены также и ретушированные изделия из кремнистых пород, чуждые «культуре раковинных куч». Отсюда следует вывод, что поселения с керамикой — такой же, какую находят обычно в раковинных кучах, но с овальными в поперечнике шлифованными топорами, — должны принадлежать в прибрежной полосе Приморья к наиболее ранней группе поселений времени раковинных куч. Если большинство поселений с раковинными кучами можно датировать концом II тысячелетия и началом I тысячелетия до н. э., то эти наиболее ранние местонахождения, вероятнее всего, следует отнести ко второй половине II тысячелетия до н. э., ближе к ее началу.

Для датировки поселений с раковинными кучами интересна находка в Тавричанке сломанного небольшого зеркала, вылитого из бронзы или меди, одна сторона которого гладкая, тщательно отшлифованная, а на другой — небольшое ушко. Форма зеркала аналогична форме зеркал, известных в памятниках раннего бронзового века Китая, иньского времени; такие же встречаются и в Сибири, где они могут быть отнесены к карасукскому времени. Эта находка подкрепляет высказанные ранее мной предположения о хронологической принадлежности поселений с раковинными кучами к концу II тысячелетия и к I тысячелетию до н. э.⁴

Для понимания общих условий жизни и быта населения прибрежных районов Приморья в это время первостепенное значение имеют раскопки обширного поселения на полуострове Песчаном напротив г. Владивостока, на противоположном берегу Амурского залива. Оно было открыто В. К. Арсеневым и впервые раскапывалось им в 1916 г. Поселение состоит из группы остатков жилищ полуподземного типа, часть которых отчетливо заметна в современном рельефе в виде более или менее глубоких западин чашевидной формы. Остатки 2 жилищ хорошо видны и в естественном обнажении оврага.

Раскопками 1956 г. на полуострове Песчаном вскрыты остатки пяти таких жилищ; углубления трех из них сохранились полностью, два в большей своей части уничтожены оврагом. Очертания жилищ в плане оказались не овальными или круглыми, как можно было ожидать по форме западин, а прямоугольными, лишь со слегка округленными углами. Вдоль стен сохранились многочисленные ямки от столбиков; такие же ямки довольно правильными рядами располагались внутри жилища. На полу уцелели остатки очагов, разбитые глиняные сосуды, зернотерки и различные предметы домашнего обихода. Но более всего находок обнаружено в заполнении жилищ, которые были завалены кучами раковин. В раковинных скоплениях сохранились костяные изделия, кости рыб и животных, черепки глиняных сосудов, в том числе один почти целый сосуд, стоявший вертикально среди раковин (рис. 42). Из каменных изделий наиболее многочисленны рыболовные грузила простейшего типа, изготовленные из плоских галек с выбоинами по краям. Обильный и характерный материал из раскопок на полуострове Песчаном рисует облик «культуры раковинных куч» и жизнь древнего населения прибрежных областей ярче и полнее, чем это представлялось ранее.

Особенно интересны для выяснения прошлого Приморья памятники, которые могут заполнить темное до сих пор время — после периода раковинных куч и до начала средневековой эпохи. К таким памятникам в первую очередь относится поселение на «Сенькиной Шапке» — скалистой вершине, одиноко выступающей над высоким берегом р. Суйфуна к юго-востоку от г. Уссурийска (рис. 43). Эта вершина как естественная цитадель господствует над окружающей низменной равниной. Не удивительно поэтому, что на ней оказалось древнее поселение. При раскопках здесь найдены многочисленные образцы глиняных плоскодонных сосудов с гладкими стенками, украшенных штампово-гребенчатым орнаментом, в том числе сосудов, у которых в днище просверлены дырочки. Подобные сосуды (так называемого типа янь), как известно, широко употреблялись в древнем Китае, в эпоху неолитической культуры яншао. В них готовили пищу традиционным для китайской кухни способом — на пару⁵. Обнару-

⁴ А. П. Окладников. У истоков культуры Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана». М., 1954, стр. 251, 252.

⁵ H. G. Greel. The Birth of China. A Study of the Formative Period of Chinese civilization N. Y., 1937, стр. 44; см. также H. G. Greel. Studies in Early Chinese Culture. Massachusetts, 1948, стр. 198; I. G. Andersson. Research into the Prehistory of the Chinese. Bull. Mus. of Far East. Antiq., 1943, № 15, стр. 259, рис. 108.

жены здесь и оригинальные глиняные тарелки или жаровни, наружная поверхность которых покрыта сплошь оттисками штампа в виде вдавленных ромбиков, обломки глиняных сосудов, изготовленных не ручной лепкой, а на гончарном круге, и очень похожих на керамику чжоуского Китая.

На поселении «Сенькина Шапка» встречены также обсидиановые отщепы, куски обработанного шифера, шиферные острия-наконечники и рубящие орудия, очень тонкие и плоские.

В общем, находки очень напоминают материал, обнаруженный в 1954 г. при раскопках на Известковой или Голубиной сопке в долине р. Майхэ, в нижнем культурном слое этого поселения, залегающем под слоем чжурч-

Рис. 42. Сосуд из слоя раковин. Полуостров Песчаный.

женского времени. На Известковой сопке точно так же найдены обломки сосудов с дырками на дне, обработанный обсидиан, шлифованные каменные изделия, в том числе типичный полулунный нож из шифера, со сверленными отверстиями для прикрепления к рукояти.

Самые поздние следы пребывания человека на поселении «Сенькина Шапка» датируются чжурчженским временем. Это несколько характерных черепков и бронзовая бляшка с ажурным геометрическим узором, которую тоже, по-видимому, нужно датировать средневековым периодом.

В 1956 г. впервые обнаружены в Приморье еще 2 поселения, где оказались находки нового облика; эти поселения должны быть отнесены к периоду между временем поселений с раковинными кучами и средневековыми памятниками. Следы первого поселения открыты в верхнем культурном слое уже отмеченного выше местонахождения на р. Чапигоу; второго, где сохранились остатки жилищ полуподземного типа, — вблизи оз. Ханка около с. Новокачалинского. Для обоих поселений характерны большие плоскодонные сосуды, около венчика которых снаружи имеются характерные выступы — «пеньки»; там же найдены обломки поддонов, напоминающих поддоны чаш, встречаемых в раковинных кучах, и высоких кубковидных сосудов. Дальнейшие, более широкие исследования позволят точнее датировать эти интересные памятники и определяют место культуры,

к которой они относятся, в хронологии истории Приморья. Что же касается этнической принадлежности носителей этой культуры, то не исключено, что они относились к летописным племенам ханьского времени, которых китайцы знали под именем «илоу». Более же архаическая «культура раковинных куч», которую я был склонен прежде, вслед за моими предшественниками, относить к илоу, может быть, скорее, отнесена к ранним сушеням, чем к илоу и удзи. Во всяком случае, так следует рассуждать, исходя из датировки поселений с раковинными кучами концом II тысячелетия и первой половиной I тысячелетия до н. э. Это было время иньской

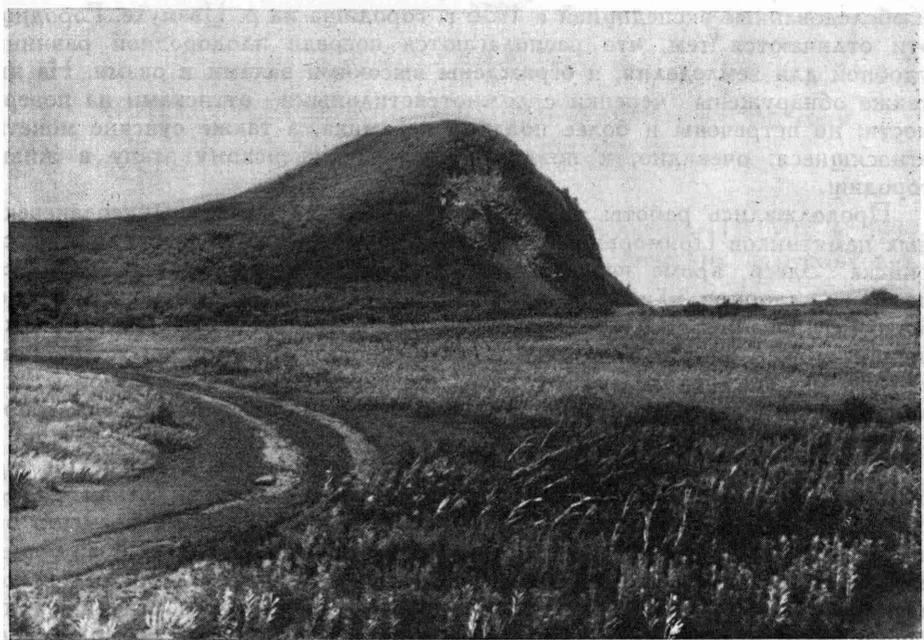

Рис. 43. Общий вид холма «Сенькина шапка», где расположено древнее поселение.

династии и династии чжоу, когда в китайских летописях под 2225 г. до н. э. впервые называется имя сушеней, доставивших императору Шунь луки и стрелы с каменными наконечниками. В чжоуское время термин «сушень» употреблялся на всем протяжении периода существования этой династии. При дальнейших исследованиях будут получены более определенные данные для решения этой проблемы, неразрывно связанной с проблемами древнейшей истории соседнего Дунбэя и взаимоотношений его населения с Китаем иньского, чжоуского и ханьского времени.

Продолжались в 1956 г. и работы по изучению средневековых памятников. При раскопках в с. Новокачалинском на р. М. Усач собран новый материал по интересному памятнику, впервые обнаруженному в 1953 г. Судя по первым наблюдениям, мы ожидали найти здесь остатки нарушенного рекой древнего жилища полуподземного типа. В действительности оказалось, что это древняя ложбина или овражек, заполненный различными отбросами, главным образом золой. Среди отбросов, кроме костей домашних животных, в том числе лошади, обнаружены многочисленные обломки глиняных сосудов, следы металлургического производства (шлаки) и готовые железные вещи — ножи и наконечники стрел. Среди черепков сосудов, изготовленных на гончарном круге, есть покрытые сна-

ружи ложнотекстильными оттисками. Венчики сосудов имеют архаичный облик (венчиков свернутых трубочкой, полых внутри, какие сопровождаются чжурчженскими монетами, здесь нет); все они массивные, в виде выпуклых валиков, окаймляющих край сосуда снаружи, сходные с венчиками сосудов чжоуского и ханьского времени в Китае. Вместе с черепками глиняных сосудов найдены обломки тонких кровельных черепиц, показывающие, что поблизости стояло здание, крытое такой черепицей. Вероятно, этот интересный памятник относится к наиболее ранним для средневекового времени в Приморье. К близкому, т. е., скорее всего, к бохайскому, — если не более раннему, — времени должны быть отнесены и обследованные экспедицией в 1956 г. городища на р. Цзэмухе. Городища эти отличаются тем, что располагаются посреди плодородной равнины, удобной для земледелия, и ограждены высокими валами и рвами. На них также обнаружены черепки с ложнотекстильными оттисками на поверхности, но встречены и более поздняя керамика, а также сунские монеты, относящиеся, очевидно, к позднему, чжурчженскому этапу в жизни городищ.

Продолжались работы на одном из самых внушительных средневековых памятников Приморья — на Краснояровском городище около г. Уссурийска. Здесь, кроме исследования остатков монументальных парадных построек, дворцов или храмов, крытых черепицей и сопровождавшихся орнаментированными плитами-стелами, начаты раскопки жилищ, находившихся, так же как и в ряде других городищ Приморья, около обрывистого склона, неподалеку от вала. Краснояровские средневековые жилища располагались на специально подготовленных, выровненных террасовидных уступах, одно над другим.

В одном жилище, кроме оплывших стен или, скорее, ограждений террасовидной площадки, вскрыты, по-видимому, остатки отопительных сооружений типа канов; собраны китайские монеты сунского времени, обломки глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, и железные изделия, среди которых — наконечники копья с трубчатой втулкой и наконечники стрел. Один из найденных в жилище железных наконечников по форме резко отличается от китайских изделий такого рода и напоминает более поздние «шипастые» наконечники, широко распространенные у лесных племен Северной Азии, в том числе северных тунгусских племен Восточной Сибири.

* * *

Археологические работы 1956 г. в Приморье не только оправдали надежды, но и превзошли наши ожидания. Впервые детально исследованы такие выдающиеся памятники истории и культуры древнейшего населения, как, например, землянки эпохи раковинных куч на полуострове Песчаном; открыты следы других, ранее не известных культурно-исторических этапов; найдены новые древние поселения, раскопки которых должны существенно дополнить и расширить общую картину исторического прошлого народов Дальнего Востока.

Исследование этих памятников — ближайшая и самая важная задача археологии Советского Дальнего Востока.

Р. В. ЧУБАРОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в 1956 году
НА ОСТРОВЕ САХАЛИНЕ

Сахалинский отряд Дальневосточной экспедиции ИИМК в 1954—1955 гг. проводил разведки и раскопки археологических памятников Сахалина в южной и средней его частях, т. е. на территориях, где недавно обитали айны. Стоянки древнейших жителей открыты на юго-западе острова, на берегу Татарского пролива и Японского моря, и на юго-восточном побережье, на берегу залива Терпения. Материал стоянок позволял наметить основные этапы развития культуры древнейших жителей Сахалина и направление связей с современным им населением смежных частей побережья и островов Тихого океана; он дал возможность также говорить об этническом составе древнейшего населения южной части острова и о времени заселения ее айнами. На очередь вставало исследование памятников древней культуры в северной части острова, изучение которых способствовало бы разрешению многих неясных вопросов, возникших в процессе рассмотрения археологического материала южных стоянок. Имелись основания думать, что материал северных стоянок поможет разрешить вопрос о существовании и дальнейшей судьбе доайнского населения Сахалина и, хотя бы отчасти, выяснить историю заселения севера острова, развития хозяйства и культуры населения и его этническую принадлежность.

Наши знания об археологических памятниках Северного Сахалина были крайне ограничены. Мы располагали лишь указаниями И. Лопатина¹ и И. С. Полякова² о стоянке у г. Александровска, небольшой коллекцией Л. Я. Штернберга³ и очень беглым упоминанием его о стоянке у поселка Виахту и, наконец, известием А. М. Золотарева о стоянке у с. Ноглики⁴. Фактически древние памятники всей огромной территории севера острова были представлены лишь двумя небольшими коллекциями, собранными Л. Я. Штернбергом и И. С. Поляковым на узком участке западного побережья около г. Александровска. О памятниках более северных частей западного побережья и всего северо-восточного берега мы не имели никаких сведений.

В 1956 г. перед Сахалинским отрядом была поставлена задача в какой-то мере ликвидировать указанный пробел. С этой целью проведены

¹ И. Лопатин. Извлечение из письма об исследованиях на Сахалине. СПб., 1869.

² И. С. Поляков. Путешествие на Сахалин в 1881—1882 гг. Приложение к ИРГО, СПб., 1883, т. XIX, вып. 1 (см. МАЭ, coll. № 565).

³ Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалина, 1897. МАЭ, coll. № 656.

⁴ А. М. Золотарев. Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин). СА, 1936, I, стр. 275.

археологические разведки по северо-западному берегу от мыса Тымляво (недалеко от г. Рыбновска) до Александровска и по северо-восточному берегу на участке Ноглики—Вал. Вторым этапом работы была разведка на островах Курильской гряды.

Северо-западное побережье Сахалина, в частности его участок от мыса Тымляво до г. Александровска, представляет собой в основном измененную песчанистую, часто заболоченную равнину с низкими берегами, песчанистый почвенный слой которых, почти лишенный растительного покрова, обычно бывает разрушен господствующими здесь в течение всего года морскими ветрами. Иногда он покрыт толстым слоем торфа, на котором кое-где растет местная «тайга» — низкий, стелющийся по земле кедровник. На исследованном участке открыто 7 стоянок — в устье р. Музьмы, около г. Рыбновска, в устье р. Лангры, у с. Луполово, у поселков Погиби и Виахту. Почти все они находятся в устьях рек на невысоких песчаных возвышенностях, и у всех культурный слой разрушен и перевеян.

Стоянка в устье р. Музьмы, на левом ее берегу, расположена на невысокой (2,5—3 м) пологой песчанистой возвышенности. Культурный слой разрушен и перевеян, что заставило отказаться от раскопок. По всей площади, особенно в низких выдувных местах, встречены каменные орудия и отщепы: обломки наконечников копий, тщательно сделанных из серого кремня, наконечники стрел удлинненно-линовидной и удлинненно-треугольной формы из серого и темно-красного кремня, скребок с округлым, обработанным крутой ретушью рабочим краем, множество мелких халцедоновых нуклеусов, небольшой плоский костяной кружок. Керамики на территории стоянки не обнаружено.

Очень недалеко от р. Музьмы, у устья р. Наниво, у с. Луполово (или Романовки, как называют местные жители) открыта стоянка, видимо, более позднего времени. Она расположена также на песчанистых, но более высоких и крутых (6—7 м) берегах; культурный слой ее тоже разрушен. Найдено лишь несколько обломков керамики — темного, почти черного цвета, очень хорошего обжига, с орнаментом из прочерченной линии, обрамленным рядами полуовальных вдавлений.

Более близки по культуре к Музьминской стоянке две другие, расположенные близ устья р. Лангры. Одна из них — на территории с. Луполово, на крутой 4-метровой песчанистой террасе, в 600 м от устья реки. Ее приблизительные размеры — 100 × 160 м. Здесь найдено множество отщепов, в основном светло-серого кремнистого песчаника. Из него же сделаны орудия — удлинненный скребок с округлым рабочим краем, наконечник стрелы треугольной формы, с резкой выемкой в основании и наконечник стрелы удлинненной формы, с обломанным основанием. Керамика и здесь не обнаружена.

На второй стоянке, площадью 250 × 70 м, собраны более обильные находки. Она обнаружена в 200 м от первой, вверх по течению реки, на такой же 4-метровой песчаной террасе. На поверхности ее — 4 углубления-выдува размером 10 × 15 м, глубиной 0,5—1 м; видимо, это остатки древних жилищ. Шурф, заложенный в одном из углублений, не дал культурного слоя. Находки распространены равномерно по всей территории стоянки.

Обнаружены каменные орудия, отщепы и керамика. Каменные орудия сделаны из серого песчаника, а также из кремня серого и темно-коричневого цветов. Найдены наконечники стрел — удлинненно-треугольные и листовидные, с овальной пяткой; тонкие, с изогнутым краем ножи и очень своеобразный скребок с удлинненным рабочим краем. Керамика представлена плоскодонными сосудами светло-желтого цвета, среднего обжига, сделанными из хорошо промешанной глины с небольшой примесью песка и мелкого гравия. Некоторые сосуды имели наlepные венчики, у других

венчик чуть отогнут наружу. Сосуды орнаментированы налепными изогнутыми полосами, гребенчатыми, штамповыми (в виде узких удлиненных столбиков) и резными узорами (рис. 44—1—5). Очень интересен сосуд с налепным венчиком, украшенный рядами штамповых вдавлений в виде вертикальной полоски, с обеих сторон обрамленной вертикальными же полосками из наколов; снизу эти ряды окаймлены полосой резных узоров в виде сетки. Этот орнамент близок орнаментировке неолитических сосудов Приамурья.

Очень интересный, хотя и довольно скудный материал собран в устье р. Погибинки на мысе Погиби, против самого узкого места Татарского пролива — его отделяет от материка всего 7 миль. Здесь найдены обломки больших плоскодонных сосудов желтого цвета, неровного обжига. Широкие налепные венчики по краям украшены резными горизонтальными полосами, из которых нижняя обрамлена рядом коротких наклонных насечек. По форме и орнаменту сосуды очень близки керамике со стоянок юга Сахалина (например у ручья в г. Невельске)⁵ и нижнего Амура (в частности стоянки у сел. Тэбах, исследованной в 1935 г. А. П. Окладниковым)⁶. Возможно, что стоянка связана с древним гяляцким населением и указывает на его передвижение с материка на остров.

Наконец, 2 стоянки открыты у залива Виахту, близ поселка того же названия. Одна из них находится в 180 м от берега залива на невысокой террасе, другая — у старого русла реки, в 4,5—5 км от поселка. Обе они расположены на песчаных террасах, на обеих заметны следы жилищ, т. е. более глубокие выдувы в перевеянном культурном слое. Стоянки отличаются от предыдущих тем, что в слое часто встречаются раковины. На первой найдены отдельные отщепы и керамика, на второй — каменные орудия (шлифованный топор продолговатых очертаний, прямоугольный в сечении, наконечники стрел неправильно листовидной формы) и обломки плоскодонных сосудов, украшенных гребенчатым и резным узором, а также орнаментом, нанесенным узкой лопаточкой.

На северо-восточном побережье острова обследованы два небольших участка — у сс. Ноглики и Вал. На обоих участках, особенно на первом, обнаружены группы стоянок, интересных по своему расположению и археологическому материалу. Надо сказать, что это один из самых отдаленных и труднодоступных районов Сахалина, отличающийся суровым и холодным климатом и населенный главным образом нивхами.

Около с. Ноглики и в пределах его открыто 5 стоянок. Село расположено на правом берегу р. Тыми, в 40 км от впадения ее в Охотское море. Недалеко от села в р. Тымь впадают две небольшие речки — Ноглики и Имчин.

Стоянка Ноглики I находится в 0,5 км южнее села, на правом берегу р. Ноглики, на высокой (18 м) и крутой террасе, с южной стороны поврежденной карьером. Поселение сравнительно небольшое — 80 × 50 м. Мыс, занятый им, порос лесом. Почвенный слой и лежащий ниже мощный (до 1,05—1,1 м) культурный слой не повреждены. На поверхности видны углубления — следы землянок — округло-прямоугольные, близкие по форме к овалу. Размеры их — 7—9 × 9—10 м, глубина — 0,65—1 м.

Отмечено 20 землянок, расположенных неправильными рядами в 3—7 м друг от друга. В 1956 г. мы прорезали траншеей одну из них. Культурный слой землянки, как и всей стоянки, оказался очень насыщенным. Были найдены каменные орудия и обломки глиняных сосудов. Орудия изготовлены большей частью из прекрасного по качеству кремня темно-малинового

⁵ Р. В. Чубарова. Древняя история острова Сахалина. Автореферат диссертации. Л., 1955, стр. 11, 15.

⁶ МАЭ, колл. № 5332, 3574, 3658, 3594, 3660 и др.

цвета, но есть изделия из голубоватого и зеленого кремня и из серого кремнистого сланца (рис. 45). В культурном слое землянки найдены: обломок тщательно отшлифованного тесла, видимо, удлиненно-прямоугольного по очертаниям и прямоугольного в поперечном сечении; нешлифованное, оформленное грубыми сколами, тесло, полуовальное в поперечном

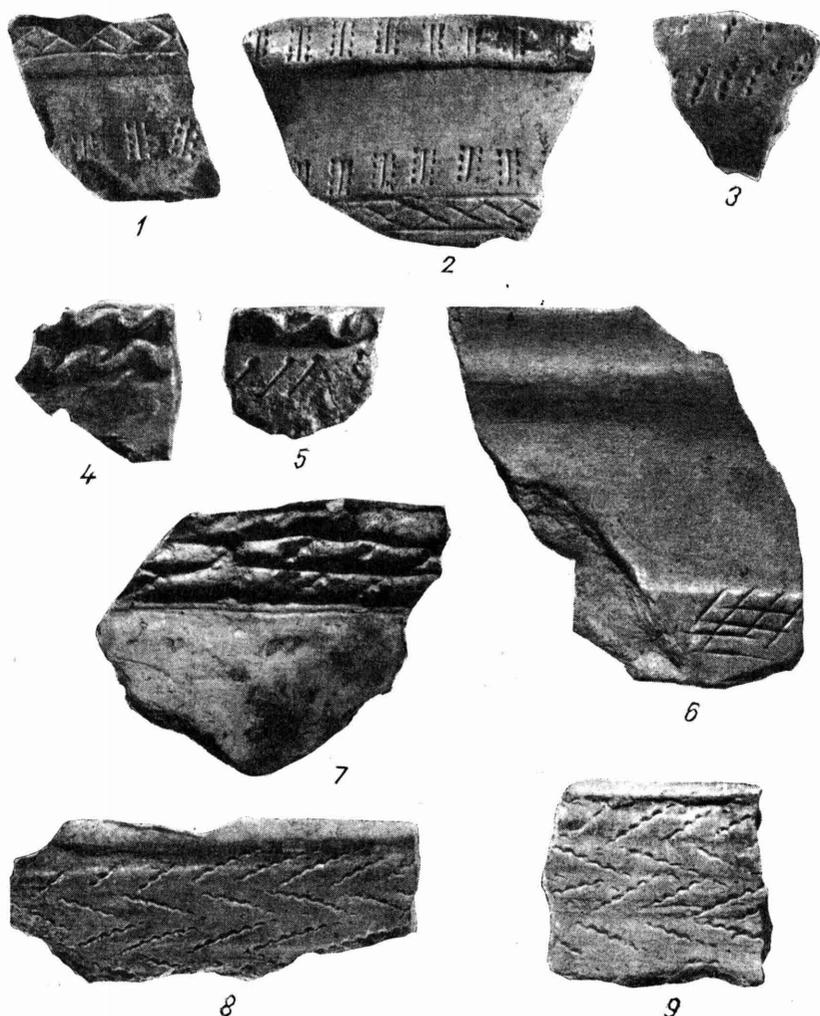

Рис. 44. Керамика с северной части острова Сахалина.
1—5 — со стоянки Лавгрм II (у озера); 6—9 — со стоянок Ногайки I и II.

сечении; обломки кремневых ножей, сделанных на тонких пластинах, и листовидные наконечники стрел, с овальной пяткой или выемкой в основании. В культурном слое стоянки при шурфовке обнаружено еще несколько тщательно обработанных каменных орудий, в том числе массивный нож удлиненно-листовидной формы, изготовленный из кремня темномалинового цвета, наконечники копий и стрел, скребок с округлым рабочим краем и удлиненной рукояткой и большой нуклеус из кремня того же цвета, продолговатый, со следами правильных сколов со всех сторон, представляющий в сечении почти правильный многоугольник.

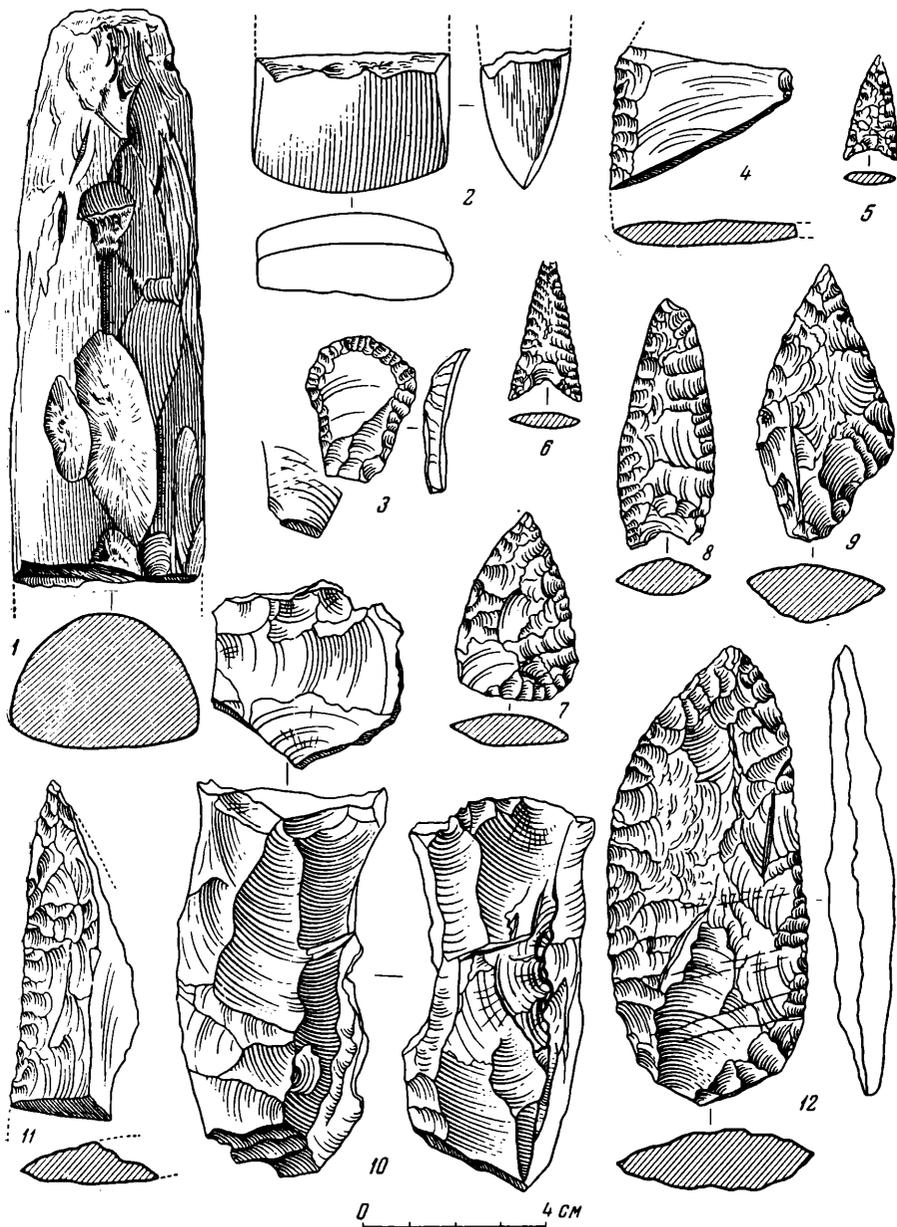

Рис. 45. Каменные изделия со стоянки Ноглики I.

1 — обломок каменного топора; 2 — обломок шаффованного долота; 3 — скребок; 4 — ножовидная пластина; 5—8, 11 — наконечники стрел; 9 — наконечник копья; 10 — пикавидное орудие; 12 — нож.

Среди собранной керамики интересны сосуд с тонкими стенками и слегка отогнутым венчиком, имевшим по самому краю и чуть ниже его 2 ряда небольших утолщений, делавших венчик очень похожим на накладной, и сосуд, украшенный ниже шейки полосой резных насечек в виде сетки (рис. 44—6). Интересен и третий сосуд, венчик которого имеет вид как бы сглаженного накладного, причем он украшен струйчатыми полосками, образующими ряды распавшихся елочек (рис. 44—8, 9). Венчики некоторых других сосудов украшены накладными полосами. Обращает на себя внимание небольшая чашечка, возможно, служившая светильником, — очень невысокая, усеченно-конической формы; верхний широкий край ее образует как бы второе дно с маленьким отверстием в центре.

Стоянка Ноглики II находится в 6 км от села вниз по р. Тыми, на возвышающейся на 12 м над прибрежной марью террасе правого берега реки, в тайге, на мысу, образованном террасой при повороте реки. На поселении обнаружены следы 20 землянок — расположенные в ряд прямоугольные углубления размерами $8-15 \times 6-10$ м при глубине $0,75-1$ м.

Интересна особенность устройства землянок — все они окружены хорошо заметным сейчас валом высотой $0,5-0,75$ м, в котором ясно обозначен вход. Одну из землянок мы разрезали траншеей. Землянка оказалась довольно глубокой; ее очертания были очень хорошо видны на профиле траншеи. Культурный слой достигал мощности $1-1,05$ м. Найденны отщепы того же темно-малинового кремня и обломки сосудов, видимо, остродонных, с толстыми стенками, сделанных из глины с очень большой примесью песка и гравия. Керамика свидетельствует о том, что стоянка Ноглики II отличается от предыдущей (Ноглики I) по культуре и, возможно, по времени. Но для того, чтобы делать какие-то выводы, необходимо более детальное изучение.

Так же мало мы можем пока сказать о стоянке Ноглики III, расположенной в 3 км от села, вверх по р. Имчину. Поселение было очень большое, причем некоторые жилища достигали огромных размеров — от них остались глубокие ямы диаметром $17-18$ м.

Очень интересна по своему расположению стоянка Ноглики IV. Она находится на левом берегу р. Имчина, в 10 км от села вверх по течению. Это небольшая (20×40 м) и невысокая ($5-6$ м) сопка овальной формы, одиноко возвышающаяся среди прибрежной мари. Поверхность сопки, поросшая стланником-кедрачем и кустарником, покрыта прямоугольными ямами — остатками жилищ. Они видны даже на некрутых склонах и размещены очень близко друг к другу. Всего здесь 8 землянок размером от 10×10 до $6 \times 6,7$ м. В рекогносцировочных шурфах обнаружены обломок небольшого тесла и отщепы из кремня тех же, общих для всех ногликских стоянок, темно-малинового и голубоватого цветов. Керамика представлена обломками сосудов с налепными венчиками, украшенных гребенчатым и наколотым орнаментом.

Само с. Ноглики стоит на возвышенности — на мысу, образованном долинами рр. Ноглики и Тыми. В огородах села встречаются кремневые изделия и отщепы. Это местонахождение мы условно обозначаем как Ноглики V. Здесь собрано немало прекрасно отретушированных и тщательно отшлифованных орудий из темно-малинового кремня и кремня интенсивно зеленого цвета. Это большие каменные кинжалы, удлиненных очертаний ножи, с исключительной аккуратностью отретушированные наконечники стрел, шлифованные каменные топоры, часть которых имеет не встречающуюся на юге острова форму — они продолговатые, а в поперечном сечении полуовальные.

Район с. Ноглики может дать при более тщательном и детальном исследовании обширный материал, характеризующий культуру жителей

северо-востока Сахалина на различных этапах развития неолита, так как стоянки, обнаруженные в окрестностях села, явно не одновременны.

Видимо, здесь, наряду с ранними (Ноглики I и, возможно, Ноглики IV и V), есть и более поздние стоянки; такими могут оказаться Ноглики II и III.

Северо-восточный берег Сахалина нуждается в более широком исследовании. Дело в том, что он изобилует удобными заливами и реками, в устьях которых могло жить древнее население острова. В этом мы убедились во время короткой разведки в районе с. Вал. Здесь найдены 2 стоянки: одна — на р. Вал у села того же названия, другая — недалеко от села в устье р. Аскасай. Судя по материалу, они, видимо, будут близки более ранней группе ногликских стоянок.

Таковы основные итоги работы Сахалинского отряда в 1956 г. Теперь мы получили представление о расположении и характере памятников северной части острова, что позволит сделать дальнейшие исследования более целеустремленными и детальными.

М. В. ВОРОБЬЕВ

О РАБОТАХ ВОРОШИЛОВСКОГО ОТРЯДА в 1956 году

Ворошиловский отряд Дальневосточной археологической экспедиции (начальник экспедиции — А. П. Окладников) проводил в 1956 г. изучение памятников средневековья в Приморье¹. Были продолжены раскопки крепости на Красноярской сопке (у г. Уссурийска). Основное внимание уделялось открытому в этом году сооружению жилого типа.

В районе расположения памятников на южном склоне оврага, врезающегося в сопку с востока, прослежено свыше десятка террас. Размеры, очертания и взаиморасположение их устанавливаются с трудом из-за чрезвычайно густой травы и мелкого кустарника, покрывающих склоны оврага. На поверхности почвы находок нет, хотя в других местах крепости они встречаются нередко. Для раскопок была выбрана одна из террас (№ 1) ближе к верхней части пологого склона оврага, яснее других очерченная и наименьшая по размеру. Она открывается на юго-юго-запад и занимает в ширину не менее 20 м, а в глубину — около 12 м. К востоку, к краю сопки терраса понижается примерно на 1 м (наиболее высокая точка — ее северо-западный угол); к югу понижение более значительно — до 3,8 м, при этом оно идет постепенно и кончается метровым обрывом.

Под дерном обнаружены следы каменной кладки. Затем был вынут черно-бурый слой заполнения жилища, произведена зачистка пола и стен и выявлены общие очертания постройки (рис. 46).

В плане жилище прямоугольное (10 × 8 м), вытянуто почти по линии северо-запад — юго-восток. В основании стен лежит слой желтой глины. Этой же глиной скреплены камни кладки (средний размер их — 10—20 см). Северо-восточная стенка примыкает к резкому (до полуметра) понижению поверхности ската (вероятно, искусственному). От стены сохранились основание и остатки кладки, большая часть которой рухнула внутрь жилища. Северо-западная стена сохранилась лучше, хотя она тоже частично рухнула и осела, образовав небольшой завал. Основание ее на 30—35 см выше, чем северо-восточной. В юго-восточной стене расчищены нижние ряды кладки с подсыпкой из бурой почвы. Хуже всего сохранилась юго-западная стена, от которой уцелела лишь западная часть. По своей структуре эта стена несколько отличается от остальных трех и сложена в основном из мелких камней. Возможно, — хотя и мало вероятно, — что это внутренняя перегородка, но судить об этом пока трудно, так как площадь раскопа еще слишком мала. В этой стене прорезан вход в жилище.

Вдоль северо-восточной стены на полу расчищены 3 ряда плоских

¹ В составе отряда работали: М. В. Воробьев (начальник отряда), Н. Н. Забелина (заместитель начальника экспедиции), Н. Л. Тимофеев, Д. П. Кудрявцев, Ю. В. Аргутяева, М. И. Герасимов.

каменных плиток, уложенных очень плотно друг к другу. Между 2 и 3-м рядами (считая от стены) оставлен промежуток. Следы такой же выкладки обнаружены у северо-западной стены. Это остатки кана — особой системы отопления, при которой дым и тепло проходят по дымоходу, проведенному по полу жилища вдоль двух или трех стен (в виде букв Г или П). В данном случае, вероятно, вскрыт кан Г-образной конструкции. Обычно выход кана находится за пределами жилища (иногда далеко от него). Следы выходного отверстия, видимо, сохранились в виде ямы с наружной стороны жилища у западного угла. Эта яма, диаметром 1,1 м, достигает

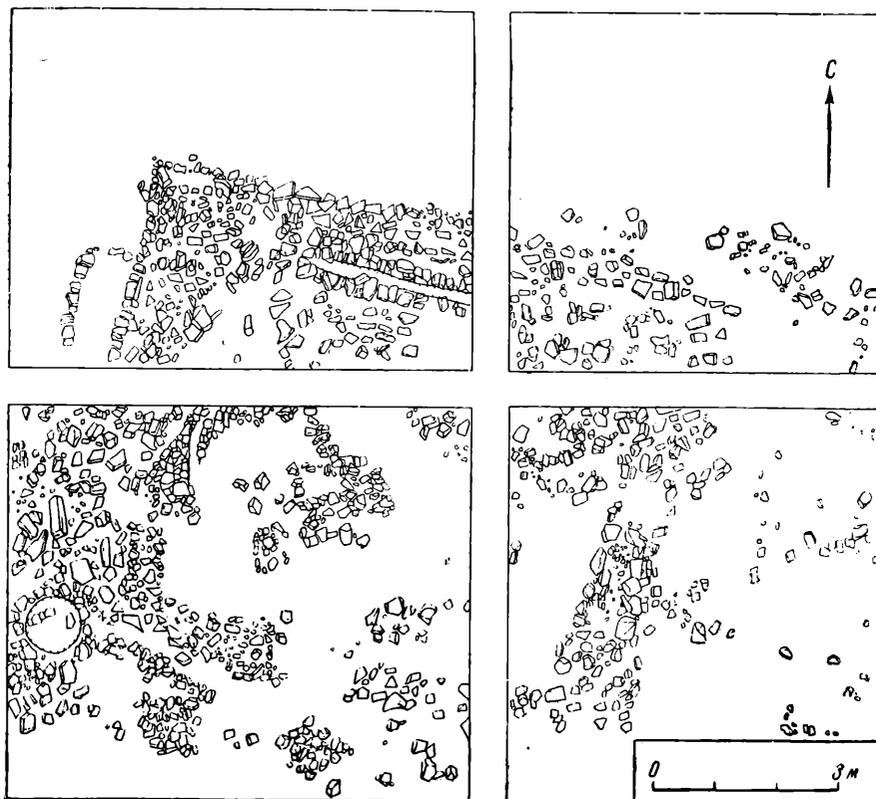

Рис. 46. План жилища в крепости на Красноярской сопке (терраса № 1).

глубины 35 см. Стенки ее и дно выложены камнем. В ней обнаружены небольшое количество древесного угля, осколки керамики, обломки железных изделий и китайская монета.

Пол жилища относительно горизонтальный в западно-восточном направлении, имеет довольно резкий уклон к югу (до 1 м). Поверхность пола выровнена и утрамбована.

Судя по имеющемуся материалу, крыша жилища была легкая — из тростника, соломы и т. п. Следов от столбов, поддерживавших более грузную кровлю, нет; черепица и кирпич, столь обычные для других сооружений крепости, почти отсутствуют.

В заполнении жилища, в завале стен и остатках их, а также на полу жилища собрано сравнительно небольшое число находок. Первое место по количеству занимает керамика. Встречались фрагменты посуды 2 типов — серой и кирпично-красной. Серая — гладкая, толстостенная,

очень прочная. Употреблялись довольно крупные сосуды — горшки с плоским дном и сильно загнутым венчиком. Кирпично-красная керамика — очень хорошего, равномерного обжига. Сосуды этого типа менее толсто-стенны. Количественно кирпично-красная керамика уступает серой.

Помимо нескольких обломков гладкой серой черепицы и синего кирпича следует упомянуть небольшое грузило продолговатой, цилиндрической формы, с желобками для лучшего прикрепления (рис. 47 — 4).

Следующую группу составляют изделия из железа. Среди них обращают на себя внимание наконечник дротика и 2 наконечника стрел.

Наконечник дротика с полым насадом достигает в длину 26 см при сравнительно коротком (11 см) и узком (1,7 см) лезвии, с ребром посередине. На конце насада — щель для лучшего закрепления наконечника на древке (рис. 47 — 1). Наконечник стрелы — с длинным и тонким черенком (5 см, при общей длине 12,5 см) представляет собой ромбовидную пластину с ребром посередине (рис. 47 — 2). Другой наконечник стрелы — очень своеобразной формы: лопатковидная плоскость лезвия заканчивается вогнутым острием, а с двух сторон черенка — два изогнутых жальца (рис. 47 — 3). Помимо этого, найдены несколько железных гвоздей, долот, обломков ножей и обломки железных пластин, — вероятно, от панциря.

На территории этого сравнительно небольшого жилища обнаружено 7 китайских монет. Дата выпуска всех, кроме одной, приходится на XI — начало XII в., что не противоречит предварительной датировке жилища, основанной на времени существования крепости и изучении находок.

Очевидно, это жилище принадлежало сравнительно бедным представителям племени чжурчженей и относится к XII — началу XIII в.

Раскопки производились еще в 2 пунктах крепости. В одном из них на площадке размером приблизительно 40×35 м (так называемое жилище № 2), окаймленной невысокими валами, на поверхности почвы были видны 2 каменных базы от колонн. Здесь заложен шурф (18×3 м) и обнаружены большое количество разнообразной черепицы, кирпича и единичные вещи. Рядом, на участке жилища № 1 (так называемый храм), под руководством Н. Н. Забелиной производилась зачистка рухнувшей черепичной кровли. Здесь прослеживаются контуры целого ансамбля парадных

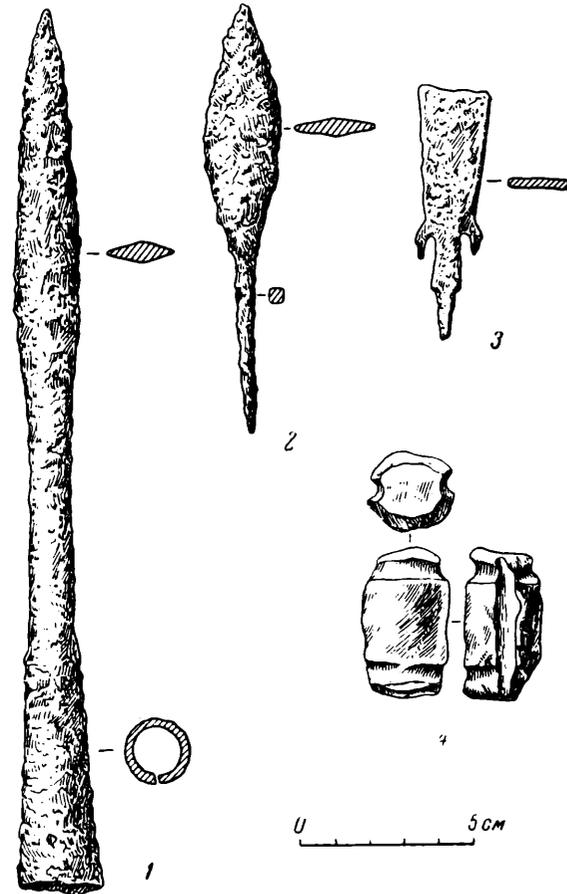

Рис. 47. Вещи из раскопок жилища.

1 — железный наконечник дротика; 2, 3 — железные наконечники стрел; 4 — глиняное грузило.

построек, причем для их размещения использованы специально подготовленные площадки. При сооружении кровли, опиравшейся на колонны, применялись фигурная черепица и декоративные глиняные изображения драконов (на концах кровли).

В итоге работ вчерне завершены раскопки небольшого жилого сооружения и продолжающиеся раскопки парадных зданий Красноярской крепости уже дали интересный материал из области частной и общественной жизни обитателей крепости — чжурчженей, создавших в XII—XIII вв. мощную империю Цзинь на территории современного Приморья, Маньчжурии, Восточной Монголии и Северного Китая.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

М. Я. РУДИНСКИЙК ВОПРОСУ О ДРЕВНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОРУДИЯХ
ИЗ КВАРЦИТА

Среди материалов, обнаруженных мной в бассейне средней Ворсклы на стоянках позднего неолита, каменный инвентарь был представлен орудиями из кремнистого песчаника; тогда я подчеркивал особое значение вопроса об использовании кремня и некремневых пород в изготовлении орудий труда¹.

Внимание исследователей материальной культуры древнейших этапов развития человеческого общества было обращено в первую очередь на изучение кремневой индустрии. Кремень был основным материалом для изготовления орудий, с которым не могла конкурировать ни одна из близких ему по качеству каменных пород. В частности, в исследованиях палеолитических остатков комплексы кремневых изделий были и остаются наиболее прочной базой для определения характера культуры и установления ее уровня.

Использование иных пород обычно объясняется отсутствием кремня в тех или иных областях и, значит, обусловленной этим обстоятельством известной изолированностью их обитателей от районов с развитой кремневой индустрией. Везде, с развитием сношений между отдельными группами населения, кремень быстро занимает принадлежащее ему место и вытесняет местный худший материал. Прогресс производства каменных орудий, в первую очередь в палеолитическое время, протекает по линии усовершенствования кремневой индустрии.

Вот почему в описании орудий, сделанных не из кремня, исследователи ограничиваются обычно обозначением использованной породы и лишь в редких случаях говорят о качестве выделки, отвечающей или не отвечающей технике обработки кремня.

Среди некремневых пород наиболее доступными и наиболее распространенными в природе были различные виды песчаников с кварцевым и кремневым цементом, объединяемые общим названием кварцитов. Несмотря на то, что находки древнепалеолитических орудий из кварцитов (и иных пород, близких по качеству и кремню) были отмечены давно и во многих областях Старого Света, кроме приатлантического запада Европы,

¹ Михайло Рудинський. Дюні стації неолітичної доби з побережжя Ворскла (Охтирський повіт на Харківщині). Записки Українського Наукового Товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині, І. Полтава, 1919, стр. 79—92; М. Рудинський. Кварцитові вироби в інвентарі пізньонеолітичних стацій на Україні. Збірник на пошану академіка Д. І. Багалія. Київ, 1927, стр. 264—285.

в Африке и на азиатском юге², до первых высказываний об их месте в развитии древнепалеолитической каменной индустрии прошли десятки лет.

Достаточно вспомнить, что в начале века (1900 г.) в своей работе о палеолитических остатках у Карарского озера на этом вопросе не остановился еще и М. Буль, давший очень четкую характеристику полученных материалов, видимо, из двух разновременных комплексов — ашельского с орудиями из кварцита и более поздней поры с изделиями из кремня³.

Позднее вопросу о палеолитических кварцитах, в частности в областях, прилегающих к Средиземноморью, М. Буль придавал исключительно важное значение. Сводка указаний на использование кварцитов и иных, близких к ним по качеству, некремневых пород в его «Ископаемых людях» и, в особенности, новые данные в монографии «Грот Обсерватории в Монако» привели его к обобщению, что «в средиземноморских областях каменная индустрия из более грубых материалов, между прочим, из кварцитов, предшествовала развитой кремневой индустрии, которая постепенно ее заменила»⁴.

Хотя это утверждение было высказано в категорической форме, оно не вызвало в дальнейшем углубленного обоснования с привлечением новых материалов. В известной мере обоснованием ему на материалах «среднего палеолита» Европы дал М. Р. Соте в своей «Доистории Средиземноморья»⁵. В ряде характеристик инвентаря мустерских местонахождений присредиземноморских областей Европы он подчеркнул наличие постепенного изменения «кварцитового облика» некоторых предмустерских и раннемустерских стоянок и дальнейшего совершенствования их инвентаря в сторону развития кремневой индустрии мустерской эпохи.

Мне кажется, что мы могли бы увеличить число интересных сопоставлений М. Р. Соте новыми данными работ в южных областях Восточной Европы и в первую очередь на территории Украины, которую необходимо рассматривать как северную периферию Средиземноморья в широком понимании слова.

Среди исключительно большого числа палеолитических местонахождений Украины, открытых и частично исследованных в послереволюционное время, находки, относящиеся к эпохе так называемого «среднего палеолита», остаются и немногочисленными, и недостаточно еще осознанными в смысле отнесения их к определенным этапам развития культуры этого времени.

При нынешнем состоянии наших знаний о древнем палеолите Европейской части территории СССР едва ли можно говорить о так называемом «среднем палеолите» Украины в рамках мустье с его принятым у нас трехчленным делением. Развитие общественных объединений эпохи мустье в различных областях нашей территории шло разными путями и проявлялось в отличных оформлениях материальной культуры. В частности, вопрос об эволюционном развитии сложившихся в это время индустрий и о перерастании их в древнейших проявлениях культуры позднего палеолита остается открытым. Мы продолжаем стоять перед все еще не разрешенной проблемой разветвления или, во всяком случае, раздвоения единого, как принято считать, культурного начала: по линии мустье — ориньяк

² G. et A. de Mortillet. Le Préhistorique, 4-me édition. Paris, 1910, стр. 556—625.

³ M. Boule. Station paléolithique du lac Karâr (Algérie). «L'Anthropologie», XI, 1900, стр. 1—21, табл. I, II.

⁴ M. Boule. Les hommes fossiles, 2-me édition, 1923, Chapitre X—Les hommes fossiles hors de l'Europe, стр. 355—447; M. Boule et L. Villeneuve. La grotte de l'Observatoire. Archives, de l'Institut de Paléontologie Humaine, Mémoire I. Paris, 1927.

⁵ M. R. Sauter. La Préhistoire de la Méditerranée. Paris, 1948.

и по линии мустье — солютре. Корни этого «единого» начала, несомненно, идут в глубь истории первобытного общества и их необходимо искать в древнейших оформлениях культуры палеолита.

Отсутствие данных о первых фазах ориньяка в границах днестровской палеолитической области и костенковского узла позднепалеолитических местонахождений, с одной стороны, и, с другой, — пока полное отсутствие указаний на остатки древнейших палеолитических индустрий в Крыму убедительно свидетельствуют о необходимости углубить изучение позднепалеолитических памятников на территории Украины в этом отношении.

В последних сводках по палеолиту СССР местонахождений древнего палеолита на территории Украины известно около 30. Не говорю о мустьерских местонахождениях Крыма и Ильской стоянке, Кодаке на Днестре, Молодове и стоянке Касперовцы I на среднем Днестре. Большинство отмеченных здесь пунктов является лишь первыми намеками на возможность открытия стоянок. Оставляя в стороне отдельные находки одного или нескольких кремней без уточнения места их обнаружения и без надлежащего раскрытия геологических условий находки, можно назвать лишь несколько более или менее выразительных комплексов. Это комплексы с 3 местонахождений: на Северском Донце у хутора Колесникова при впадении р. Деркула (П. П. Ефименко, 1924) и у Красного Яра (С. Н. Замятнин, 1933) и на Днестре у с. Федоровка на Круглике (В. Н. Даниленко, 1946).

Инвентарь местонахождения у Федоровки в массе состоит из орудий и остатков производства из кварцита, петрографически определенного как кварцит халцедонизированный, и иных некремневых пород. Впрочем, в этом комплексе, относимом ко времени, непосредственно предшествующему мустье⁶, отмечены в небольшом количестве и обломки расщепленного кремня⁷.

Отметим, что и в инвентаре Кодакской стоянки, возраст которой не уточнен, наряду с кремнем, отмечены кварц и песчаник⁸. Мы не имеем настоящего представления об орудиях стоянки. Единственное опубликованное орудие, определенное как «скребло»⁹, изготовлено, кажется, из кремня¹⁰.

Наиболее характерен комплекс с Деркула. Однако здесь не был учтен один, очень интересный, с моей точки зрения, момент. В деркульском комплексе — на общем фоне изделий из кварцита — П. П. Ефименко назвал несколько кремней мустьерского облика, дополняющих представление о собранном материале. Не исключено, что и здесь перед нами — указания на 2 этапа развития индустрии мустье: более раннего с орудиями из кварцита и более позднего с остроконечником из кремня.

⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество. 3-е изд. Киев, 1953, стр. 167; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 59.

⁷ В. М. Даниленко. Круглик — перша нижньопалеолітична пам'ятка. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 329.

⁸ П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 72.

⁹ Г. П. Додічка. Дослідження палеоліту в УРСР. Палеоліт і неоліт УРСР. Київ, 1947, стр. 23, рис. 9.

¹⁰ По-видимому, из культурного слоя стоянки происходит прекрасный мустьерский остроконечник из кремня хорошего качества, найденный в 1951 г. сотрудниками Днепропетровского музея И. И. Артеменко и В. А. Мизиным в балке Сажавка вблизи места раскопок 30-х годов. Находка дает право говорить о возрасте стоянки с большей уверенностью (В. А. Мизин. Находка мустьерского остроконечника у с. Кодак Днепропетровской области. КСИД, № 6, Киев, 1956, стр. 36). Приводимое Н. Н. Карловым еще одно «орудие» (? — М. Р.) из комплекса Кодакской стоянки, которое он определяет как «срединный резец из серого кварцита», не может быть признано за таковое (Н. Н. Карлов. О некоторых мустьерских и ашельских охотничьих стоянках Среднего Поднепровья в связи с вопросом их датировки. Бюллетень КИЧП, № 17, 1953, стр. 54, 55, рис. 2).

Убедительные данные об использовании кварцитов в изготовлении орудий эпохи мустье мы имеем из западных областей Украины, в первую очередь из Тернопольской области.

Архивные материалы Львовского филиала Академии наук УССР и литературные источники дают достаточно обоснованные археологически (С. Круковский) и подтвержденные геологическими наблюдениями (Ю. Полянский) указания на палеолитические остатки мустьерского времени с верхних террас Днестра в окрестностях Залещиков.

Предварительно исследован комплекс местонахождения Касперовцы I выявлен отчетливо выраженный комплекс, с фауной (между прочим, без арктических форм) и показательным каменным инвентарем (кварцит с незначительным количеством кремневых объектов). Впрочем, уточнение возраста этого местонахождения в рамках мустье едва ли возможно без дополнительных данных.

Небезынтересны находки кварцитовых изделий у с. Печарна (к западу от Залещиков) и, в особенности, на урочище Поле Голятын между Залещиками и Голиградами на поверхности высокой террасы Днестра (пятой по Полянскому), за впадением р. Серета, на левом его берегу. Вместе с собранным здесь на обнаженном галечнике террасы комплексом позднепалеолитических изделий из кремня поднято несколько крупных скребел из кварцита, сопоставляемых исследователями с орудиями стоянки Касперовцы I.

Кварцитовые изделия мустьерского облика собраны в нижнем течении Серета, приблизительно в 30 км к северо-востоку от Залещиков у Бильча Золотого. Наконец, в окрестностях Теребовли, в среднем течении р. Серета, у с. Янив отмечена находка кварцитового отщипа со следами обработки древнепалеолитического характера; там же обнаружен обломок кости мамонта.

Таким образом, в границах указанного района известно уже 5 пунктов с палеолитическими остатками одного характера и одного, по-видимому, времени. По материалам Львовского филиала Академии наук УССР комплексы и отдельные находки древнейших орудий из кварцита относятся к эпохе мустье в широком понимании слова. Осторожность, которую нельзя переоценить.

В процессе работ Дубно-Кременецкой экспедиции 1948 г., перед которой стояла задача ознакомиться с общим характером палеолитических местонахождений южной части Тернопольской области, в маршруте сс. Касперовцы — Голиграды были осмотрены позднепалеолитические местонахождения на Поле Голятын и в урочище Вигушив у с. Голиграды.

На Поле Голятын, кроме прочих материалов, было поднято крупное кварцитовое орудие. Оно обнаружено на поверхности террасы, над южным ее склоном к долине Днестра, по правую сторону дороги из Касперовцев на Голиграды сразу же после подъема на плато. Осмотр этого участка террасы и части склона, покрытого густой растительностью, не дал дополнительных находок.

Орудие (рис. 48) изготовлено из удлиненного плоского куска кварцита грубой структуры, отделенного от края или от поверхности большого обломка. Об этом свидетельствуют и разная окраска слоев (вверху, до 2 см — светло-серого цвета, глубже — ровного, густо-серого тона с зеленоватым оттенком), и, в особенности, остатки коры мелкогубчатой структуры, сохранившиеся внизу на лицевой стороне. Размеры изделия: по длинной оси — 16,7 см, в наиболее широкой части — 11 см, средняя толщина — 3,5 см; вес — 861 г. Лицевая сторона в значительной части покрыта густым слоем известкового натека светло-желтого цвета.

Этот небольшой, плоский кусок камня был использован древним человеком с полным осознанием пригодности его для изготовления орудия.

Более тонкий к правому краю, в верхней части левого он ограничен естественно образовавшейся широкой (в среднем — до 3,5 см) гранью, как бы предназначенной для упора или более удобного зажима в руке. По-видимому, этими соображениями руководствовался мастер, оставивший левую сторону без обработки и отесавший более тонкий правый край; несомненно,

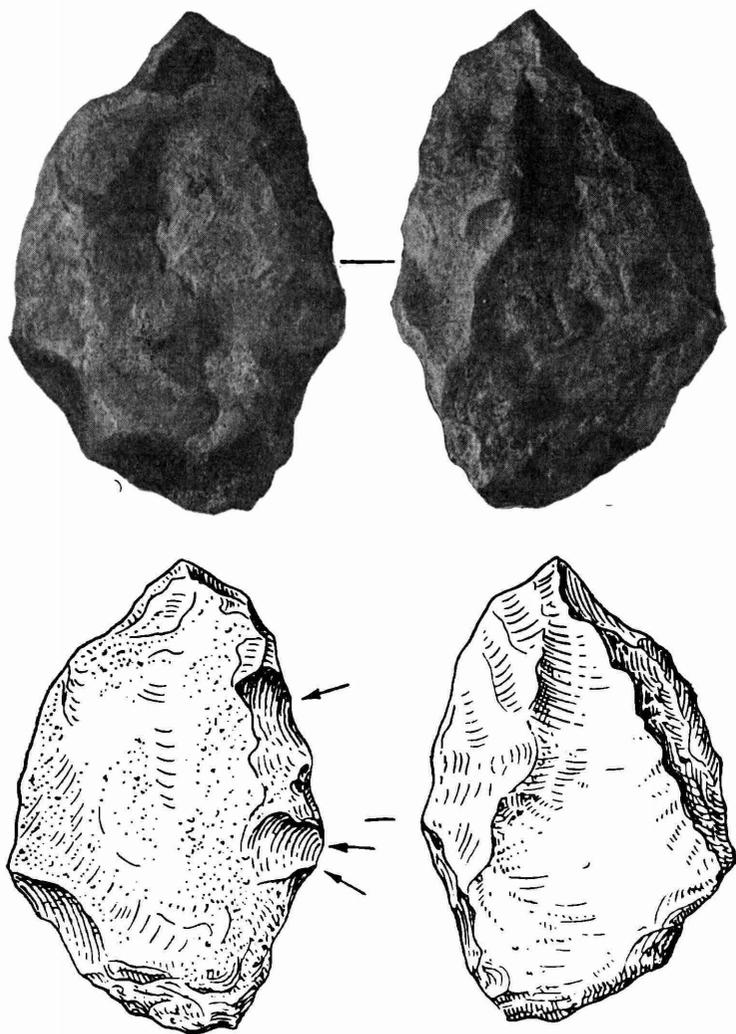

Рис. 48. Кварцитовое орудие с позднепалеолитического местонахождения Поле Голятын (фото и прорись).

эти признаки определили оформление орудия с использованием его для работы в зажатой руке.

Поверхность лицевой стороны, более или менее ровная, с небольшими углублениями естественного происхождения, не подверглась дополнительной отделке. Обработан только правый край, по всей его длине, грубой двусторонней отеской, оставившей по обеим сторонам ряд крупных негативов. Получившаяся ломаная, зигзагообразная линия — одна из наиболее характерных черт обработки материала в этой технике. В соответствии с дугообразно изогнутой линией левого края этой отеской был несколько

округлен и правый край. В результате орудие получило абрис вытянутой подовальной фигуры с острыми концами.

Необходимо учесть, что материал поддавался обработке нелегко. Благодаря свойственной породе раковистости излома не остается четко очерченных негативов отделяемых отщепов. Однако несколько хорошо выраженных фасеток свидетельствуют о скалывании небольших — широких и коротких — отщепов, веерообразно расширяющихся кверху. При отеске краев, в связи с неподатливостью материала и значительной толщиной края, в каждой точке обрабатываемого участка удар, по-видимому, приходилось повторять несколько раз. При этом отщепы получались очень тонкими и легко ломались, оставляя характерные негативы со ступенчато поднимающимся дном.

На обратной, более выпуклой стороне следы обработки видны на небольшом участке двусторонне стесанного (правого) края. По левому краю, у верхнего заостренного конца орудия отмечен лишь один широкий (4,5 см) негатив снятого здесь крупного отщепа, который, возможно, и сформировал заострение. На этой стороне заметны также следы обработки несколько иного характера. Вдоль всего внешнего (левого) края грани непрерывной цепочкой прослеживается ряд негативов от мельчайших отщепов, сбитых с него, по-видимому, с целью сгладить острое ребро, которое могло мешать более удобному захвату орудия рукой, упирающейся в сформированную этой гранью «пятку».

Функциональное назначение этого интересного кварцитового орудия древнепалеолитического облика не устанавливается. Возможно, что оно применялось при различных видах работы. Однако, судя по тому, что работать им было удобно, зажав в руке, причем ладонь упиралась в «пятку» широкой грани левого края, — нам представляется, что основной функцией орудия было «рубить», «раскалывать», «дробить». Конечно, это еще не «рубило» в узком смысле слова, в том оформлении, которое известно нам в древнейших индустриях палеолита.

Заканчивая краткий обзор древних кварцитовых изделий на территории УССР, следует указать, что число их находок, отмеченное мной в свое время на северо-востоке Украины¹¹, дополнилось материалами позднейших исследований по Десне и Сейму¹².

Очень интересно, что в районе среднего течения Десны с его залежами мелового камня в обнажениях правого берега реки у Пушкарей—Роговки, у Новгород-Северска—Горбова, у Разлеты—Буженки и в других местах, в каменном инвентаре и палеолитических (Мезин), и неолитических стоянок («острова» в пойме Десны между Мезином и Псаревкой, Лушники, устье Эсмани, Погореловка) отмечены изделия из местных кварцитовых пород высокого качества. Мощные выходы серого кремнистого песчаника известны, кроме Новгород-Северска (урочище Кляштор) и с. Буженки на Десне, в среднем течении Сейма в отложениях третичной эпохи в районе Вольнцева, Путиловского района и у с. Берюх на Глуховщине. Особенно часто эти породы использовались в эпоху раннего металла для изготовления не только крупных орудий, но и мелких изделий с двусторонней обработкой поверхности отщепов в хорошо освоенной технике широкой ретуши. В настоящее время можно говорить с уверенностью, что для эпохи раннего металла в северо-восточных районах УССР эта «кварцитовая» индустрия является одной из характерных черт производства в общем комплексе материальной культуры древнего населения этих районов. Здесь в эпоху раннего металла высококачественные кремнистые песчаники заменили кремень.

¹¹ М. Рудинський. Кварцитові вироби... стр. 281—283; е го же. Мар'янівська стація. «Антропология», III, Київ, 1930, стр. 179—188.

¹² М. Рудинський. Погоріловка. АП, т. VI, Київ, 1956.

Недавно, в связи с исследованиями в припиренейской области Нижней Гарроны, Р. Вофрей вернулся к давним высказываниям М. Буля о древних кварцитовых орудиях в своей небольшой заметке в «L'Anthropologie», озаглавленной «Был ли век кварцита?»¹³. Признавая, что «они не лишены некоторого обоснования», Р. Вофрей указывает на возможность иного освещения факта замены кварцитовой индустрии кремневой. Ему представляется, что разгадку такой замены можно искать не в отсутствие кремня в отдельных областях и наличии в них запасов иных, не кремневых пород (кварцитов в том числе), а в малой заинтересованности древних обитателей в качестве материала для изготовления орудий. Непосредственная близость мест обитания к запасам необходимого сырья свидетельствует о такой незаинтересованности. Р. Вофрей говорит даже об известной «лености», нежелании обитателей данной области проявлять большую энергию в разыскании запасов сырья лучшего качества при наличии местного материала, удовлетворяющего требованиям производства. Как будто так получалось и в только что приведенном примере использования кварцитов в эпоху бронзы на северо-востоке Украины. Однако это объяснение, «не лишенное определенного обоснования», не разрешает поставленного вопроса полностью, и я лично не могу оторваться от интереснейших наблюдений М. Буля и его тезиса (рассмотренного нами выше) о древних кварцитовых орудиях на европейском Присредиземноморье.

Осадочные породы кварцевого состава — песчаники и кварциты — особенно часто встречаются у нас в отложениях верхних ярусов третичной эпохи, перекрывающих отложения меловой системы с их обильными включениями кремня и в пластах большей или меньшей мощности, и в виде отдельных конкреций самых различных форм и размеров.

Выходы кварцитовых пород встречались шире и более часто, чем обнажения меловой системы. Кварциты лежали выше и пластами, кремень — глубже и чаще всего в конкрециях, одетых плотной коркой. Я бы не побоялся высказать, быть может, несколько смелую мысль, продиктованную, впрочем, многочисленными наблюдениями над различными видами песчаников третичной эпохи и ее средней поры во многих районах Украины. Не исключено, что в условиях территории УССР, покрытой плащом лёссовых отложений многометровой мощности, кремень был вторым материалом для изготовления орудий, лучшим по сравнению с песчаниками-кварцитами, которые были первым опробованным материалом в производстве изделий из камня.

Лишь дальнейшие исследования позволят окончательно уточнить вопрос об орудиях из кварцитов в древности.

¹³ R. V a u f r e y. Y-a-t-il un âge du quartzite? L'Anthropologie, t. 54, pp. 160—161.

IV. ХРОНИКА

Н. А. ОНАЙКО

КОНФЕРЕНЦИЯ 1956 года ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

С 21 по 26 мая 1956 г. в Москве проходила конференция, посвященная процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья.

Конференция была организована ИИМК. В ней приняло участие свыше 100 человек, представлявших 38 научных учреждений, из 22 городов СССР (Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Харькова, Одессы, Симферополя, Севастополя, Сталинграда, Керчи, Краснодара и др.).

Историки и археологи и раньше неоднократно обменивались мнениями по различным вопросам истории культуры греческих государств на территории нашей страны. Однако состоявшаяся конференция по существу является первой, на которой была широко поставлена одна из важных проблем истории античного мира.

Б. А. Рыбаков, открывая конференцию, отметил крупные успехи археологов в изучении античного периода истории в СССР и, касаясь ближайших задач советских антиковедов, обратил особое внимание на необходимость более широкой разработки некоторых вопросов идеологии.

На заседаниях конференции прослушано 16 докладов и состоялась широкая творческая дискуссия.

В основном докладе конференции «Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья» В. Д. Блаватский на основе анализа развития социально-экономических отношений наметил общие для этих государств исторические закономерности.

К началу античного периода на территории нашей страны племенной мир Северного Причерноморья имел многовековую историю и был сложным по своему этническому составу и социально-экономическому развитию. Проникновение мореплавателей из Эгейского бассейна на северное побережье Понта до середины VII в. до н. э. носило лишь спорадический характер. Период более тесного соприкосновения античного общества Средиземноморья с местными племенами Северного Причерноморья, когда появляются греческие эмпории, приходится на вторую половину VII в.— начало VI в. до н. э.

С момента появления первых греческих полисов на северном побережье Черного моря во второй четверти VI в. до н. э. и до конца первой четверти IV в. до н. э. продолжается «полисный» период социально-экономического развития этих городов. Рабовладение еще не получило большого развития. Отмечается значительная роль свободного труда.

Отрезок времени приблизительно от 370 до 309 гг. до н. э., когда многие греческие города Северного Понта приобрели ряд черт, близких тем,

которые позднее наблюдались в эллинистических странах Востока, В. Д. Блаватский называет «протоэллинистическим» периодом. Для этого периода характерны зачаточные формы эллинизма в социально-экономическом и историко-культурном отношениях. Наиболее ярко черты протоэллинизма проявляются на Боспоре. Теперь рабство получает большее распространение.

В период с конца IV в. до первой половины I в. до н. э. продолжают развиваться развитие рабовладения и рост имущественного неравенства. После опустошительных войн первой половины I в. до н. э. некоторые разоренные города северного побережья Черного моря, по мнению В. Д. Блаватского, были восстановлены при активном участии местных племен, особенно сарматских. С этого времени на Боспоре усиливается власть царя-военачальника, города утрачивают прежнюю политическую роль. Рабский труд постепенно вытесняется трудом пелатов, хозяйство все больше приобретает натуральный характер, а города рустифицируются. Эти процессы с особенной остротой выступают с середины III в. н. э. В то время как Ольвия и Херсонес подверглись римской экспансии, Боспор не испытал существенного влияния со стороны Рима.

Выступавшие в прениях подчеркнули важное значение выдвинутых В. Д. Блаватским новых вопросов в области изучения Северного Причерноморья. Вместе с тем выявились спорные положения, которые дискутировались в прениях и по другим докладам.

Наиболее оживленно обсуждался вопрос об экономическом развитии Боспора в III—II вв. до н. э. И. Б. Зеест, Д. Б. Шелов, Н. В. Анфимов и Ю. С. Крушкол, став на сторону автора доклада, доказывали, что высказанное в свое время С. А. Жебелевым мнение о постепенном увядании экономики Боспора в III—II вв. до н. э. теперь не выдерживает критики. Они считают, что несмотря на отдельные кризисные явления, связанные с изменениями в хозяйственной и политической жизни боспорских городов, — в целом нет оснований говорить об экономическом упадке Боспора в это время. В защиту взгляда С. А. Жебелева в той или иной мере выступили А. И. Болтунова, Е. Г. Кастанаян и В. Ф. Гайдуквич.

На недооценку В. Д. Блаватским роли Рима в истории развития Боспора указала А. И. Болтунова. П. Н. Шульц полагает, что Рим оказал значительное влияние и на Ольвию. Этот взгляд не получил поддержки выступавших в прениях М. М. Кобылиной, С. И. Капошиной, Л. М. Славина и Н. И. Сокольского. По их мнению, римское влияние в жизни этих государств носило чисто внешний характер, о чем свидетельствуют эпиграфические и археологические данные.

По поводу определения Боспора спартокидского времени как греко-синдо-меотского государства с В. Д. Блаватским полемизировали В. Ф. Гайдукевич и Д. Б. Шелов, которые полагают, что в состав государства входили и скифские племена. В. Ф. Гайдукевич говорил об отсутствии существенной разницы в формах эксплуатации жителей азиатской и европейской частей Боспора. К. Ф. Смирнов и Н. И. Сокольский выразили сомнение относительно непосредственного участия сарматов в восстановлении боспорских городов на рубеже нашей эры.

Были высказаны также возражения против неудачной терминологии в определении отдельных периодов истории развития северопонтийских государств. Так, М. М. Кобылина предложила заменить название периода «протоэллинистический» другим, более точным, ибо между этим обозначением и явлениями культуры есть противоречия.

Многие из выступавших останавливались на вопросах, связанных с историей Ольвии. М. Ф. Болтенко и Н. А. Онайко согласились с докладчиком о существовании эмпория Ольвии, а С. И. Капошина отрицала

его. Л. М. Славин заметил, что выдвинутые В. Д. Блаватским хронологические построения не совпадают с периодизацией истории Ольвии.

Ольвийской тематики были посвящены доклады Л. М. Славина и П. О. Карышковского; некоторые вопросы затронуты в докладе С. И. Капошиной на тему «Ранние этапы греческой колонизации Нижнего Побужья».

Начало освоения греками о. Березани автор рассматривает как самый ранний этап греческой колонизации Нижнего Побужья, сыгравший значительную роль в последующем заселении территории этого района, а также для основания милетцами Ольвии. Местные поселения, синхронные первому (VII—VI вв. до н. э.) периоду заселения Березани, пока не известны. Во втором периоде (VI—V вв. до н. э.), уже после возникновения Ольвии, появляется лишь незначительное количество таких поселений. Сплошное же освоение Нижнего Побужья происходит, видимо, позднее в результате «внутренней колонизации» в IV в. до н. э. В связи с этим С. И. Капошина пришла к выводу о том, что локализация каллипидов к югу от Ольвии еще требует уточнения.

Л. М. Славин в докладе «К вопросу о периодизации истории Ольвии» на основании новых археологических данных сделал попытку пересмотреть ранее принятую периодизацию. Историю Ольвии, по его мнению, следует делить на 2 эпохи: 1) греческую — от основания города до разрушения его гетами и 2) греко-скифскую — от восстановления Ольвии после разрушения до конца ее существования. Каждая из эпох включает отдельные периоды: первая — периоды: а) основания (от начала колонизации до рубежа VI—V вв. до н. э.), б) процветания (рубеж VI—V вв. до н. э.— начало II в. до н. э.), в) кризиса (первая половина II в. до н. э.— середина I в. до н. э.); вторая эпоха — периоды: а) восстановления (вторая половина I в. до н. э.— середина I в. н. э.), б) нового подъема Ольвии (середина I в. н. э.— середина III в. н. э.), в) упадка (с середины III в. до конца существования Ольвии на рубеже IV—V вв. н. э.).

В докладе П. О. Карышковского «Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии в V—III вв. до н. э.» подробно изложена точка зрения автора о последовательности и датировках отдельных серий ольвийских монет и поставлен вопрос об относительной стоимости монетных металлов в Причерноморье в IV—III вв. до н. э.

С большим интересом был прослушан доклад А. Н. Карасева «Развитие строительного-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья». В нем не только систематизированы приемы нерегулярных каменных кладок, но и сделана попытка использовать их в качестве исторического источника для выявления социально-экономических условий развития северопонтийских городов.

В VI—V вв. до н. э. греки, поселившиеся на северных берегах Понта, использовали для построек в основном необработанный камень, который добывался открытым способом рабами и свободными. По мере роста и развития городов с V в. до н. э. появляется возможность широкого использования труда рабов в каменоломнях. Теперь для сооружений общественного характера, а со второй половины IV в. до н. э. — и для строительства богатых жилых домов употребляются крупные блоки. Как указывает А. Н. Карасев, это является отражением накопления богатств в руках отдельных крупных рабовладельцев.

С конца III в. до н. э. и во II в. до н. э. в технике кладки общественных зданий и жилых домов наблюдается все увеличивающееся огрубение. Сокращается добыча камня в каменоломнях. Со второй половины II в. до н. э. строительное-каменотесное дело Северного Причерноморья служит ярким показателем экономического и политического упадка античных городов.

В прениях особенно горячо обсуждался вопрос о локализации каллипидов, не получивший уточнения в докладе С. И. Капошиной. Все выступавшие пришли к единому мнению, что для решения этой проблемы необходимо расширить археологические работы в области Нижнего Побужья. Ф. М. Штителман говорила о существовании местных поселений догреческого времени в Нижнем Побужье, а М. Ф. Болтенко решительно отвергал наличие такого поселения на о. Березани.

А. И. Вошинина затронула вопрос о связях фракийцев с соседними племенами Северного Причерноморья, хотя он и не имел непосредственного отношения к докладу. Она разделила высказанную ранее А. П. Манцевич точку зрения о принадлежности некоторых шедевров торевтики Северного Причерноморья к изделиям фракийских мастерских. Отвечая А. И. Вошининой, Н. Н. Погребова согласилась, что между фракийцами и скифскими племенами существовали тесные связи, однако они прослеживаются не на золотых предметах, выполненных греческими мастерами, а на других категориях археологических находок.

Большинство выступавших по докладу Л. М. Славина (П. О. Карышковский, П. Н. Шульц, А. И. Фурманская и Ю. С. Крушкол) возражали против неудачных обозначений исторических этапов развития Ольвии. В частности, указывалось, что нельзя класть в основу названия эпох этнический признак. Е. И. Леви высказалась за более раннюю дату основания Ольвии, чем принятая в последнее время — вторая четверть VI в. до н. э. В связи с предложенной докладчиком новой датировкой кризиса в Ольвии (начало II в. до н. э. — середина I в. до н. э.) выявились разногласия. Спор шел о том, когда же начался кризис. Есть основания полагать, что еще в III в. до н. э., при наличии расцвета культуры города, в социально-экономическом его развитии уже наметились элементы противоречий, которые и привели к кризису во II в. до н. э.

В. Д. Казакевич, выступая по докладу П. О. Карышковского, не согласился с предположением, что рынок будто бы не реагировал на процент содержания золота в кизикинах, и сослался на сравнительный материал более поздних эпох. В. Д. Блаватский поддержал мнение П. О. Карышковского о том, что падение курса золотой монеты в Ольвии в конце IV в. до н. э. было обусловлено многочисленными эмиссиями македонского золота, что связывается с общим ходом исторического процесса.

Мнения выступавших по докладу А. Н. Карасева разошлись главным образом в определении задач его исследования. Одни (И. Б. Зеест) указывали А. Н. Карасеву на то, что в докладе не охарактеризовано строительно-каменотесное дело сарматского периода и не отражено (И. Т. Кругликова) влияние местных приемов кладок. Другие (П. Н. Шульц) считали, что эти вопросы требуют специального изучения. Вместе с тем у П. Н. Шульца вызвало недоумение другое: почему докладчик не уделил внимания характеристике орудий производства, транспортировке, а главное, — описанию обработки камня в условиях создания сооружений.

В докладе С. Ф. Стржелецкого, Г. Д. Белова и М. А. Наливкиной разбирались вопросы истории Западного Крыма.

С. Ф. Стржелецкий доложил об основных этапах экономического развития Херсонеса и периодизации его истории. Отметив, что территория Гераклейского полуострова была заселена уже со II—I тысячелетия до н. э., а в конце VI в. до н. э. там существовал ионийский эмпорий, докладчик предложил делить историю Херсонеса на следующие этапы. Период с основания города в 422—421 гг. до н. э. до рубежа IV—III вв. до н. э. — первый этап развития Херсонеса, занимавшего в это время небольшую территорию. Отмечаются слабо развитое сельское хозяйство и тесные торговые связи с Гераклеей. Второй этап — начало III в. — конец II в. до н. э. — период экономического процветания Херсонеса. Конец

II в.—конец I в. до н. э. — переходный период, когда замечается изменение системы землевладения. I—III вв. н. э. характеризуются как новый подъем в экономике города. С конца III в. наступает кризис рабовладельческой системы Херсонеса, завершившийся в V в.

В докладе Г. Д. Белова «К вопросу об изучении экономики эллинистического Херсонеса» обобщены новые данные раскопок автора за последние десятилетия. Они знакомят со строительной техникой, производством, земледелием и торговыми связями Херсонеса, получившими широкое развитие в III—II вв. до н. э.

М. А. Наливкина рассказала о торговых связях античных городов Северо-Западного Крыма (Керкинитида и Калос Лимен в V—II вв. до н. э.). Результаты раскопок городищ Евпаторийского и у поселка Черноморское показали, что они играли важную роль в экономической жизни северо-западной части Крыма, особенно для Херсонеса. Несмотря на то, что основой экономики античных городов этого района было сельское хозяйство, Керкинитида и Калос Лимен уже с раннего периода своего существования вели оживленную торговлю: в V—IV вв. до н. э. — с ионийскими центрами и Афинами, в IV—III вв. до н. э. — с Херсонесом и местным населением Крымских степей, с городами Северного и Южного Причерноморья. Со II в. до н. э. происходит сокращение торговли, прекращается чеканка монет в Керкинитиде, что, по-видимому, было связано с наступлением Крымского государства скифов на греческие города.

Одним из спорных положений доклада С. Ф. Стржелецкого оказался вопрос о существовании «старого» и «нового» Херсонеса. Н. В. Пятышева отметила, что докладчик преувеличивает роль сельского хозяйства в Херсонесе, а В. Д. Блаватский, наоборот, решительно отвергает мысль о том, что основой экономики города была торговля, так как древний мир не знает чисто торговых центров. И. Н. Бороздин высказал мнение, что часть херсонесских земель принадлежала государству, часть — частным лицам.

Выступая по докладу М. А. Наливкиной, Н. В. Пятышева поставила вопрос о необходимости выяснить, на каких правах Херсонес владел Керкинитидой и Калос Лименом.

В докладах В. Ф. Гайдукевича и П. Н. Шульца была дана характеристика взаимоотношений античных государств Северного Причерноморья с местными племенами.

В. Ф. Гайдукевич («Боспор и скифы») полагает, что в период возникновения в Восточном Крыму греческих торговых факторий, а затем колоний, там обитали племена, родственные таврам. С появлением в VI в. до н. э. скифов-кочевников эти племена ассимилировались скифами. В V в. до н. э. скифы, кочевавшие в степях Крыма и являвшиеся частью так называемых царских скифов, были непосредственными соседями греческих городов Европейской части Боспора. Важным памятником, освещающим их взаимоотношения в это время, являются Нимфейские скифские курганы. Существовавшие до III в. до н. э. тесные взаимоотношения между Боспором и скифами стали враждебными в связи с образованием скифского государства в Крыму. Длительное соперничество между этими государствами нашло окончательный исход в конце II в. до н. э., при Савромате II, когда скифы были разбиты и включены в состав боспорского государства.

Доклад П. Н. Шульца «Тавры и их взаимоотношения с античными городами Северного Причерноморья» был посвящен мало изученной теме. Археологические работы в Крыму за последние годы позволили исследователю наметить географические районы обитания таврских племен и следующие основные хронологические этапы развития таврской культуры: 1) ранние тавры (первая половина I тысячелетия до н. э.), жившие раз-

роженными племенами и родовыми группами; связи с греческими городами незначительны; 2) тавры средней поры — V—II вв. до н. э., стоящие ниже скифов по уровню развития; в это время, возможно, формируется союз таврских племен; связи с греческими городами (особенно с Херсонесом) усиливаются; 3) тавры поздней поры — I в. до н. э. — I—IV в. н. э.; крепнет союз племен, оказывающий сопротивление римской экспансии, расширяются торговые связи, происходит ассимиляция тавров скифами и сарматами; 4) тавры поздней поры — времени раннего средневековья; остатки таврского населения поглощаются смешанной тавро-скифской и сармато-аланской средой.

Сравнительно большое количество докладов было посвящено социально-экономическим и политическим вопросам истории боспорских городов.

И. Б. Зеест прочла доклад «Экономические связи боспорских городов». Торговый обмен сыграл большую роль в истории экономики Боспора и оказал существенное воздействие на социально-экономическое развитие окружающих племен. Период от основания городов до IV в. до н. э. характеризуется расширением торговых связей Боспора и с местными племенами, и с центрами Средиземноморья. Подъем торговли особенно отмечается в период экономического расцвета Боспорского государства в IV—III вв. до н. э. С середины III в. до середины II в. до н. э., вслед за полосой временных экономических кризисов, намечаются изменения в развитии экономических связей Боспора. Социальный кризис (конец II в. — начало I в. до н. э.) приводит к нарушению торговли боспорских городов. В I—III вв. н. э. преобладающее значение в экономике государства получает местное производство, обслуживающее внутренние рынки. Пантикапей в это время становится доминирующим производственным и торговым центром. Во II—III вв. н. э. сокращается торговля с греческими городами. Вторжение готов на Боспор способствует резкому сокращению его экономических связей.

И. Т. Кругликова познакомила с результатами изучения сельской территории Боспора, давшими основу для характеристики сельскохозяйственного производства и непосредственного производителя, а также для составления археологической карты Керченского полуострова. На территории Керченского и Таманского полуостровов до появления греков жили скотоводческо-земледельческие племена. Основав здесь в VI—V вв. до н. э. города, греки обрабатывали небольшие окрестные участки земли. Господствующим видом хозяйства было мелкое землевладение при использовании труда рабов. Возросший спрос на боспорский хлеб в государствах Средиземноморья в IV в. до н. э. вызвал появление большого количества сельских поселений на Керченском полуострове за счет оседания на землю части кочевых племен. Наряду с мелким землевладением развивалось и крупное. Во II—I вв. до н. э. в связи с наступлением сарматских и скифских племен большинство мелких поселений Боспора прекратило свое существование. Основной базой зернового хозяйства, как и до IV в. до н. э., стали поселения азиатской части государства. В первые века нашей эры расширялись крупные землевладения. Все мелкие поселения погибли во второй половине III в. н. э. при нашествии готов.

Т. В. Блаватская («Боспор и Афины в V—IV вв. до н. э.»), пересматривая данные письменной традиции, пришла к выводу, что между Боспором и Афинами в период первого Афинского морского союза существовали враждебные отношения. И только в середине первого десятилетия IV в. до н. э. было заключено боспоро-афинское соглашение, содержавшее экономические и политические условия. Дальнейшее развитие этих отношений докладчик склонна объяснять не только экономическими интересами Боспора, но и стремлением Афин в союзе с боспорцами избежать македонского влияния.

Период позднего эллинизма в истории городов Боспора осветила Е. Г. Кастанаян. На археологических данных из раскопок Пантикапея, Тиритаки, Мирмекия и Порфмия докладчик показала картину глубокого экономического и политического кризиса боспорских городов в первой половине I в. до н. э.

Об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным доложил Д. Г. Капанадзе. Дав хронологическую сводку монет, найденных в Закавказье, автор доклада отметил наличие экономических связей между этими районами Причерноморья.

Обширные прения развернулись по докладу В. Ф. Гайдукевича. И. Т. Кругликова считает, что докладчик преувеличил роль скифов в истории Боспора и упростил картину смены культур на Керченском полуострове, в результате чего оказалась забытой срубная культура, последний этап развития которой многими исследователями связывается со скифами. Вопреки мнению В. Ф. Гайдукевича, И. Т. Кругликова утверждала также, что в конце IV в. до н. э. около торгового порта Феодосии жили оседлые земледельческие племена. В этом ее поддержал Д. Б. Шелов, который усомнился еще и в предположении докладчика, что в греческих городах скифы играли роль купцов и что существовало земледелие «полукоочевого» типа.

Касаясь вопроса об усилении на Боспоре тенденции к полисной автаркии в конце III—II вв. до н. э., Д. Б. Шелов высказал мнение, что это было связано с общим ослаблением династии Спартокидов, о чем свидетельствуют и нумизматические данные, и самый факт отречения Перисада в пользу Митридата.

Т. В. Блаватская отметила, что докладчик преуменьшает роль сарматов в истории Боспора. Н. И. Сокольский высказал предположение, что крымские скифы в I в. до н. э. были подчинены Боспору. Н. А. Онайко заметила, что содержание доклада В. Ф. Гайдукевича значительно уже, чем название, поскольку доклад построен в основном на анализе крымских памятников.

В. И. Надель привел некоторые лингвистические данные, свидетельствующие о наличии на Боспоре ирано-язычных, а в Крыму — фракоязычных элементов.

П. Н. Шульцу возражала И. Т. Кругликова, отрицая возможность влияния кавказских культур на тавров.

Из критических замечаний по докладу И. Б. Зеест отметим следующие: неверно утверждение, что в III—II вв. до н. э. прекращаются взаимоотношения Боспора с придонскими племенами; не освещены экономические связи сарматского населения с Поволжьем (К. Ф. Смирнов); неубедителен тезис о слабых взаимоотношениях Боспора с крымскими скифами (П. Н. Шульц).

Выступая по докладу И. Т. Кругликовой, Н. В. Анфимов заметил, что автором не сделаны попытки выяснить границы Боспорского государства. Г. А. Цветаева выразила несогласие с тем, что спрос на боспорский хлеб в IV в. до н. э. вызвал возникновение новых сельских поселений. Л. А. Мацулевич подверг сомнению наличие готского нашествия в III в. н. э. на территорию Боспора. С ним не согласился Д. Б. Шелов, напомнивший археологические материалы из раскопок крымских поселений и Танаиса, свидетельствующие о значительных разрушениях в это время. В. Ф. Гайдукевич поставил под сомнение возможность окончательного решения на археологическом материале вопроса о социальной структуре непосредственных производителей. В. Д. Блаватский, ссылаясь на исторические факты, считает, что процесс оседания кочевых скифов мог происходить только за пределами Боспорского государства.

Основные положения доклада Т. В. Блаватской оспаривались Е. А. Миллиор, не согласившейся главным образом с примененной автором методикой исследования. Ю. С. Крушкол, П. О. Карышковский, Д. Б. Шелов упрекали докладчика в недостаточном использовании археологических и нумизматических данных. М. М. Кобылина и Н. И. Сокольский отметили, что выводы Т. В. Блаватской не противоречат археологическому материалу.

В заключение конференции Н. И. Сокольским и Д. Б. Шеловым был прочитан доклад «Историческая роль античных государств Северного Причерноморья». Докладчики справедливо критиковали чуждые науке взгляды на характер греческой колонизации Северного Причерноморья в работах П. Н. Надинского и М. Курьянова. Рассматривая историю северопонтийских государств как часть всемирно-исторического процесса, Н. И. Сокольский и Д. Б. Шелов проследили роль этих государств по основным этапам их развития в политическом, экономическом и культурном аспектах. Для Средиземноморья северопонтийские государства имели большее значение в экономическом отношении, чем в политическом.

Греческая колонизация—своеобразный процесс, развернувшийся в рабовладельческом обществе древней Греции,—принципиально отличается от колонизации в последующие эпохи. Термин «колонизация» применительно к изучаемому периоду условен. Переселение греков носило земледельческо-торговый характер. Их отношения с окружающими племенами в VI—III вв. до н. э. были больше мирными, чем враждебными. Роль античных государств в истории Северного Причерноморья была в основе своей прогрессивной, так как тесный контакт с местным населением в известной мере ускорил социально-экономическое развитие последнего. Кроме того, греки познакомили местные племена с достижениями передовой в то время эллинской культуры. В свою очередь греческие государства испытали сильное влияние местных народов, что способствовало разложению у них рабовладельческих отношений.

Сама постановка и решение основных вопросов рассматриваемой проблемы были единодушно одобрены участниками конференции.

Конференция приняла резолюцию, в которой нашли отражение значительные успехи в работе археологов-антиковедов. Серьезные результаты достигнуты в накоплении нового фактического материала и в исследовательской разработке различных вопросов истории и культуры античных государств Северного Причерноморья. Об этом свидетельствуют вышедшие в последний период обобщающие работы—монографии, многочисленные статьи по отдельным вопросам, а также издание нового археологического материала.

Вместе с тем конференция отметила и недостатки в работе по изучению северопонтийских государств. Важнейшие из этих недочетов следующие:

1) недостаточность масштабов полевых археологических исследований и прекращение за последнее время субсидирования раскопок античных памятников со стороны Киевского, Одесского, Николаевского, Херсонского, Крымского областного и других музеев;

2) плохое состояние охраны историко-археологических памятников Северного Причерноморья;

3) сокращение экспозиции материалов по античной культуре (например в Одесском музее) вследствие неправильного понимания исторического процесса и роли античных государств Северного Причерноморья в истории нашей страны;

4) отсутствие публикаций материалов из раскопок Березани, Гераклеянского полуострова, Ольвии и ряда коллекций Государственного Эрмитажа и других музеев; недостаточность работы по созданию научно-популярных очерков и помощи со стороны исследователей местным музеям.

Конференция обсудила вопрос о перспективах дальнейшей работы и наметила созыв очередной конференции через 2—3 года на территории Украины с привлечением специалистов родственных наук. Отмечалась также необходимость расширения тематики последующих конференций и включения вопросов, связанных с историей Западного и Восточного Причерноморья, а также рабовладельческих обществ Закавказья и Средней Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМ — Артиллерийский исторический музей
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДФАН — Дагьневосточный филиал Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИЭ — Институт этнографии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТИИФ — Труды Института истории и философии
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AA — Archäologischer Anzeiger
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
PZ — Prähistorische Zeitschrift
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Р. М. Мунчаев.</i> Итоги Кавказской археологической конференции	3
<i>В. М. Массон.</i> О культе женского божества у анауских племен	14
<i>А. Н. Кирпичников.</i> К истории древнего Белгорода в X—XI вв.	21

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. П. Любин.</i> Первая находка нижнего палеолита на Ставрополье	33
<i>А. А. Формозов.</i> Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году	39
<i>А. П. Черныш.</i> Исследования стоянки Молодова V в 1955 году	48
<i>П. И. Борисковский.</i> Раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX) в 1956 году	57
<i>Н. Н. Гурина.</i> Работа неолитического отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году	64
<i>В. М. Массон.</i> Изучение анауских культур в 1956 году	70
<i>А. А. Иессен.</i> Азербайджанская экспедиция в 1956 году	78
<i>Л. И. Альбаум.</i> Раскопки Балалык-тепе в 1955 году	86
<i>А. М. Беленицкий.</i> Работы Таджикской археологической экспедиции в 1956 году	92
<i>С. С. Черников.</i> Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году	99
<i>А. П. Окладников.</i> Работы на Дальнем Востоке в 1956 году	107
<i>Р. В. Чубарова.</i> Археологические исследования в 1956 году на острове Сахалине	115
<i>М. В. Воробьев.</i> О работах Ворошиловского отряда в 1956 году	122

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

<u>М. Я. Рудинский.</u> К вопросу о древнепалеолитических орудиях из кварцита	126
---	-----

IV. ХРОНИКА

<i>Н. А. Онайко.</i> Конференция 1956 года по истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху	133
Список сокращений	142

**Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры, вып. 73**

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Т. П. Поленова*

РИСО АН СССР № 91—79В. Сдано в набор 6/1—1959 г.
Подписано к печати 18/III—1959 г. Формат 70 × 108¹/₁₆.
Печ. л. 9 + 3 вкл. Усл. печ. л. 12,33. Уч.-изд. л. 12,3.
Тираж 1500 экз. Т.-00070. Изд. № 3439. Тип. зак. № 10.
Цена 7 руб. 60 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9-я линия д. 12.